

Роман Булгар

**УБИЙСТВО
ЖУРНАЛИСТА**

Роман Булгар

Убийство журналиста

«Издательские решения»

Булгар Р.

Убийство журналиста / Р. Булгар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851766-2

Украина семимильными шагами мчится к первому Майдану. Убит известный журналист. Глас народа. Выразитель всех его чаяний и надежд. Кому-то выгодно обвинить в его гибели армию... Заинтересованные в провоцировании управляемого хаоса силы всеми возможными способами и средствами пытаются путем выдвижения ложных обвинений против отдельных военнослужащих дискредитировать руководство армии, что в конечном итоге приводит к трагической развязке. Продолжение повести «Пир во время чумы».

ISBN 978-5-44-851766-2

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Побег	6
I	6
II	16
III	32
IV	47
V	58
VI	69
VII	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Убийство журналиста

Роман Булгар

© Роман Булгар, 2017

ISBN 978-5-4485-1766-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Побег

I

Развлекательную передачу, ту, что, по обыкновению, прильнув к экранам телевизоров: черно-белых и цветных, новых и старых, смотрела большая часть населения страны, прервал экстренный выпуск новостей.

«...Над акваторией Черного моря потерпел крушение пассажирский самолет ТУ-154 всем известной российской авиакомпании „Сибирь“, совершавший регулярный рейс по маршруту...».

Респектабельный хозяин хорошо обставленного кабинета отвлекся от просмотра доклада, подготовленного к очередной сессии парламента. Поднял Мэтр свои вмиг загоревшиеся возбужденным блеском глаза.

То, что он услышал, должно было быть важным и представляло для него повышенный интерес. Исходя из самой постановки вопроса...

Если следовать элементарной логике, то, думалось ему, что или на этом самом борту летели граждане их независимого государства, или же Ненько-Украина сама как-то причастна к летному происшествию.

А потому, следуя элементарной логике, тотчас непременно кое-кто из высшего руководства страны начнет от всего страстно отрешиваться.

А тот, кто начнет упражняться во лжи, тот и имеет к этой катастрофе самое непосредственное отношение. Итак, осталось дожидаться, и явится перед всеми негласный автор трагедии над водными просторами...

– Ну, не томи... – ироничная ухмылка загуляла по губам Мэтра.

Кукольно красивая девушка с казенно строгим лицом зачитывала официальную версию происшествия в воздухе. Не то! Нет, не то! А вот они и дождались! На весь огромный экран засветились щекастое лицо и массивная грудь Министра обороны генерала армии Кузьмука.

«...На территории Крыма частями Юго-Западного оперативного направления проводились крупные командно-штабные учения войск с привлечением отдельных частей и подразделений. По плану произведены зенитно-ракетные пуски. Все учебные цели успешно поражены...»

Со всей серьезностью я заявляю, что радиус действия выпущенных при этом ракет составлял до тридцати километров. Какие-либо попытки связать происшествие в воздухе с идущими учениями неуместны...»

Мэтр удовлетворенно моргнул, и на его губах заиграла ироническая усмешка. Как же, как же! Так они все генералу взяли и сразу поверили!

Сладко потянувшись в удобном кресле, он размялся перед началом работы. Холеные кисти рук, как у пианиста перед началом игры, зависли над клавиатурой. Еще пару-тройку секунд прошло в предвкушении этого таинства, и вот пальчики застучали, а на экране монитора одна за другой быстро-быстро побежали электронные строчки:

«...Новый «триумф» Збройных Сил!..»

Еще свежо в нашей памяти трагическое происшествие в Броварах, когда в 1998 году управляемая баллистическая ракета, запущенная с одного из войсковых полигонов, из-за неполадок в системе управления сбилась со своего курса, отклонилась от заданной траектории...

...Самоликвидатор не сработал, боевая часть ракеты угодила в жилой многоэтажный дом, пробила несколько потолочных перекрытий. Лишь по счастливой случайности не произо-

шло большой трагедии. Не сработал взрыватель. А окажись он в полной исправности, не миновать беды...

И вот новый и поистине блестящий «успех» наших доблестных Вооруженных Сил. В присутствии Министра обороны, всего высшего генералитета, многочисленных зарубежных наблюдателей доблестные зенитчики сбивают самолет, следующий курсом Хайфа – Москва...

После печально известной трагедии на авиационном шоу под Киевом все полеты боевых самолетов ВСУ были запрещены...

В результате нового происшествия незамедлительно последует или уже последовало запрещение на все пуски ракет.

В свете вышесказанного во всей остроте поднимается закономерный вопрос: а зачем нам всем нужны такие Збройные Силы? Зачем тратить на них огромные деньги налогоплательщиков, если толка и прока от них нет никакого, а лишь имеется один нескончаемый Вселенский позор?..»

Зажужжал высокоскоростной лазерный принтер последней модели, выкидывая из своего чрева один листок за другим. Осталось все слегка отредактировать и можно отдавать в печать. Возьмет он с собой домой и просмотрит после пешей прогулки. Может, по пути еще в голову что-то придет, Мэтр отточит каждую фразу, придаст логическую завершенность.

Обычно он так всегда и поступал. Днем зарабатывал костяк, общую схему. А пока Мэтр шел домой, не торопясь, прогуливался по вечернему городу, заново в своей голове обдумывал, прокручивал по несколько раз.

Вечерком прибудет курьер, заберет окончательно готовую статью. А утром ее прочитают в свежем номере газеты «Приморские новости».

– Виталий Игоревич, я вам еще нужна? – в кабинет вплыла высокая стройная девушка – его помощница, подошла и наклонилась к шефу, ожидая ответа, волнительно двигала туго обтянутой филейной частью.

– Нет, Еленка, – он поднял глаза, и тут его взгляд уперся в маленькие крепенькие грудки, выглянувшие из-под низкого выреза. – Хотя, постой, окажи мне маленькую услугу, – Мэтр протянул руку и дотронулся до розового соска, ласкательно и в то же время требовательно затеребил его.

Крупно вздрогнув от пробежавшей по всему ее телу волны, девушка часто-часто задышала, с готовностью подобрала юбку, раздвинула ноги...

– Спасибо, Еленка, – мужчина благодарно погладил ее по спине.

– Всегда к вашим услугам, – мелодично пропела девушка.

Порядок. На этом уж точно ее трудовая вахта закончилась. Завтра ее ожидает подарок. Солидный довесок к ее скромной зарплате...

Уложив листки в кейс, Мэтр встал, окинул свой кабинет хозяйским взглядом. Часы показывали начало девятого. Мужчина покачал головой. Он запаздывал. Ох, эта Еленка! Любого может подвигнуть на подвиги...

Мэтр умиротворенно вздохнул. В радужном настроении он закрыл дверь кабинета. Снисходительно кивнул журналист на прощание вахтеру. Вышел из здания редакции. Когда-то оно носило имя «Червона комуна».

Слева виднелась Площадь Независимости, а когда-то имени 50-летия Октября. Одни названия оставались в прошлом, на смену им приходили новые. Из прежнего ансамбля зданий «Дом мебели» не переименовали. Пока. Может, в скорости в нем откроют казино или автосалон...

Уверенными шагами Мэтр пересек улицу Ицхака Рабина, бывшую Маршала Якира. Переименовали ее в честь израильского премьера. Чем именно он был ближе жителям Одессы, чем красный маршал Революции, расстрелянный в сталинских застенках? Вопрос...

Может, тем, что нынешний мэр города тоже был евреем не только по своему происхождению, но и по своей сущности? Переименовывая эту улицу, мэр сильно надеялся на помощь от своей исторической Родины.

Не торопясь, Мэтр пошел по улице Филатова. Хотя бы этот великий глазной хирург не столь сильно в свое время замарал себя связями с коммунистическим режимом, порочащими его с ног до головы, и потому его имя старательно не вымарывали на всех табличках с номерами домов.

Журналист шел по широкому тротуару, как он ходил изо дня в день, на протяжении последних лет, если только Мэтр не уезжал из города на очередную сессию Верховной Рады, депутатом которой избирался уже второй раз подряд. Народ, простой народ всецело доверял ему, сделал его своим представителем. Ибо он – Глас народа. Никак иначе. Он выражал на высокой трибуне все его, простого народа, чувства и чаяния.

Темнело, народу было мало. Две девчухи-подружки с востренькими глазками, замечающими все вокруг, о чем-то оживленно перешептываясь, шли на приличном удалении следом за самым известным Гражданином их города. Его они, конечно же, знали в лицо. Мэтра знали не только они.

Это лицо, представляющее их город, хорошо знала вся страна. То и дело появлялись его разоблачающие статьи. С экранов телевизоров Мэтр горячо призывал покончить с коррупцией и взяточничеством.

Постепенно и создался образ кристально чистого борца, всей своей душой радеющего за простого человека, за его счастливое будущее.

Две девчонки хвостиком шли следом, боясь подступить поближе, и не совсем ясно разобрали, что именно произошло прямо на их глазах.

Мимо них с привычным шумом и лязгом пронесся переполненный троллейбус. Обычное явление на оживленной улице. Приволакивая ноги, Мэтр, спотыкаясь, подошел к высокому и разлапистому каштану, оперся рукой об его могучий ствол, нелепо согнулся и стал приседать, держась рукой за правый бок, на котором расплывалось ярко-красное пятно...

Все газеты вышли с кричащими заголовками. «Убили журналиста!». «Погиб Глас народа». «Кому это выгодно?». «Доколе терпеть?»...

И почему-то почти все в один голос, как подговоренные, кричали о некоем военном следе. На месте убийства ничего так найдено и не было, но зато в рабочем компьютере журналиста обнаружили свежую статью, только-только им завершенную, о чем свидетельствовала дата окончания работы над этим документом. 20.01 по киевскому времени.

Всего-то через двадцать три минуты на Мэтра совершат злодейское нападение. Вывод напрашивался сам по себе. Кому все оно выгодно, если не военным? Нет, это они, вояки, только они и никто иной...

Экстренно созванное совместное совещание прокуратур безбожно затягивалось. И тогда старший следователь военной прокуратуры майор Полищук с нескрываемой озабоченностью в глазах посмотрела на часы.

Скоро пять часов, а их напыщенному словоблудию конца и края не видать. Она потихоньку вытаскала из кармашка мобильный телефон-раскладушку самой последней и самой навороченной модели.

Сосед справа понимающе хмыкнул и подтолкнул женщину в бок:

– Муж, должно быть, подарил телефон на именины?

– Угадал, Саша, – теплая улыбка скользнула по красивым губам. – Дитя в садике, не забранное! Оно-то не виновато, что мамка на работе...

– А на что муж нужен? – капитан коварно усмехнулся, делая тонкий намек на некие толстые обстоятельства. – Он знал, кого замуж берет...

Быстренько одним пальчиком Оксана набрала: «Рыжика сам заberi. Целую» и отправила SMS-ку. На большом цветном дисплее поочередно высветилось: «Сообщение отправлено», «Сообщение принято». Женщина облегченно вздохнула. Через минуту пришел ответ: «Будет исполнено».

Рыжик-Рыжик. Сначала Малахов ее так называл. А она еще с раннего детства боялась, что ее будут дразнить и называть рыжей. Даже волосы перекрасила, когда поступила в университет. А вот мужу ее естественный цвет жутко нравился, и тогда она перед тем, как выйти замуж, снова стала рыжей. Малахов ласково и любовно прозвал ее Рыжиком.

А через год у нее, нет, у них родилась дочка. Дочка. А она все ждала, что будет сын. Даже немного испугалась, что это может разочаровать ее мужа. Она ведь обещала своему Жеке, что родит ему наследника. А тут...

И снова Малахов, в который раз за первые год их совместной жизни, сумел ее сильно удивить. Целыми днями муж неотлучно крутился возле роддома, всегда готовый прийти к ней по первому ее зову.

Увидел Жека дочку, и глаза его восторженно вспыхнули:

– Она просто чудо! Какой прелестный Рыжик. Теперь у нас в семье будет целых два Рыжика. Спасибо тебе, Сана! Я люблю вас обеих!

Томительная тревога исчезла, и на душе потеплело. До поздней ночи Малахов сидел в машине, не уезжал домой. Она подходила к окну, и он моргал ей фарами. Сидел и сидел, пока она сама не отправляла его. Такая забота со стороны мужа была приятна. Убедилась она в безграничной любви к ней Малахова и в его исключительных человеческих качествах: полной преданности, чуткости и всеобъемлющей заботливости...

Легкий толчок в левый бок заставил ее опуститься с небес:

– Девушка, ау! Очнись, вернись же к нам. Ты... где? – начальник второго следственного отдела полковник Ковальчук крайне укоризненно покачивал головой. – Майор, будешь еще витать в облаках, сам оставлю тебя после совещания и по-новому все тебе, как следует, доведу.

Смущенно моргнув пушистыми ресничками, Оксана прислушалась.

– ...Министр обороны поставил перед всеми нами конкретную и ясную задачу, – проникновенно вещало начальство с высокой трибуны, – в самый кратчайший срок определить источники утечки сверхсекретной информации о чрезвычайном происшествии на этих учениях, тщательно провести свое собственное расследование по факту гибели журналиста, депутата Верховной Рады Виталия Иванчука...

Отстраненно блуждая взглядом по президиуму, майор чуть скривила свои губки в иронической усмешке. Вот кому-то сейчас повезет, будет ковыряться в вонючем болоте, увязнет в нем по самые помидоры...

– ...Возглавит группу старший следователь майор Полищук...

Оксана вздрогнула и растерянно заморгала. Вот и приплыли! Дальше и некуда. Вечно ей везет. Вспомнила про одно совместное совещание, с которого в ее жизни многое и самым коренным образом перевернулось. И в тот раз ей выпутаться с честью помог не кто иной, как Малахов.

– Какие у нас имеются рабочие версии? – в кабинете начальника 2-го следственного отдела остались только трое, так сказать, мозговой центр их небольшого подразделения.

– Алексей Петрович, – капитан Смирнов хитровато прищурился, – если это, конечно, возможно, то для начала озвучьте нам официальную позицию нашего и их, – он ткнул пальцем в потолок, – руководства.

Капитан не добавил, но всем своим видом убедительно говорил, мол, от угла этой печки они и начнут весело плясать неистового гопака.

– У Генеральной прокуратуры, – неопределенно хмыкнул Ковальчук, – одна рабочая версия. Убийство подготовлено и совершено офицерами спецподразделения «Беркут». Кому-то в высших эшелонах нашей власти чрезвычайно выгодно втоптать руководство армии в грязь.

– Вот так и никак иначе? – Оксана скептически качнула головой. – Легко им выдавать желаемое за действительное. А вот на практике...

– Одна из двух свидетельниц припомнила, что в данный промежуток времени навстречу им прошли два военных в форме спецназа.

– Ей оно, случайно, не показалось? – капитан Смирнов ухмыльнулся. – У нас пол-Одессы сейчас в военно-полевой одежде топчется...

Все мало-мальски сведущие люди знали, что без особой сноровки и не определить, что за шевроны и знаки различия, к какой службе и кто относится. Может, то ОМОН, может, и охранники из магазина напротив.

– У них на головах были малиновые береты. Они сели в фиолетовую «шестерку» и уехали. А потому всякие охранники отпадают, по крайней мере, из магазина напротив. Это ярко выраженная отличительная черта.

– А номера этой самой тачки, – Смирнов вопросительно потянулся бровями, – она не запомнила? Нашлась востроглазая и наблюдательная.

Отвечая капитану, Ковальчук усмехнулся:

– Нет, номера машины, к сожалению, она не запомнила.

– Жалко как! – улыбнувшись, протянула Оксана. – Мы бы вышли на ее след, раскрыли бы дело, что называется, по горячим следам.

– А ты, девушка, пока не торопись со своими поспешными выводами, – полковник качнул головой. – Я же тебя, помнится мне, предупреждал, чтобы ты на совещании не сонных мух своим прелестным ротиком ловила, а внимательно все слушала. Не пришлось бы тебе сейчас глупые вопросы задавать начальству. Умные вопросы, как всем давно известно, поступают только сверху, от вождей и руководителей, а снизу из масс – сплошь глупые. Не требующая иных доказательств жизненная аксиома.

– Ну, Алексей Петрович, тоже мне такое скажите, что я мух ловила, – смущенная улыбка только украсила чуть покрасневшие щечки майора. – Кто ж мог, скажите мне, слушая сплошные бредни, подумать, что это как-то может и даже коснется непосредственно именно нас?

– Они у нас, Алексей Петрович, не сонных мух ловили, а что-то в это время весьма сосредоточенно отстукивали их ненаглядному Малахову, – капитан Смирнов, по обыкновению, особо над этим не задумываясь, сдал свою непосредственную начальницу. – А потом, видно, все оставшееся время мечтали о нем. О чем свидетельствовали томно отсутствующая улыбка на полураскрытых губках и живой румянец на щечках.

– Саша! Саша! – возмущенная до самой глубины души Оксана не удержалась и показала свой кулачок. – Вот ты у меня и поедешь в Крым! Ночным поездом. Давай, дуй, оформляя командировку, вещи пакуй!

Смирненно-укоризненный вздох вырвался из груди капитана:

– Чуть что, у вас один капитан Смирнов и на уме и на языке.

– Стоп! Все, остановились, – Ковальчук предупреждающе приподнял руку. – Вы, кажется, забыли о присутствии старшего начальника. Взяли и устроили в его кабинете и у него на виду ребяческую перепалку.

– Извините, Алексей Петрович! Это моя вина.

– Разумеется, товарищ майор, – полковник усмехнулся. – Распустила подчиненного. Нюх потерял. Его сюда пустили, как приличного человека, куда простые смертные вступают, испытывая состояние благоговейного страха и трепета. А он прямо на глазах начал буреть, чувствуя к себе хорошее отношение со стороны своего непосредственного начальства.

– Мы его назначим вечным дежурным по отделу. Посмотрим, как он запоет. Звание задержим. И не видать ему большой майорской звезды.

– Звание не надо! – капитан испуганно замотал головой.

Выдержав должную паузу, полковник деланно нахмурился:

– Шутки в сторону. Девочка номер машины не запомнила. Однако его бдительно зафиксировала одна дотошная дамочка, что сидела в будке и торговала талонами на проезд в общественном электротранспорте.

– Она что, – Смирнов хмыкнул, – все номера машин записывает? Ей делать у себя на работе нечего? Ибо все ездят в трамвае «зайцами»...

– Не знаю... – полковник неопределенно пожал плечами. – Но эти ребята эдак удачно припарковались, что чуть ли не приперли дверку ее будки. И она уже собиралась звонить по телефону и кому-то жаловаться.

– И? – майор и капитан, как по команде, затаили дыхание. – Нашли?

– Подполковник Филимонов. С ним в тот вечер ходил майор Бойко. Оба с подразделения «Беркут». Востроглазая девчужка не ошиблась.

Оксана моргнула. Хотелось бы ей знать: то была случайность или же имелась закономерность? Но как все удачно сложилось!

– Ясно... – протянула майор. – Если попытаться выдавать желаемое за действительное, то жутко удобно. Мотив преступления имеется. Исполнители найдены. Осталось определить заказчика. И дело раскрыто.

Капитан Смирнов провел под записями две жирные линии:

– Ловко! И карты все удачно легли, словно на заказ. Будто их кто-то специально заранее подтасовал и сложил в нужной последовательности.

Словно подводя итог прениям, Ковальчук произнес:

– Кому-то наверху архи хочется спихнуть нашего Министра под весь этот шумок, грубо притянув друг к другу за уши все эти факты. Поэтому, Ксана, на утреннем совещании ты должна будешь выдвинуть другие версии, отличные от этой официальной, чтобы противопоставить их уже существующей версии, уравновесить ее.

– Цельный пакет версий? – Оксана прищурилась. – Кипой кинуть его на стол. Создать, по крайней мере, призрачную, иллюзорную видимость того, что гипотезы выстроены не на сыпучем и зыбком речном песке.

– Да, Ксана, что-то в этом роде. Как ты все это себе представляешь?

– Первое, – майор раскрыла рабочий блокнот, и ее ручка застрочила. – Убийство напрямую связано с его профессиональной деятельностью. Все его скандальные публикации. И не только как-то связанные с армией. Как депутат он мог быть и, скорее всего, был, без всякого сомнения, завязан во многих сферах общественной и политической деятельности.

И тут капитан решил обозначить свое присутствие:

– Следует нам срочно пробить все его публикации. Я сам возьму это неподъемное дело на себя. Стоит нам заглянуть и в редакцию.

– Правильно, Саша. Ход твоих мыслей на этот раз мне нравится, – полковник согласно кивнул головой. – Что еще?

Хмыкнув, Оксана, которую перебили, продолжила:

– Надо разобраться с его окружением. Попытаться найти тех, кому он чем-то досадил, насолил. Кому-то, может, чем-то перешел дорогу, где-то ненароком, может, и нарочно хвост прищемил, обидел неласковым словечком. Тех, кому это было на руку или же выгодно. Воссоздать, как можно полнее, его «славную» биографию. Важны любые мелочи.

– И оно у нас обозначится, Ксана, вторым пунктом...

На краткий миг перо в женских пальчиках задумчиво замерло, а потом снова решительно забегало:

– Третье – это убийство на бытовой почве. Подошла к нему самая обычная пьянь. Ткнула ножичком, схватила кейс и сделала ноги. А что, запросто. Закон случайных величин еще никто не отменял.

– Кого-то он из местной шпаны обидел, – Смирнов приподнял свой палец. – Девочку не поделили на танцах. Юбочку не той девице помял. Говорят, мужик из себя видный был. Можно предположить, что на девок падкий был. Чем черт не шутит, стоит и это провентилировать...

Красивые глазки майора иронично сверкнули:

– Частенько у нас, Алексей Петрович, случается, что разгадка таится там, где ее совсем не ищут. И лежит, вроде бы, у всех на виду, кажись, на самом видном месте, но все проходят мимо, ничего не замечают.

– Осталось нам определить это самое место. Все, на сегодня хватит! Саша, ты распорядись насчет подшивки газет, поставь задачу. Я кое-что пробью по своим каналам. До утра всем думать. Сбор у меня в восемь. Нет, в половину восьмого. И без опозданий, – указательный палец шефа медленно совершил полукруг и остановился на майоре.

Хотела Оксана возмутиться, но так и осталась сидеть с приоткрытым ртом. Ковальчук, заметив ее незаконченное движение, усмехнулся:

– Вот-вот. Бывает, что лучше посидеть и помолчать. Глядишь, и за умную сойдешь. Ладно, шучу. Сам понимаю, что семья, но. Ты помнишь, Ксана, я тебе говорил, что в нашей нелегкой профессии быть свободным – это лучше всего? Помнишь тот разговор, про свободу?

– Да, не будет извечных вопросов, – поддакнула майор, – «почему, с кем и когда все это прекратится?». Попробуй, объясни второй половине, почему в их родном правовом государстве у нас отношения с Трудовым кодексом на уровне первобытнообщинного строя. Используют верхи нас почище рабов в Древнем Риме. А мужик тоже, в свою очередь, требует...

– Не ходите девки замуж, ничего хорошего. Утром встанешь, грудки набок, рожа вся взъерошена...

– Однако, Алексей Петрович, ну, вы и скажете... – ушки у майора заметно покраснели. – Такого... от вас никак не ожидала...

Выйдя на улицу, троица разделилась. Оксана, мило улыбнувшись всем на прощание, сразу же поспешила домой. Благо находился он рядом, всего в двух кварталах. Сбылась ее давняя мечта. У нее появился свой собственный угол. Нет, в тот день сбылись сразу две ее мечты.

Как сейчас она помнит, до сих пор в ее ушах стоит ласковый голос Малахова: «Рыжик, выходи за меня замуж...». И она, ни секунды не раздумывая, согласилась, выдохнула в ответ: «Да, Жека, я согласна...»...

... Через месяц после того, как Оксана нашла его, жутко одинокого и тоскующего по ней, работающего на крыше, они поженились. Скромная свадьба нищего отставного подполковника и старшего следователя военной прокуратуры, живущей доселе на одну свою зарплату.

Страшнее, пожалуй, иного и другого пожелания в городе извечных шутников, в Одессе, не существовало. «Чтоб ты жил на одну зарплату!».

Но Оксана сильно за то не расстраивалась. Было бы чему так сильно расстраиваться. У нее наконец-то в ее одинокой жизни появился человек, которого она, оказывается, в душе любила до беспамятства.

После свадьбы Оксана перебралась из своей до смерти надоевшей ей общаги в двухкомнатную квартирку мужу и была просто счастлива.

Правда, до работы добираться стало ей сложно и далековато. Но что это все по сравнению с тем, что она приобрела в своей жизни с появлением в ней Малахова? Он мигом окружил ее, влачившую одинокое существование в унылой комнате в общаге, теплой заботой.

А потом Оксану на работе нашел Геша Мальцев, муж Кати, бывшей подруги ее Малахова. Как она про те былые отношения вспомнит, так и вздрогнет. До сих пор у нее от дикой ревности сводит скулы!

В далеком прошлом остались ее отношения со своим начальником Ковальчуком. Если бы она не встретила Малахова, то неизвестно, чем мог бы закончиться, куда зайти их стремительно набирающий обороты роман. В одно время ей казалось, что стоит слово сказать, и Ковальчук уйдет от своей жены. Но она старалась об этом факте не вспоминать, а Жека ко всему этому относился, как к чему-то, произошедшему с ними в их той, предыдущей, жизни. С Малаховым все было легко и просто...

И как-то у нее в кабинете появился Мальцев и представился.

– Здравствуйте, Геша, – она поднялась к нему навстречу.

– Извините меня, Оксана. Можно я вас так буду называть?

Показывая рукой на стул, Оксана кивнула:

– Геша, какие проблемы между нами? Или проблемы все-таки есть? – она тонко намекнула на имевшиеся толстые обстоятельства. – Мы даже чуть ли не стали родственниками. Вернее, Малахов и твоя Катюша...

Разглаживая ладонью морщинки на лбу, Геша широко улыбнулся:

– Если только вы что-то имеете к моей Катюше...

– Или она ко мне? – ловко отпарировала хозяйка кабинета.

В принципе, Оксана догадывалась о причине его, на первый взгляд, столь неожиданного визита. Как-то Малахов, особо не раздумывая, по своей душевной простоте, решив в горькой обиде на нее и на весь свет, что все для него кончено, отдал Кате ее, Оксаны, сумочку со всем ее содержимым. Даже не удосужился Жека, хотя бы ради приличия, в нее заглянуть. А мог бы, мог. Подумал он, что она уехала и забыла про него.

И она уже грешным делом, было, подумала о том, что все ее деньги, отданные Малахову на сохранение, пропали. А было их, помнится ей...

– Оксана, тут это... дело такое, – гость в некоторой нерешительности встал, прошелся по кабинету, остановился, переступил с ноги на ногу.

Видя его затруднительное положение, она пришла на помощь:

– Ну же, Геша, не стесняйтесь. Свои же все люди. Мы, я и Жека, недавно поженились. Можете меня и нас поздравить.

– Ух ты! – гость то ли облегченно, то ли восхищенно выдохнул. – Оксана, вы знаете, что ваши деньги попали к нам? – спросил он и с облегчением выдохнул, сбросив с плеч тяжкий груз, вытер ладонью блестящие бисеринки пота, предательски выступившие на лбу.

– Малахов сказал мне, что отдал их вашей Кате. Сказал, что он их ей подарил, – майор пожала плечами, не сводя с гостя своих внимательных глаз, желая узнать, к чему все его тягостно скрипучее вступление.

– Нет, мы с женой этакого подарка принять не можем.

– Чего так? – ее бровь удивленно приподнялась.

Вообще-то, она думала, что ее приданое уже безвозвратно пропало, благодаря безрасудному поступку Малахова. Но осуждать его за это она никогда не собиралась. Бандитские деньги, как легко пришли, так же текуче неудержимо и ушли. И чего же, спрашивается, жалеть об этом?

– Вы не думайте, Оксана, мы и не собирались присваивать их...

– Да что вы, Геша, говорите? – само собой вырвалось у нее.

В ее понимании, приличные люди от таких подарков отказываются, не принимают их и все. Учитывая некоторые обстоятельства дела.

– Мы, Оксана, чего уж тут греха таить, воспользовались ими. Но мы с Катей сразу условились, что все вернем до самой последней копейки. Вложим, прокрутим, провернем дело и рассчитаемся с вами сполна.

– Но, увы, – Оксана усмехнулась, эффектно скривились ее губки, – как оно обычно и бывает, все прогорело, и вы пришли поставить меня об этом в известность. Так сказать, обрадовать напоследок...

А у нее в душе затеплилась надежда. А тут... Полнейший облом.

– Что вы, Оксана. Наоборот. У нас все получилось.

– Да? – глаза у хозяйки кабинета зажглись недоверчивым огнем.

Неужели, подумалось ей, не все еще для них потеряно?

– И что же вы еще хотите от меня? Вы пришли сказать, сообщить мне радостную весть о том, что собираетесь вернуть мне мои деньги?

– Нет, – Геша потупился, ибо попал он в ситуацию, как кур во щи.

– Нет? – ее пушистые реснички озадаченно заколыхались. – Что-то вы, Геша, меня вконец запутали. То вы играете, то не играете...

– Понимаете, Оксана...

Майор невольно прищурилась. Хотелось бы и ей самой все понять, но Сана уже и не знала, что она должна понять и о чем думать.

– Деньги есть, но они вложены. Если их сейчас все вытащить, то фирма быстро прогорит.

– Фирма? У вас своя фирма? – от неожиданности майор, вернувшись за стол, присела. – Вы меня, Геша, извините. Вы сказали мне, что у вас фирма, или это мне только послышалось?

– Ну, может, это, – гость смущенно опустил глаза, – было чуть-чуть громко сказано. Небольшой собственный цех по производству кухонной мебели. Несколько торговых точек по продаже кое-каких сопутствующих товаров. Полы из ламинита, навесные потолки, декоративные плиты...

– Геша, давайте ближе к делу, – майор не выдержала. – Конкретно, что вам нужно от меня? Хватит ходить вокруг да около!

– Мы хотели, чтобы Жека встал у руля всего этого хозяйства.

Это было в такой степени неожиданно, что Оксана резко встала.

– Малахов? – ее глазки подозрительно прищурились. – А вы сами?

– Понимаете, Оксана, всем этим занималась Катя.

– Ну и? Продолжайте. Семейный бизнес. Чего еще вам не хватает? При чем тут мой Малахов? – она непонимающе моргнула.

Пожимая плечами, гость развел извиняющиеся руки в стороны:

– У Кати заканчивается отпуск. А я... стою у станка. Честно, так я, Оксана, – Геша смущенно улыбнулся, – в том особо и не разбираюсь. А вот у Жеки рулить неплохо получилось бы! Если бы он согласился...

– Стойте, Геша, не столь быстро, – Сана качнула головой. – И кем он у вас пристроится? Мальчиком на побегушках? В его-то звании?

Женское лицо накрыла хмурая тень. Сане эта мысль не понравилась. Хотя, то, чем в данный момент занимается ее муж, ничем не лучше, если хорошо разобраться, по самому большому счету.

– Деньги были ваши. Мы согласны на все ваши предложения. Можем поделить. Можем все отдать вам. Лишь бы вы меня при деле оставили, – Мальцев выговорился и с облегчением вздохнул. – Вот и все, – на его лице засветилась простая и чистая улыбка, ибо его миссия закончилась.

– Геша, если на Малиновском рынке, как я поняла, есть ваша точка, скажите, где и когда, и Малахов к вам подойдет. Я думаю, что он будет не против. По крайней мере, это лучше, чем заниматься ремонтом крыш.

Озадаченный Мальцев удивленно моргнул:

– Жека работает на крыше? С его незаурядными талантами Малахов мог бы найти себе занятие и попрестижнее, так сказать.

– Да, Геша, – женщина ничем не выдала своего отношения к этому, ни тени недовольства не появилось на ее красивом лице. – Говорит, что оно ему нравится. Что оттуда далеко до всего начальства и поближе к Богу. Там, на верхотуре, на многое смотрится по-иному...

Конечно, муж, особо не раздумывая, согласился. В душе у него все равно гнездились спрятанное далеко внутри чувство вины за то, что он в свое время не очень-то разумно распорядился деньгами, которые она ему передала. Хотя она никак ему об этом и не напоминала, но Жека всегда помнил о том, что он в горячке сморозил большую глупость.

К взаимному удовольствию всех особо заинтересованных сторон, Малахов быстро поделил имеющиеся активы фирмы пополам, произвел перерасчет, провел взаимные зачеты. В итоге, он и Катя, точнее, все-таки он и Геша стали совладельцами с равными долями и правами.

Двухкомнатная квартира Малахова по улице Малиновского отошла к чете Мальцевых, что вышло для них очень удобно. Окна одной из комнат выходили прямо на рынок. Катя при содействии бывшего подполковника, запустившего в ход все свои подходящие именно к данному случаю знакомства, перевелась служить в бригаду связи, что дислоцировалась в трехстах метрах от ее нового дома, переехала к мужу поближе.

А сами они приобрели квартиру в Центральном районе, поближе к ее работе, переехали туда. А там такое началось...

– Кто бы мог подумать, – задумчиво произнес капитан Смирнов, глядя вслед своей быстро удаляющейся начальнице под веселый перестук на тоненьких шпилечках высоких каблучков, – что у нее все сложится?

– Ты у нас о чем? – Ковальчук выплыл из плена невеселых мыслей.

Когда-то он стал всерьез подумывать о том, чтобы уйти от жены, но, как оказалось, немного опоздал. То ли на день-два, то ли на всю жизнь.

– Я бы никогда не поверил в то, что Малахов бросит пить. Когда она сказала, что выходит за него замуж, я подумал, что у нашей девушки после ранения что-то случилось с ее головой. Взять и кинуться в омут...

– А он бросил. Любовь Ксаны толкнула его. Архи сильно любит. Да, – полковник заморгал, – дурака я сваял в свое время. Такого маху дал...

– Вы? – капитан кинул на начальника отдела испытывающий взгляд.

Когда еще дождешься от высокого начальства этакой откровенности? А такие моменты не то чтобы сблизжают, но ставят отношения на новый уровень. Правда, не всегда этикие откровения идут на пользу. Не зря же говорят, чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

– Бросить все и жениться на ней. Мне в одно время казалось, что сделай я Ксане в те дни предложение, она бы с радостью согласилась...

Ковальчук вздохнул. Не успел. Случайная встреча с тем человеком, которого Ксана в юности любила, все перевернула с ног на голову.

– Вы сильно ее любили?

– Любил, Саша, ты говоришь? – полковник невесело усмехнулся. – Я и сейчас ее люблю. До дрожи в пальцах, когда слышу ее голос. Да что теперь толку. Если она меня, не глядя, променяла на пьющего мужика, то сейчас, когда он не пьет и занимается бизнесом, куда уж мне... Видно, было и есть в Малахове что-то, невидимый стержень, который и делает его таким особенным, неповторимым для некоторых особ...

II

Повязав фартук жены, Малахов, как заправская хозяйка, крутился возле плиты и колдовал над кастрюльками и сковородками. Кто-то у них основательно задерживался. Придет со своей работы весь замученный, уставший и голодный, как волк. А тут ему кулинарный сюрприз.

Двухлетняя Аннушка, в рыжих завитушках, забавных и непокорных, путалась у него под ногами. Вместе с отцом заправски снимала пробу. Так же, как это делала ее мамка, важно морщила детский лобик, усиленно дула на большую ложку. И все ее содержимое изрядно разбрызгивала в предусмотрительно подставленную широкую отцовскую ладонь.

Весело поблескивали озорные детские глазенки. С папой интересно возиться! Мамка, та прогоняет сразу, стоит только повиснуть на ее ноге, а тут! И ни в чем отказа ей нет. Девочка умудрилась, просунула голову промеж папиных ног, вывернула шею и снизу вверх смотрела на отца.

Дзинь! Дзинь! – нажали на кнопку звонка, и тут ребенок стремглав, бросив все, изо всех ножек помчался в прихожую. Так трезвонит только их мама. Радостный щебет, переливаясь восторгом, покатился к двери.

Притушив огонь, Малахов едва успел сделать шаг из кухни, как ему навстречу уже спешило их маленькое солнышко.

– Рыжик, кто это такой к нам пришел? – таинственно понизив голос до шепота, спросил он у девочки.

– Ма наса п`исла! Па, отк`ой! – малышка тянула папу за руку к двери.

– Постой! У нашей мамы есть свои ключи, – Малахов заговорщицки подмигнул. – Это, наверное, кто-то чужой! Не будем открывать!..

Нетерпеливо переступая ногами, Оксана ждала, пока ей не откроют. Ключи от дома случайно позабылись на работе. Вернее, остались лежать на столе у ее начальника. Машинально вертела ими, крутила во время обсуждения плана оперативно-розыскных мероприятий и совершенно позабыла про них. Она слышала, как за дверью весело переговариваются. Кто-то уговаривал открыть, а кто-то все никак не хотел этого делать.

Щелкнул замок, дверь распахнулась. Шагнула вперед и сразу попала в крепкие объятия мужа. Детские ручонки с ходу обвили вокруг ее шеи, а маленькие губки потянулись и уткнулись в ее щеку. Заблаговременно занял Рыжик самую удобную для встречи позицию на папиных руках.

«Вот я и дома, – с удовлетворением подумала Оксана. – Как хорошо, что есть место, где с нетерпением ждут твоего прихода те, кто тебя любит и кого ты сама безумно любишь. Ее Малахов и их маленькая Аннушка».

– Рыжики, мыть руки и за стол! Ужин стынет...

Рыжики переглянулись. Старшая улыбнулась. Младшая прыснула в подставленную ладонь. Строго, как в армии! У них не забалуешь...

Малахов с невероятным проворством и ловкостью профессиональной посудомойки выдраивал столовые приборы, а Оксана отдыхала.

– Сана, ты сама не своя, – насухо вытерев руки, муж повернулся. – Твои неприкаянные мысли бродят по просторам Вселенной, бороздят мировые океаны в поисках пристанища и не могут его найти.

– Да ну его... к черту! – вырвалось наружу крайнее ее раздражение. – Снова меня подставили! Ты только можешь себе это представить?

Досадливая обида заплескалась в голубых озерах-глазах. Поддавшись на минутку эмоциям, женщина тяжело вздохнула, поджала губки.

– А если конкретно? Если без эмоций? – чуткие пальцы прошли по ее опущенным плечам, слегка массируя ноющие мышцы. – Устала?

Приятное тепло побежало по женскому телу, обволакивая сознание.

– Ох! – выдохнула она. – Как хорошо! Малахов, когда ты рядом, я обо всем на свете забываю. Даже не хочется о чем-то думать.

Горячий и проникновенный шепот приблизился к ее уху:

– А ты и не думай. Забей на все!

Оксана хмыкнула. Ха! Одному легко говорить. Ей бы его заботы.

– У меня вся работа на этом построена, на шевелении извилинами.

– Думать, моя радость, необходимо в рабочее время. За это вам там, говорят, еще какие-то деньги платят...

Выдержав паузу, муж напомнил, что дома надо жить своей семьей, отдыхать и наслаждаться жизнью. Право на отдых им по Конституции гарантировано, и никто не вправе посягать на их личную жизнь...

– Да, Малахов. Конечно, тебе хорошо говорить, – жалобно протянула Оксана, захотевшая превратиться в маленькую девочку, похныкать на его плече. – Над тобой начальства нет. А у меня... – она тяжело вздохнула.

Вспомнив о своем незримом сопернике, муж грозно нахмурился:

– И что натворило твое начальство?

– Приказало до утра думать... – протянула Сана, прогибаясь в спине.

– И к утру родить... – не задумываясь, бодро продолжил Жека.

– Что? – она повернула непонимающие глаза. – Малахов, опять ты со своим казарменным юмором! Серьезно толковать-то можешь? Или у тебя одни пошлости жужжат в ушах? Жил бы в своей казарме. Среди таких же доморощенных умников-солдафонов со сморщенными мозгами кретина и мятыми погонами прапорщика-старшины. Или можешь?

– Можешь... – муж кивнул головой, не сводя с нее любящих глаз.

Искоса поглядывая на него, Оксана спросила:

– Ты слышал про то, что убили Иванчука?

Мужские пальцы на мгновение замерли, а потом снова задвигались.

– Городского дешевого свистка – соловья молодой демократии? И что? Было бы из-за чего особо сильно печалиться. Не он первый из их пишущей братии, не он, так уж устроена наша жизнь, и последний.

– Как это что? – женские плечики недоуменно вздернулись. – Он же депутат Верховной Рады. Неужели, Малахов, тебе одного этого мало, чтобы прочувствовать весь момент? Вся его эпохальную важность...

– Вы-то, мое Солнышко, – он непонимающе воззрился на жену, – какое отношение имеете? Верховная Рада далеко, заседает в Киеве и проходит по гражданской, если мне не изменяет память, юрисдикции.

– Все сходится, – начала чеканить Оксана, пряча свое раздражение по поводу очевидной и непробиваемой бестолковости мужа, – к тому, что его заказали господа военные. Как оно и ни парадоксально звучит.

– Чего? – Малахов скептически улыбнулся. – Никогда не поверю, уволь меня. Нужен он им больно, этот хлюст. Дешевый мыльный пузырь.

– Да, и подозревают в этом двух офицеров с группы «Беркут».

Окончательно поняв, что пошли уже не шуточки, Жека скинул с себя маску игривой и беззаботной беспечности:

– И кого, если не государственный секрет? Не надо разглашать тайну следствия. За это статья светит. А мы Уголовный кодекс всегда чтим и поныне чтим. Мы законопослушные граждане...

– Есть некто, – исключительно уверенная в муже, Сана доверительно приоткрыла завесу, – подполковник Филимонов и майор Бойко.

– Серьезно? – на лице Малахова расплылась ничего не понимающая улыбка. – Филя причастен к убийству? Убей меня, но никогда не поверю!

Мужская ладонь нервно прошла по озадаченному затылку. Чтоб Филимонов со своей инфантильностью совершил подобное... Бред это, совершенный бред сивой кобылы. Иначе и не назвать эту инсинуацию...

– Стой, Жека! – женщина мгновенно сконцентрировалась.

Подспудно она подумала о том, что есть зацепка. Правда, что можно будет из этого извлечь, пока совершенно непонятно, но все же.

– Ты его знаешь? Откуда? Коротко и по существу вопроса...

– Они оба оканчивали наше училище. Да их близко к спецоперациям не подпускают. Они там, в штабе, сидят, бумажки перекалывают. Нет, Сана, они не могли. Это точно, как дважды два – четыре...

Если муж говорил, то этому можно было всецело верить. Но...

– Ты уверен? – на всякий случай Оксана не преминула уточнить.

– Уверен. И зачем им убивать Иванчука? В упор не пойму. Олег учился с Виталиком. У нас, моя радость, свои друг друга не убивают.

– Стой, Жека! – женские глазки озадаченно моргнули.

Странно, но круг замкнулся, совершенно определенно очертив узкий круг лиц: жертва покушения и подозреваемые в убийстве.

– Олег – это, надо понимать, Филимонов. А Виталик – это Иванчук?

– Угу. Ты, мое солнышко, сегодня догадлива, как никогда. Можешь ведь, когда хочешь, – муж по ходу мягко и слегка кое-кого и подколот.

Не мог жить без этого, иначе жутко страдал несварением желудка.

– Малахов, я промолчу, но это я тебе запомню, – Оксана сверкнула голубыми озерами. – Потом ты мне за все ответишь. И еще как ответишь! Отольются же кошке все мышьиные слезки!

– Радость моя, конечно, ты промолчишь. Ты же, мое Солнышко, уже как на иголках сидишь, желая выведать тебя интересующее. За факты ты готова стерпеть и не то. Помнится, года три назад ты и не такое от меня терпела. Правда, ты ни сном, ни духом не знала, кто я есть. Не знала, что станешь моей женой. Терпишь, если тебе нужно. Это ты у нас умеешь...

По женским губкам пробежалась усмешка. Этим искусством в свое время она овладела в совершенстве. Оксана повернулась к Малахову.

– А ты, – ее щека потерлась об грудь мужа, – этим пользуешься. И где они могли вместе учиться? Один – военный, а другой – журналист.

– В артиллерийском училище. Иванчук проучился почти два курса.

Ошеломленная, она несколько озадаченно моргнула:

– Жека, это точно? Иванчук учился в военном училище и собирался стать офицером? Ты, дорогой, не ошибаешься? Может, ты чего путаешь?

Майор нахмурилась. Никак концы с концами у нее не сходились.

– Сана, девочка моя любимая, я помню в лицо всех выпускников нашего славного училища, начиная с 82-го года. Особо тех, кто учился в то же время, что и я, в четвертом дивизионе курсантов и иже всех иных.

– Весь ваш курс? – со значением озвучила она свою догадку.

– Сана, ты не поняла. Я был на первом курсе и знал всех, кто учился на старших курсах. Когда я выпускался, знал всех с младших курсов. Набирается семь выпусков в среднем по триста пятьдесят бойцов...

– Кошмар! – Оксана покачала головой. – Ты многих знаешь. С тобой можно дружить! – замурылкал хитрый лисенок. – Ты мне поможешь?

– Помочь... тебе? – на лице мужа появилось изумленное удивление.

Его рассеянный взгляд невидяще обогнул личико любимой женушки и устремился куда-то в темный угол.

– А ты еще кого-то здесь наблюдаешь? – она, улыбаясь, оглянулась.

На всякий случай. Может, кто-то стоит у нее за спиной? Нет, как она и думала, на кухне они находились одни, а маленький Рыжик устроился смотреть свою любимую передачу «Спокойной ночи малыши».

– Так-так... – многозначительно протянул кое о чем догадавшийся муж. – Это тебе, моя радость, поручили вести расследование этого дела? Вот откуда растут ноги твоей непомерной озабоченности.

– Ну да, – майор скромно потупила глазки. – Ты же, Жека, протянешь мне крепкую руку верного друга? Я перед тобой в долгу не останусь.

По губам Малахова расплылась коварная ухмылка:

– Не останешься? Кто-то только что кому-то угрожал. Обещал, что все припомнит. И вдруг резкий поворот на все сто восемьдесят градусов.

– Ты не пожалеешь...

Убежденный последним доводом, мужчина сдался:

– Я весь в твоём распоряжении. Всем, чем смогу, тем и помогу.

– Итак, Жека, они учились вместе... – откуда-то в руках старшего следователя военной прокуратуры оказался лист бумаги и карандаш.

Глядя на свою жену, Малахов с теплой улыбкой покачал головой. Вот это профессионализм! С ходу берет быка за рога. Сейчас устроит ему фирменный допрос свидетеля, невзирая на все родственные отношения.

– Может, они, Жека, дружили или, наоборот, относились друг к другу с неприязнью? Сейчас для меня важна любая мелочь. Надо хоть за что-то для начала зацепиться. Хотя бы что-нибудь для заправки. Чтобы имелось от чего оттолкнуться, выстраивая ту или иную версию.

– Запросто. Я сам спрошу Филю...

– Он сидит под следствием, – она отрицательно качнула головой.

На какой-то миг Малахов ушел глубоко в себя и волнами гонял по лбу задумчивые морщины, потом коротко спросил о том, где он сидит.

– На нашей гарнизонной гауптвахте...

Облегченный вздох вырвался из груди мужа, он довольно улыбнулся:

– Нет проблем. Я договарюсь.

– С кем? – спросила Оксана и в ожидании ответа прищурилась.

Словно оно само собой разумелось, Жека удивленно пожал плечами:

– Как это... с кем? С военным комендантом города.

– С Параскевичем? – в голубых глазках проскользнуло недоверие.

– Да, – Малахов озорно подмигнул жене, мол, знай, с кем живешь, прочувствуй сполна. – Мы были коротко знакомы. Он был капитаном, а я – лейтенантом. Думаю, Юрий Владимирович нас еще помнит.

Куй железо пока еще горячо, и Оксана тут же попыталась вырвать из уст мужа позарез требуемое ей обещание:

– Это дельце мы с тобой провернем завтра же?

– Как скажешь, моя радость.

– Я почти уже забыла про твои непочтительные слова, – вкрадчивый, обволакивающий сознание шепот тихим елеем вливался в его уши. – Я все больше убеждаюсь, что с тобой можно дружить. Ты меня слышишь?

Размякший муж все же нашел в себе силы и счел нужным заметить:

– Не только можно, но и нужно дружить, мое Солнышко.

– Хорошо, Жека, – в женских глазках зажегся лукавый огонек. – Если у тебя столько, как ты говоришь, знакомых среди военных, что можешь сказать ты интересного про катастрофу самолета? – ей казалось, что этим вопросом загонит в угол, поставит самоуверенного не в меру Малахова в несколько затруднительное положение, но она ошиблась.

– Его, моя радость, сбили наши доблестные зенитчики, – выдал муж сенсационное сообщение и глазом не моргнул.

Вот так! Словно Жека сам присутствовал при этом событии. Оксана озадаченно хлопнула ресничками и вопросительно протянула:

– И ты так считаешь? Иванчук тоже писал именно об этом в своей последней, так и не вышедшей в свет статье. Что это, простое совпадение или что-то большее, основанное на реальном знании конкретных фактов? Ты это, Малахов, точно знаешь?

Выдержав иезуитскую паузу, муж ошарашил ее ответом-вопросом, как всегда было принято отвечать в их южном портовом городе:

– Хочешь это сама услышать прямо от первоисточника?

– Не шути со мной! – в ее вспыхнувших глазах появился нездоровый огонь охотника, набредшего на свежий след. – А то я так разозлюсь на тебя, так разозлюсь, и кое-кому мало после всего этого уже не покажется!

Не отвечая, Малахов взял в руку трубку телефона и быстро-быстро набрал, видно, хорошо знакомый ему номер.

– Жека, кому звонишь? – любопытство снедало, и у нее не было сил, чтобы выждать минутку-другую, услышать самой, собственными ушами.

– Бывшему соседу по лестничной площадке, – ухмыльнулся муж.

– Шевченко? Тому, что помог устроиться Кате, посодействовал в переводе Мальцевой из Болграда в бригаду связи на Бреуса?

– Нет, Серега, тот у нас со штаба оперативного направления. Он уже на пенсии. Мне это рассказал Юрка Демидов. Тише, ответили, – Малахов прижал пальчик к ее губам. – Света, а где супруг? Что, на дежурстве?..

– Нет дома? – разочарованно протянула Оксана. – А если...

Не лишняя сообразительности, она уже успела подумать о том, что если Малахов согласится, то у нее появляется реальная возможность услышать все, не откладывая дела в долгий ящик.

– Ну, если у тебя, – муж понял ее с полуслова, – есть такое желание.

– Спрашиваешь еще! – майор вся уже загорелась. – Рыжик, ты где?

– Де-де-де! – отозвалось почти незамедлительно, и парочка весело поблескивающих глазенок заглянула на кухню. – Тута я!

Детская программа уже закончилась, и дитя собиралось отправляться на свою кроватку, неукоснительно соблюдая режим.

– Рыжик, хочешь прокатиться на машине?

– Бип-бип! Па, шли деваться! – радостно воскликнула малышка и побежала искать свои вещи.

Редко, но случалось, когда строгий распорядок дня нарушался.

Красная книжечка старшего следователя военной прокуратуры, как волшебная палочка, широко открыла им дверь на КПП бригады связи и позволила для начала подойти к телефону

внутренней связи. Дежурный по части, услышав в трубке голос своего бывшего соседа, немедленно дал команду пропустить их машину на территорию, сам вышел встречать.

Демидов завел их в дежурку. Быстро сообразили и накрыли на стол. Кое-что гости предусмотрительно привезли с собой. Кое-что посыльный метнулся и принес из солдатской столовой. Соленые огурчики, квашеная капуста. Минут через двадцать прибыла жареная картошка с тушенкой, в которой ясно наблюдались аппетитные ломтики, волокна настоящего мяса, а не фарш из субпродуктов, выдаваемый за отборную телятину.

Окинув придирчивым взглядом их импровизированный стол, Юра остался доволен. Взял в руку красивую фирменную бутылку и хмыкнул.

– Да, Жека, настоящим ты буржуй стал. Помнится мне, что раньше ты этакого поила не жаловал, – майор профессионально, почти не глядя, по одним булькам, разливал водку по стаканам. – Говорил, что твое нутро подобного изыска не принимает. Нос воротил в сторону.

– Денег у него на этакое пойло не было, – ввернула Оксана, глянув на мужа своими блестящими глазами. – Вот и прикидывался гурманом!

– Я не буду, – Малахов накрыл ладошкой свой стакан. – Я за рулем!

– Ёжик, Ёжик нами, – громко донеслось откуда из угла, и на миг показалась озорная рожица.

Смышленные глазенки обежали по кругу и остановились на отце. Получив поощряющий сигнал, малышка снова исчезла из поля зрения.

– Дело хозяйское. А мы все, кто без руля, выпьем за Оксану и за Аннушку, – Демидов приподнял свой стакан. – За вас, девочки!

Пока некоторые закусывали и выпивали по второй, неукоснительно следуя правилу, что между первой и второй промежуток небольшой, Малахов вышел в соседнюю комнату, на пару минут оставшуюся без присмотра, и подошел к рабочему столу дежурного по части.

Наметанный взгляд быстро определил и выделил из всего большого количества выставленных в ряд телефонных трубок ту самую, которая напрямую связывала дежурного с коммутатором. Жека поднял ее.

– «Пошуковый» слушае вас...

– Товарищ сержант, почему у вас на дежурстве крючок на воротнике расстегнут? – железный скрипучий голос поверг в шок связистку на том конце провода. – Доложите свою фамилию!

– Сержант Мальцева, – ответил дрожащий голос.

– Оставить за себя старшего и немедленно прибыть к дежурному! Я вас научу порядку! – кривя губы в улыбке, скомандовал Жека в трубку

Дежурная телефонистка, испуганно моргая глазками, подрагивающей рукой опустила трубку и пулей выскочила с узла связи. На ходу затягивая свой слегка расслабленный брючной ремень, она помчалась в дежурку.

На бегу прокручивала Катюша в голове, пытаясь вспомнить все свои прегрешения за эти последние дни. Где и когда она опоздала на работу? Кому и как или не так она доложила? За что можно было бы нарваться на жестокий разнос по службе...

Еще один вопрос мучил ее. Кто ее вызвал к себе? Никак она не могла понять того, кому мог бы принадлежать вызывающий дрожь голос.

На начальника узла не похож. Может, проверяющий прибыл к ним? Что за черт?! К ним прибыл проверяющий, а узел связи забыли поставить в известность. Забыли или просто не захотели, не посчитали нужным.

Мелькнула предательская мысль о том, что зря она согласилась на перевод в другую часть. В Болграде все ее знали, а тут незнакомые ей лица, и никак она не может привыкнуть к другому ритму жизни большего города. Малахов, черт его подери, во всем виноват. Ее даже ни о чем не спросили. Пришла выписка, дали три дня на сборы. Но с другой стороны, что

за жизнь, если бы Гешка трудился в Одессе, а она осталась бы жить там? Город большой. Столько разных развлечений и соблазнов...

– Товарищ капитан, дежурная по узлу связи сержант Мальцева! – сбившимся голосом доложила она помощнику дежурного по части.

– Приятно познакомиться, – офицер хмыкнул, снизу доверху оглядев ее взмыленную фигуру: пухленькие щечки связистки покраснелись, высокая грудь ходит ходуном, норовит вырваться из куртки и вывалится наружу. – Вам чего? – огорошил он гостью.

– Кто меня вызывал? – женщина нахмурилась.

Неужто, этот молодой человек позволил себе дать ей такую команду? Да у него командного голоса-то нет! Пискля, прости ее Господи...

– Я вас не вызывал, – капитан, вставший из-за стола и чувствовавший приятную тяжесть в животе, а в шумевшей голове – не менее приятную легкость, неопределенно пожал плечами. – Вы что-то перепутали. Вы там это... у себя на узле... того... не это? – он провел пальцем по горлу.

У сержанта от возмущения перехватило дыхание. Она с закрытыми глазами, на слух, определит абонента, который вышел на связь. И не употребляет она на дежурстве. Вообще она этим делом не увлекается.

Может, это они, эти ребята-юмористы с дежурной смены, от нечего делать по-крупному забавляются и решили над ней ловко подшутить?

Что-то вон глазки у капитана подозрительно блестят, что-то он очень старательно нажевывает. В соседней комнатухе слышен приглушенный говор. Сами, небось, втихаря пьянствуют, а над ней прикалываются...

Смутное подозрение закрадывалось, пробиралось в ее душу. Червь сомнения давно изнутри подтачивал ее, но она отгоняла его, как просто невозможное. Знала она, нечего от самой себя скрывать, одного человека, который мог так еще скомандовать, что мурашки бежали по коже...

В приоткрывшейся щелке промелькнула знакомая рыжая головка, и тут все встало на свои места. Конечно, это мог сделать только он!

– Жека! Это ты! – ее кулачки гневно сжались. – У меня сердце в пятки ушло! Разве можно эдак шутить? Ты за это ответишь!..

– Тише, Катюша. Мы не одни. Перед людьми неудобно, – Малахов, широко улыбаясь, поднялся ей навстречу. – Не все же в курсе наших с тобой довольно близких отношений, имевших быть место, правда, уже в прошлом, но не настолько уж и далеко.

– Иди ты к черту, лешак! Тоже мне, шутник отыскался, – Мальцева потихоньку выпускала пар. – Извини, Оксана. Не ожидала и купилась на его розыгрыш, как самая последняя, прости, Господи, набитая дура!

– Катюша, к столу. А ты, Малахов, – Сана повернулась к мужу, – быстренько объяснись. Что это все значит? Что за комедию ты тут перед нами разыгрываешь? – голубые глаза превратились в два ледяных алмаза, грозно сверкающих, вот-вот они вырежут в груди мужа кружок-другой.

– Ну, Сана, побывать здесь и уехать, не увидеться со своим деловым компаньоном? – Малахов легко отпарировал ее претензии. – Решил, что можно будет провести два мероприятия в одном. Ты, Сана, узнаешь то, что тебя интересует, а мы с Катюшей о своих делах заодно переговорим.

С этим трудно было поспорить, и Оксана развела губки в усмешке:

– Складно пока все слагаешь. Но, откуда ты, дорогой, в курсе того, что Катя сегодня на дежурстве? Странно как-то все...

– Здравствуйте, я ваша тетя! – муж озадаченно и широко развел руки в стороны. – Что мне, Сана, трудно график дежурств запомнить? Да и муж ее денно и ночью только об этом и нудит при каждой встрече.

– Это ты можешь втирать кому-то другому, – вот-вот и из очей Саны сверкнет молния и вдарит оглушительный гром.

– Ты что, мне не веришь? – Малахов наклонился к уху жены. – Девушка, если ты тотчас не прекратишь пошлую сцену ревности, то мы уже едем домой. И тогда...

– Жека, – шепнула она в ответ, – счет: 1:1.

Не сразу до Жеки дошло, о каком матче идет речь, и он переспросил:

– Что?

– Что слышал...

Много понятнее не стало, и Малахов растерянно почесался в затылке.

– А что ты хотел, дорогой муж, – жена заговорщицки подмигнула. – Ты при всех приколся, а я что, рыжая, и не могу этого себе позволить?

Минут через пятнадцать, может, и все двадцать к окошку дежурного по части подскочил запыхавшийся боец. Помощник запустил его внутрь.

– Тов... майор, старший сержант Николашин по вашему приказанию прибыл! – четко доложил парнишка, по ходу обследавая наблюдательными глазами веселую компанию, пытаясь самолично догадаться о причине своего столь неожиданного вызова.

Майор Демидов поднялся со своего пригретого места и чуть ли не силой усадил туда смущающегося солдатика.

– Ты, тезка, не стесняйся. Все свои. Наш Юрок, – майор повернулся к Оксане, – был в составе команды, которую мы направляли для оказания помощи, и во время того самого и интересующего тебя пуска находился на боевой позиции. Естественно, он все видел и слышал. Парень он у нас смысленый и все, что надо, а порой и не надо, – офицер усмехнулся, – схватывает буквально на лету. Палец в рот не клади, живо откусит...

Оперативно закинув в вечно голодный солдатский желудок парочку аппетитных бутербродов, обильно разбавляя их ароматными кусками жареной картошкой с тушенкой, боец приступил к рассказу...

...К показательным стрельбам с пусками боевых ракет Збройные Силы Украины начали готовиться заранее. Крымская армия поднатужилась и сформировала сборные дивизионы в составе двух-трех зенитно-ракетных батарей тактического комплекса малого радиуса действия.

Технику собирали по разбросанным по всему полуострову частям. Одни бригады поставили комплексы управления, другие предоставили свои ракетные пусковые установки. Два месяца тренировались...

Дивизионы предназначались для пуска ракет и имитации целей. А для их поражения из-под Киева прибыл тщательно укомплектованный и проверенный штатный ЗРК – зенитно-ракетный комплекс С-200. На самом верху решили перестраховаться и для надежности привлекли самый лучший комплекс ПВО. В успехе учений никто не сомневался.

Если бы это намечались обычные учебные стрельбы, то силам ПВО пришлось бы выполнять поставленные перед ними боевые задачи в комплексе с другими. Поиск целей, обнаружение их, распознавание, отделение настоящих целей от ложных, сопровождение их. Уничтожение.

Условный противник мог применить любую тактическую хитрость. Имитировать ложные цели, путать, выставлять всевозможные помехи.

Но предстояли показательные стрельбы с далеко идущими целями. Всему миру следовало показать, что их независимое государство прочно входит в число ведущих мировых держав, обладающих всем необходимым спектром вооружений, вполне достаточным для надежной

защиты своего суверенитета. Цели следовало поразить в любом случае. Поэтому речи о том, чтобы как-то и чем-то усложнить боевую задачу, вестись и не могло.

Наоборот, им следовало упростить все до самого предела. Чтобы все звенья цепочки работали как часики, каждый знал свой маневр как свои пять пальцев. Никаких отклонений ни вправо, ни влево.

Так обычно делается практически на всех показательных учениях. Любого ранга. От учений, проводимых командиром дивизии, до всех военных маневров, на которых принимает участие сам Министр или же, тем более, Верховный Главнокомандующий.

Например, артиллеристы накануне весь день могут пристреливать свою цель, в которую на показе должны попасть с первого выстрела или же залпа, гоняя разрывы по всему полигону. Да, конечно, на это уходит много боеприпасов. Но на что только не пойдешь ради того, чтобы потом пустить всем пыль в глаза. Показать всем, как они лихо могут...

Более сообразительные и находчивые поступают проще. Они сначала стреляют и над воронкой устанавливают макет цели. На следующий день достаточно ввести некоторые поправки на изменение метеорологических условий. Все прочие баллистические отклонения условий стрельбы от нормальных уже учтены. Тем самым выстрелом. Умно и просто...

Зенитчики заранее знали координаты стартовой позиции дивизиона «синих». Знали, в каком направлении полетит ракета, имитирующая цель.

Осталось лишь только дожидаться назначенного дня, времени «Ч» и поразить всех присутствующих гостей своей слаженной работой...

...Министр обороны в окружении своей свиты и многочисленных иностранных наблюдателей следил за ходом учений на переоснащенном специально к этому событию войсковом полигоне. То, что на это бухнули все средства, выделенные Крымской армии на всю ее боевую подготовку на весь учебный год, никого не волновало. Начальник РВиА – ракетных войск и артиллерии склонился к его уху и доложил о том, что к запуску все готово. Генерал армии кивнул, давая разрешение на начало показа...

...Батареи «синих» замерли в готовности. Командир дивизиона застыл с телефонной трубкой в руке. Наблюдатели всех рангов и огневые посредники поспешили отойти в сторону. Лучше не мешать. Не дай Бог, вмешаться, лично принять решение, взять руководство и ответственность на себя. Главное – потом иметь, что доложить при разборе...

– «Коршун», я, «Щит», цель 11-я, огонь!

Измотанный гнетущим волнением подполковник схватил другую трубку, услужливо подsunутую связистом, и скомандовал:

– «Днепр», цель 11-я, огонь!

Потекли секунды мучительного ожидания. Через минуту комбат-1 с надрывным отчаянием в голосе доложил, что в результате неисправности ракеты она не стартует. Выполнить команду «Огонь» он не в состоянии.

Огневой посредник на первой батарее быстрым почерком исписывал уже второй листок, торопясь, заносил в него все входящие и исходящие команды, при этом все действия ракетчиков тщательно хронометрируя.

Комдив побледнел, но не растерялся. Этакое конфуза подспудно и ожидали, а посему вывели на стартовые позиции все три батареи. Для страховки. Боеприпасы давно исчерпали свой ресурс. А поступление новых боевых ракет не предвиделось из-за полной территориальной независимости средств поражения от прежних баз снабжения.

– «Дон», огонь! – выкрикнул он чуть охрипшим голосом.

Снова потекли томительные секунды. Подполковник неотрывно смотрел на ракету, установленную на направляющей. Уф! Пронесло!

Удовлетворенно вздохнув, он вытер пот со лба. Из-под длинной серебристой сигары вырвался сноп пламени, и она, словно нехотя, стартовала и, быстро набирая скорость, устремилась ввысь. Свою часть задачи, поставленную перед их дивизионом, они выполнили. Пока суд да дело, можно заглянуть в командирский КУНГ и накатить сотку...

На экране радара появилась маленькая светящаяся точка.

– Есть цель, – доложил оператор.

– Азимут 165, дальность... угол атаки...

– Ключ на «Старт», – подал сигнал командир.

Умная автоматика сама захватила цель, рассчитала по ней установки, ввела их, и ракета сама, автоматически, навелась в нужном направлении. Цель-имитатор шла к ним навстречу, и азимут на нее почти не менялся.

– Цель уничтожить! – поступила сверху команда.

– Огонь! – перекрестившись, рывкнул командир.

Оператор ногтем открыл предохранительную крышку, привычным движением нажал пальцем на красную кнопку «Пуск». И тишина...

– В чем дело? – из динамиков вырвался грозный рык командира.

– К-команда не проходит... – обреченно выдохнул старший прапор.

– Как не проходит?! – взорвалось у него в ушах. – Жми еще!

Оператор вновь утопил кнопку до конца, отпустил и снова нажал. Почувствовал он, как холодные капли покатались по спине. Недавно аппаратура прошла тестирование, и все было в норме. Раз за разом они проводили весь комплекс выполнения боевой задачи, и все срабатывало.

Две недели назад все было в порядке. А потом был переезд. Вместо суток ехали все трое. С самого начала, с погрузки все пошло наперекосяк. Они прибыли на станцию погрузки, а платформы для них еще не подали.

Когда к рампе подошли платформы, в темном небе слабо засветились первые звездочки. Старший техник начал разносить в своей походной фляжке и поднимать угасший боевой дух, пока он не упал до «нуля».

Они погрузились. Кое-как, с грехом пополам. Одну машину едва не опрокинули в полутьме. Кто-то успел отчаянно крикнуть, и водила всей силой вдавил ногой в тормоз. Зависла установка, покачиваясь, над краем платформы. Но пронесло. Крепежный материал искали на путях, делали его из подручных средств. Кто должен был заранее о том позаботиться? Зампотех. А если он сам ничего не знает и ничего не смыслит? Что тогда?

Старый майор уволился, не выдержал, не захотел изучать их ридну мову, смачно плюнул на все и ушел на «гражданку», устроился завгаром на фирме. Бабки крутые сейчас получает, над ними всеми посмеивается. Над ними, над дураками, за гроши тянущими служебную лямку.

Естественно, из своего графика движения они выбились. Полчаса ехали, потом два-три часа стояли, пропуская скорые поезда, длиннющие составы с нефтяными цистернами. Ночью вообще по большей части стояли. Товарняк-то, как правило, по ночам гоняют.

По пути, от нечего делать, офицеры то и дело прикладывались к пластмассовой канистре со спиртом, выданным им для обслуживания аппаратуры. А потом долили в бачок обычную воду до нужного уровня. Командир проверил и ничего не заметил. Может, вид только сделал. Сам-то он что, по пути не употреблял? Сухой ведь не ходил, вернее, не ехал.

Прибыли на место, провели техническое обслуживание. Протерли все водичкой со слабым характерным запахом. В Киеве оно за милую душу сходило. А тут на полуострове жара и невыносимая влажность. Вот кое-какие контакты и могли за это время запросто окислиться. Черт!..

Бедный оператор безуспешно жал и жал на кнопку, а цель все летела и приближалась. Старший прапорщик с отчаяния и от безысходности пнул ногой в блок аппаратуры, и лампочка вдруг мигнула и загорелась красным огнем. Видно, от хорошего, от всей души, удара блоки пришли в движение, и контакты потерлись друг об дружку. И команда по цепям стрельбы пошла. Еще одна секунда, две, и на стартовой позиции раздался громкий рев. Заработал разгонно-маршевый двигатель ракеты...

Командир дивизиона «синих» в недоумении поглядывал то в небо, то на свой секундомер. Или он дурак и ничего в своей работе не смыслит, или произошло нечто из ряда вон выходящее. Еще несколько секунд пройдет, и тогда сработает выставленный по времени самоликвидатор.

На командном пункте старшего руководителя учения все пребывали в полнейшем спокойствии. Министр обороны шутил, искусно травил своим иностранным коллегам байки из своей богатой на разного рода истории жизни. Никто им, разумеется, даже и не удосужился доложить о произошедшей заминке. Цель-имитатор уже в полете. Сами они своими ушами слышали, как ушла со старта вторая ракета.

Едва заметная невооруженным взглядом точка в небе взорвалась и разлетелась на тысячи огненных светящихся блесток.

– Цель поражена! – донесся до всех бодрый и торжествующий голос руководителя данного этапа учений.

Глаза наблюдателей опустились книзу, и уже никто не заметил, как в небе, все больше удаляясь, шла еще одна точка, оставляя за собой почти невидимый инверсионный след. И лишь только на своих экранах радаров системы ПВО страны операторы с ужасом наблюдали за тем, как быстро движущаяся цель вскоре достигла побережья и понеслась над Черным морем, направляясь, видимо, к берегам Турции...

Малахов и Катя, не спеша, прогуливались возле управления бригады, занятые обсуждением своих финансовых проблем. Не столько проблем, сколько планов, куда направить получаемую прибыль. И это, по сути дела, его интересовало постольку и поскольку. Жека с удовольствием встречался с Катюшей. Их совместный бизнес давно уже остался там, за прошлой чертой. То, с чего они начинали, давно уже стало каплей в море, маленьким винтиком в громадной империи Малахова.

Он рад был видеть Катю, смотреть на ее сияющие глаза. Прошли не менее трех лет, но он ничего не забыл. Не забыл, что было между ними.

– Кать, ты больше не сердись на меня?

Мужские глаза одновременно и смеялись, и в то же время смотрели на нее со щемящей душу трогательной заботой и сознанием своей вины. Ну, как она могла сердиться на него, такого?

– Ладно, Жека, проехали, – Катя качнула головой. – Но ты мог бы это, так сказать, оформить вызов в дежурку в несколько иных тонах. А то зайкой меня чуть не сделал. Чуть-чуть и удар бы меня хватил.

– Ты, Катя-Катюша, в следующий раз не спеши выполнять такие приказания. Перезвони и удостоверься, что это не чья-то глупая шутка.

Досадливо поморщившись, женщина буркнула:

– Спасибо за науку. Впредь буду умнее.

Мужские пальцы трепетно коснулись женского лица.

– У тебя невыразимо красивые губы. Я до сих пор еще помню твою грудь... – его черные глаза-омуты затягивали, так и манили к себе.

– Жека! Хватит издеваться надо мною, – прищурившись, женщина покачала головой. – Я же знаю, что ты бредишь только по своей Оксанке. Со мной этакий номер не пройдет. Больше не куплюсь я на твои штучки!

Катя нахмурилась. У нее дома любимый муж, дети. Но, черт, как же все ее существо неосознанно и упорно тянется к нему, к Малахову.

– Ах, Жека, и все же хорошо было с тобой! – она мечтательно повела глазами. – Как вспомнишь, так дрожь пробирает, снова хочется очутиться в том времени, в прошлом, к чему, увы, возврата уже не будет.

– Ах, Катя-Катенька-Катюша. До чего же ты хороша...

– Как упоительны твои уста... – поддакнула она. – Слышала уже.

Топ-топ-топ! К ним спешно приближались коротенькие шажки.

– Па! – маленькая девочка потянула отца за руку. – Ыжик устал. Бип-бип. Ыжик хосет бай-бай! – что поделать, режим требовал своего.

– Устала моя маленькая! – Малахов подхватил дочку на руки. – Сейчас маму заберем и поедем. Где там наша мама?

Дежурный Демидов сидел за пультом. Аннушка из самых последних сил потопала в комнату отдыха забирать свою заслушавшуюся мамку, а Малахов, словно только вспомнив об этом, спросил:

– Катюша, а ты у нас техникум уже окончила? Или нет?

– Славу Богу! – Мальцева облегченно вздохнула. – Отмучилась...

Смущенно улыбаясь, женщина покачала головой. Трудно было в ее возрасте, но они все вместе смогли, осилили программу.

– А чего тебе, скажи, до сих пор прапорщика не присвоят? Юрок, чего ждете? Соседку твою, красавицу, зажимают, а ты... Палец об палец не ударишь и лишний раз не пошевелишься и не почешешься!

– Жека, не надо! – взмолилась женщина. – Неудобно как...

– А мы, Жека, – хмыкнул Демидов, – и не ждем. Не надо это на нас волну тут гнать. Документы на подписи у командующего. Выйдет приказ, и назначим нашу Катюшу на новую должность, к примеру, начальником передвижного пункта. Переведем человека в новое жизненное качество.

– Вот и ладненько! – Малахов похлопал по плечу засмущавшегося сержанта. – Ты, Катя, не тушуйся. Не Боги горшки обжигают. Все мы через это проходили. Пора тебе начинать командовать...

Заснула по дороге Аннушка и не проснулась, когда ее раздевали и укладывали в кровать. Уморился вконец бедный ребенок, пока ее мамка вела свои расспросы-допросы. Не раздеваясь, Малахов уселся в кресло и внимательно смотрел на свою раскрасневшуюся женушку.

Оксана почувствовала на себе его взгляд и ласково улыбнулась:

– Что, Жека, что-то было не так?

– Мне показалось, что кто-то меня до сих пор еще ревнует. Я что, подал для этого повод? – он укоризненно покачал головой. – Сана, так нельзя. У нас с Катей все в прошлом. Все случилось до тебя. А ревность это, извини меня, не самое лучшее чувство. Оно не красит человека. Не в меру обостренное чувство частенько действует отталкивающе и, кроме острого раздражения, положительных эмоций, увы, не добавляет.

– Допустим, Малахов, что все у вас в прошлом. Но второй ребенок у нее от тебя, – женские глаза жарко полыхнули непримиримым огнем.

От неожиданности убийственного выпада и от досады на самого себя и некоторые пришедшие к этому обстоятельства Малахов крикнул. Ах, вот, оказывается, откуда растут корни сегодняшней вспышки жены.

– Этого ты, мой дорогой, надеюсь, отрицать не будешь?

Задав вопрос, Оксана повернула мужской подбородок к себе и ждала того, как ее муженек начнет изворачиваться. В этом он мастер и еще какой, но невозможно сказать на белое, что оно черное. Хотя, как знать.

– Сана-Сана! – Жека болезненно поморщился.

Его загнали в угол, и выйти из него без потерь не удастся. Проще заключить по этому вопросу бессрочное перемирие, сделать вид, что...

– Не стоит так думать, мое Солнышко, не стоит. Для всех нас лучше, если он будет сыном Мальцева. Может, оно так и есть. И ни к чему эти никому ненужные разборки. Мальчик похож на мать, а вовсе не на меня.

– Жека, – Оксана опустила на колени к мужу и прижалась к нему. – Но оно и на самом деле так. Если бы ребенок родился в конце декабря, пусть в середине его, но не в ноябре же. Пойми же, что восьмимесячные дети не рождаются. Вот семимесячные еще могут. Это твой сын, не спорь со мной. Если к нему приглядеться, то и невооруженным глазом заметны некоторые характерные черты.

– Хорошо, Сана, – Малахов тяжело вздохнул. – И что мы будем делать? Каждый день пережевывать? Давай, вспомним, что у меня есть ребенок от первой жены. И к ней ты меня тоже будешь ревновать?

– Буду, конечно, буду! – она упрямо вздернула свой чудный носик. – Еще как буду! Ко всем, кто хоть частичку оторвал от всего, что должно было с самого начала принадлежать мне и только мне и больше никому. Эти женщины уже изначально виноваты в том, что посягнули на то, что безраздельно должно принадлежать только мне одной, мне и только мне.

– Ты, моя мелкая собственница, – муж ласково провел рукой по ее рыжим волнам. – Собственница... собственница...

– У, еще какая! – ревнивые искорки вспыхнули, выбросив сноп огня.

Раз у них пошла такая пьянка, Малахов с отчаянной безрассудностью закинул крючок с животрепещущей наживкой:

– Девушка, я молчу про то, что ты работаешь рядом с Ковальчуком. Если только я начну совершать исторические экскурсии! У, сколько там всяких подводных камней и рифов.

– А ты попробуй! – Оксана учащенно задышала и сердито зашипела. – Узнаешь еще, где раки зимуют! – шерсть встала дыбом, и тигрица стала выпускать наружу острые коготки. – Ты еще меня до конца не знаешь. Я могу быть такой, если кого-то довести до точки кипения и не возврата!

– Знаешь, дорогая моя! – возмутился он. – Это несправедливо. Это матриархат дремучий! Мы так с тобой не договаривались!

Женские плечики гордо выпрямились, приподнялся независимый и упрямый в своей неподсудной правоте подбородок:

– Ты обещал мне, что будешь любить только меня, и все! И больше никаких других чему-то обязывающих меня условий. Вот и все.

– Как все? – муж недоуменно поводит глазами, пытался достичь некой справедливости. – А ты, ты мне, что, напомни-ка, обещала?

– То, что все время буду рядом с тобой. Только и всего, – нежно-нежно промурлыкала Оксана.

Едва смог Малахов скрыть улыбку. Снова у него на коленях сидела милая и ласковая кошечка. Его любимая женушка могла быть настолько разной. Только что из ее глаз искрился колючий лед. А вот снова в них разлилась необъятная синь ласкового моря. И за это он тоже любил ее!

– И я с тобой рядом. Слышишь, как бьется мое сердце? Слышишь? Ну, вот! А ты говоришь! – сама преданность заглядывала в его глаза. – Ой, Жека, у тебя ресничка в глазу. Загадай желание. Загадал? В каком?

– В левом, – не раздумывая, ответил муж, конечно же, заметив, куда за секунду до этого был устремлен чей-то полный загадочности взгляд.

Ловкость глаз и никакого с его стороны мошенничества.

– Смотри-ка, снова угадал! – она, недоумевающая, пожала плечами. – И что мы загадали на этот раз?

– А ты попробуй угадать с одного раза...

Для решения их семейного ребуса ума много Сане не требовалось.

– Ясно, – она обреченно вздохнула. – Что ты еще, одноклеточный мой, можешь умного придумать? Одно только всегда у тебя на уме. И как только не надоедает одна и та же программа на вечер?

– И что именно? – уточнил въедливый до ужастии муж.

– Ту ты твою русалку хочешь увидеть в лунных брызгах...

Вздохнув, Оксана поднялась и медленно расстегнула одну пуговичку на воротнике тонкой рубашки, вторую...

Достигнув верха блаженства, они так и застыли, набираясь сил.

– Жека, – женщина отдышалась, чуть отдохнула в крепких объятиях мужа, и в ее глазках снова разгорелось нешуточное любопытство. – Жека, скажи, почему оно не сработало? И при чем тут разбавленный спирт?

– Понимаешь... – Малахов нежно провел пальцем по шелковистой коже женской щеки, – у них положено протирать серебряно-цинковые контакты блоков. А без протирки они быстро окисляются, и тогда все это умное и дорогостоящее оборудование начинает барахлить и выходить из строя. В самый на то неподходящий момент.

– И что? – как человеку сугубо гражданскому и очень далекому от техники, Оксане это, конечно, почти ничего не говорило.

– Я думаю, Сана, что эти ребята-акробаты почти весь выданный им спирт употребили вовнутрь. Так сказать, они применили его по другому назначению. А если он, спирт, еще и на складе при выдаче, был уже прилично разбавлен, то к концу пути в канистре у них...

– Ну-ну, – Оксану все больше раздражало нетерпение, а муж все тянул и не ставил точку, нет, чтобы все выдать конкретно и в двух словах, так нет, все щедро водичкой разбавляет, как некоторые выданный им спирт.

– Тут еще сыграли свою роль и разные климатические условия...

Вот-вот! На женских губах проступила скептическая усмешка:

– Различия в погоде тут... с какого еще боку-припеку?

– В Крыму повышенная влажность... да еще жара в те дни стояла. Следовало каждый день протиркой заниматься, а они понадеялись, что их перед выездом протестировали и на все сто процентов подготовили к работе. А может, протирали, и еще хуже становилось. Чем чаще они трут водичкой, тем больше окисления появляется. Химия, черт ее разбери...

Вот теперь-то в ее головке кое-что прояснилось. Другое дело!

– Значит, причина неполадок именно в этом? В том, что они халатно отнеслись к обслуживанию своей техники? В несоблюдении регламента и технологических карт, в подмене одних материалов другими...

– Ну, точно на все сможет ответить лишь экспертная комиссия. Если только ей дадут нормально работать. Вероятнее всего, что к приезду комиссии там все вылижут и выдрают до блеска, никаких следов окислов и не останется и в помине. Будут кивать на фатальный случай, на сбой аппаратуры. Мол, во всем виноват Его Величество Случай.

– И что все-таки у них произошло?

Моделируя вполне возможный сценарий развития приведших к трагедии событий, Малахов позволил себе предположить:

– Должно быть, вторая ракета просто не успела долететь до первой и уничтожить ее, так как на имитаторе цели сработал самоликвидатор.

– Зачем? – женщина удивленно моргнула. – Я про самоликвидатор...

– Чтобы ракета сработала в воздухе, на траектории полета, на тот случай, если ее не успевают сбить, если происходит сбой в управлении и ракета отклоняется от заданного курса. Как это уже произошло у них в Броварах. Самоликвидатор не сработал, и ракета угодила в жилой дом...

Прищурившись, Сана попыталась внести ясность в свои мысли:

– Хорошо, сработал самоликвидатор на первой ракете. И что? Что же случилось потом, почему события вышли из-под контроля?

– Вторая ракета, Сана, потеряла свою цель и полетела дальше. Она, как говорится, ушла в автономное плавание, то бишь, полет.

– А почему ее не уничтожили, как и первую? Рванула бы в воздухе над морем, никто особо и не заинтересовался бы этим случаем...

– Зенитчики пытались, видно, сделать, но связь с ней была потеряна опять же из-за сбоев в системных блоках. Не получая больше сигналов с земли, ракета включила автоматический поиск новой цели, засекала идущий пассажирский самолет и изменила свой курс...

– Сама? – удивились переливающиеся голубизной озера-миндалины.

Лежа удобно на широкой кровати, женщине в это особо не верилось.

– Сама. Помнишь, я тебе как-то об этом уже рассказывал, – в глазах мужа загорелись веселые огоньки. – Помнишь гостиницу в Болграде?

Малахов говорил по делу. В тот вечер он кое-кого просвещал и читал лекцию о ВТО – высокоточном оружии и кое о чем другом.

– У, когда оно уже было...

– Но было... – весело хмыкнул муж. – Я тебя узнал, а ты пока еще не догадывалась, что перед тобой выступает тот самый Жека.

– Черт, как же ты меня тогда водил за нос! – крылышки женского носа с вспыхнувшей обидой раздулись, но вскоре быстро улеглись.

Сама она по кругу виновата. Поделом ей, кто же виноват в том, что она сразу не узнала того, в кого была когда-то без памяти влюблена.

– Да, а ты, девушка, спать сегодня собираешься? – шепнул Малахов ей на ушко, нежно проводя пальчиками по обнаженной женской спине, заставляя ее вздрагивать и томно изгибаться.

– Ты сам-то хочешь спать или же? – волнительно протянула жена.

Собственно она была особо не против «или же», но не мешало бы и поторговаться с учетом на будущее содействие мужа.

– Мой дорогой, я твое желание уже исполнила, – в мерцающих глазах Оксаны сверкнули зазорные искорки. – Значит, я с тобой рассчиталась!

Раскусив тонкую игру Саны, Жека охотно принял ее условия:

– За вчерашнее, да, а вот за то, что будет сегодня...

– А это... ты хочешь, может, получить авансом?

Ей и самой понравилась собственная идея. Не откладывая расчет в долгий ящик, заодно совместить полезное со столь же приятным, сполна насладиться упоительной близостью с любимым мужем.

– Предоплатой, ты хочешь сказать? – хмыкнул Малахов.

– Ну да, – женские губы потянулись к мужской шее.

Сильные мужские руки нежно прошлись по ее шелковистой коже, разом покрывшейся мелкими пупырышками, коснулись возбужденно напрягшихся тугих комочков. Его губы нашли ее рот, и он потянул ее на себя, умело настраивая и подготавливая к совершению таинства любви.

– Ах, Жека! Я умираю!.. Ради этого стоит жить, умирать и вновь рождаться в сладостных муках неземного наслаждения...

III

Оксана проснулась и приоткрыла глазик. Седьмой час. Она сладко потянулась. Еще бы поспать, но сон ушел. А рядом тихо посапывал муж. Она улыбнулась и прижалась к его большому и горячему телу.

Ах, Жека-Жека! За ним она, как за каменной стеной. Как же хорошо, что три года назад она решилась и шагнула навстречу Малахову, честно признаться, просто не просыхая, сильно пившему. Он обещал ей, и она поверила одному его слову. И нисколько в этом сейчас не раскаивается...

Плавню перескакивая с одного на другое, бегущие мысли, в конце концов, мертво уперлись в работу. Черт! Черт! Черт! Она совсем о том позабыла. То исполни тут чье-то желание, то еще предоплату произведи.

Совсем из головы все вылетело. Умеет же, черт, ее Малахов, умеет закружить и затуманить ее бедную головушку. У нее же уже полвосьмого совещание. А вот до этого не мешало бы переговорить с Филимоновым. Если Малахов обещал ей устроить встречу без лишней волокиты, то...

– Жека, проснись, – она слегка дотронулась до его щеки.

– Да, мое Солнышко? – муж открыл глаза, словно и не спал. – Мы что, проспали? Кругом бушует пожар, стеной надвигается наводнение...

– Жека, мне надо встретиться с Филимоновым.

– Я это, моя радость, еще помню... – муж сладко зевнул, – и это, отнюдь, не повод, чтобы с самого утра гнать волну.

– Полвосьмого нас уже собирает начальник!

– Да? – муж укоризненно покачал головой. – И ты вспомнила только сейчас? Ты могла бы сказать мне и попозже. К примеру, часиков уже в девять-десять. После того, как сама вернешься со сборища следопытов.

– У меня оно совершенно вылетело из головы!

Малахов многозначительно хмыкнул:

– Конечно, все вылетит, если в голове у тебя только одно. И больше ничего путного и за версту близко не наблюдается.

– Это что еще у меня в голове? – она спросонья, сама не сознавая того, опрометчиво влетела и обидно попала в расставленные им силки.

Не ожидала Сана такой подставы, а потому-то дешево купилась.

– А как бы ловко все сделать так, чтобы только показать своему мужу русалку в лунных брызгах, – сбоку донесся коварный смешок.

– Жека! – сжатые кулачки вытянулись, но муж предусмотрительно увернулся и, насмешливо улыбаясь, натягивал штаны.

Нет, конечно, он всегда «за» за такие показы, но всему свое время.

– Собирайся, Солнышко, если хочешь успеть. Я кое в чем тебе могу еще помочь, но поворачивать время вспять, моя радость, ни разу в моей жизни мне не удавалось. И Рыжика надо еще одеть и покормить.

– В машине покормим. Рыжику не привыкать.

– Бедное дитя, – вздохнул отец. – Привыкнешь тут с некоторыми...

К военной комендатуре гарнизона подъехали около семи. Малахов потянул на себя ручку массивной двери и грустно улыбнулся. Ровно двадцать лет недавно стукнуло, как он впервые сюда вошел, порядком испуганным, растерянным первокурсником в новенькой парадной форме.

Бывший подполковник напрямик направился к двери комнаты, в которой сидел упорно борющийся с одолевающей его зевотой дежурный по караулам. К счастью, за столом устроился знакомый Жеке майор с института Сухопутных войск. Это немного облегчило его задачу.

– Какими судьбами? – на скучающем лице дежурного проклюнулась приветственная улыбка, вовсе не лишенная толики нечаянной радости лицезреть знакомое лицо среди скопища чуждого ему сборища людей.

За сутки иные до такой степени примелькаются, аж до тошноты. И каждый еще нудит, зудит, все норовит власть свою поместную показать.

– Да, – Малахов небрежно взмахнул рукой, – с Юрком хотел чуток переговорить. Так сказать, перекинуться ласковым словечком-другим.

– С Самим, что ли? – дежурный благоговейно приподнял глаза вверх.

Для кого Сам и Юрок, а для кого и Юрий Владимирович Параскевич, цельный полковник, военный комендант гарнизона. Шутка ли...

– Ну да, с комендантом, – подтвердил столь ранний посетитель.

– Знаешь, его раньше восьми не бывает...

Высокое начальство, оно особо себя в последнее время не утруждает. Прошло то время, кануло в лету, когда майор Параскевич, перешедший в комендатуру на должность старшего лейтенанта, числился мальчиком на побегушках, выслуживался, устраивал повальные засады на курсантов.

– Андрей, напомни-ка его номер, – в руках у Жеки появился телефон. – Знаю я, что нельзя. Я тебя не выдам. Скажу, что помню с тех пор. Ну...

На слух Малахов набрал на мобильном телефоне цифры, считанные дежурным с инструкции на пульте, и поднес трубку к уху:

– Доброе утро, Юрий Владимирович. Не разбудил?

– Нет, но... – донесся весьма недовольный голос.

– Встали? – на губах у бывшего подполковника загуляла ухмылка.

– Кто это? – раздражение на другом конце стремглав возрастало.

Подмигнув дежурному, Жека поспешил назвать себя, пока еще не бросили трубку, попросту не оборвали разговор.

– Это с училища?

– Да-да, он самый, – заполняя возникшую паузу, поддакнул Жека.

– Ну, извини... – послышался снисходительный барственный рокот.

– Сразу, говорите, не узнали? – тихо, вкрадчиво, с подобострастными оттенками в голосе произнес Жека. – Значит, жить буду долго.

– Что-что? – чувствовалось, что комендант сам еще или не проснулся до конца, или же не вытащил из своих ушей ватные затычки.

Повысив голос, Малахов бодро и жизнерадостно кинул в трубку:

– Жить, говорю, буду долго. Да и вам того от всего сердца желаю...

Конечно же, полковник понял, что с самого раннего утра просто так не звонят и здоровья от души не желают, а потому недовольно буркнул:

– Что тебе надо? – разговор, наконец, пошел по существу.

Лицо у просителя мгновенно стало серьезным и сосредоточенным.

– Что мне надо? Мне, Юрий Владимирович, позарез потребно пяток минут с Филимоновым бы поговорить. Так, суцкая безделица.

– Зачем тебе? – донесся недоуменный голос коменданта, который все пытался понять, в чем соль необычной просьбы. – Забудь про дурака.

Тяжело вздыхая, Жека посетовал:

– Зачем, спрашиваете? Так он, подлец, мне столько «бабок» должен. Упекут его на нары, кто мне тогда должок вернет?

Наверное, это убедило полковника, и тот долго не раздумывал:

– Пять минут тебе хватит?

– Да, всего на пару слов...

Никогда не стал бы Параскевич полковником, если бы он не обладал талантом извлекать выгоду из любой ситуации. Юрок сменил тон:

– Что я с этого буду иметь?

– Не понял, Юра? – переспросил Малахов и подмигнул дежурному, мол, смотри, как комендант сейчас начнет вымогать взятку.

– Ты стал плохо слышать? – раздраженно задрезжала мембрана.

– Знаешь, Юра, что-то со слухом в последнее время. Сам же знаешь, как это бывает у нас, у артиллеристов.

Когда у некоторых стало туговато не только со слухом, кое-кому пришлось прибегнуть к открытому тексту, отбросив всякие условности:

– Не положено свиданий. Если я пойду тебе навстречу, то... то, само собой разумеется, кое-что потребуете взамен.

– Теперь понял... – Жека широко улыбнулся, ибо взаимная выгода куда крепче иных отношений. – Чем могу помочь?

– В кабинете... дубовый паркет разохся от мытья горячей водой.

– Полы в кабинете постелить? Без разговоров. Пришлю бригаду...

Из трубки между тем лились новые требования:

– Мы хотели общий ремонт сделать. Ты как?

– Как насчет ремонта? – Жека изобразил задумчивость, понятно, кое-кто хочет нажиться за счет казны, уворовать и там. – Сделаем, – Малахов, презрительно скривив губы, выслушивал все благие пожелания военного коменданта гарнизона. – Материалы за полцены, а в накладных указать максимальные расценки? Запросто, Юра. Нет базара. Я завтра подъеду...

– Ты бы сначала позвонил. У меня могут быть важные и неотложные дела, – напыщенный голос Параскевича Жеку только забавлял – ставит из себя полковник, цену набивает, а денежки-то хочет хапнуть и урвать.

– Предварительно созвониться? Лады! Дать тебе, Юра, мой номер?

Спрашивал Жека, хотя понимал, что у коменданта установлены все самые совершенные средства для пеленга вошедшего в связь абонента.

– Не надо... – последовал вполне ожидаемый ответ.

– Не надо? Ах, у вас, должно быть, стоит определитель номера, и ты уже все зафиксировал? – он в этом и не сомневался. – Поэтому и звоню со своего, чтобы ты на бедного дежурного не наехал. Даю ему трубку...

Расслабившийся во время этого разговора офицер подтянулся, встал по стойке «Смирно», левую руку вытянул по шву – давали о себе знать многолетняя муштра и привычка. Привычки – вторая натура человека.

– Дежурный по караулам майор Черноус. Есть! Так точно! Все понял. Да, я его знаю...

– В комнату патрульных заведи. Часового поставь у дверей снаружи. Моя жена, – Малахов небрежно кивнул в сторону скромненько стоявшей Оксаны, – заодно его покормит. Они, оказывается, старые знакомые. А я до этого и не знал. Не удержалась, сердобольная, навязалась со мной.

Дежурный по караулам резко крутанул ручку полевого телефонного аппарата ТА-57, дождался, пока в караульном помещении кто-нибудь не соизволит и не поднимет трубку в комнате начальника караула.

– Подследственного Филимонова ко мне, мать вашу! – рявкнул в трубку разъяренный долгим ожиданием дежурный. – Я вам сейчас...

Остывая, майор вспомнил о том, что не один, смущенно улыбнулся:

– Прошу меня извинить. Сейчас, Жека, его приведут.

Подхватив жену под руку, Малахов по ходу провел с ней небольшую экскурсию по внутренним коридорам и холлам.

– Ну, ты, Жека, и жук, – тихо шепнула Оксана. – Смотри, как все выкрутил. Не мог ему все прямо и без обиняков сразу сказать?

– Ты думаешь, Сана, – Малахов с сомнением покачал головой, – что он согласился бы? Уперся бы, как бык, в то, что не положено, и все. Эти товарищи «левые» дорожки уважают куда больше, чем правые пути. Суть у них такая. Меркантильный интерес они понимают, а вот бескорыстное желание помочь своему ближнему – ни в жизнь.

– И дорого встанет ремонт? Одной «косметикой» не отделаешься.

– Сана, дорогая моя, все это пустяки по сравнению...

И снова женщина, очарованная блеском его глаз, пропустила выпад, неосознанно, на автопилоте, спросила бездумно и просто душно:

– По сравнению с чем?

– С видом обнаженной русалки в лунном свете...

Наконец, до Саны дошло, она укоризненно качнула головой:

– Тьфу ты! Думала, черт, что-то серьезное от него услышу. А у него одно баловство на уме. Но если бы ты знал, Малахов, как я тебя за это все люблю! Ты у меня самый лучший!

– Смотри, Солнышко, у меня хорошая память...

Крепко пожав протянутую ему руку, Жека не выдержал, отвел глаза в сторону. Тяжело было смотреть на полное растерянности лицо товарища, его сгорбленную спину, опущенные плечи. Трехдневная щетина, темные круги под глазами, а в них явственно проглядываются опустошенность и пугающая, в ничего больше не верящая, обреченность. Нет, не мог, не мог он пойти на столь тяжкое преступление и убить человека.

– Олег, познакомься. Это моя жена Оксана...

Потерявшие цвет глаза не шевельнулись. Только чуть дернулись зрачки. Ничего не значащий взгляд тупо уперся в женское лицо.

– Она у нас старший следователь военной прокуратуры.

– К нам приходил один следователь, – безразличным тоном произнес подследственный. – Одним больше, одним меньше. Мне уже все равно, – он устало присел на стул.

Всем своим видом Филимонов показывал, что смирился с судьбой.

– Олег, пожалуйста, следи за моей мыслью, – Малахов поморщился. – Оксана здесь для того, чтобы спасти тебя и Бойко, вытащить вас из ямы Ты, пожалуйста, ответь на все ее вопросы. Без всякой утайки.

– Ей можно доверять?

Подавшись вперед, Жека дотронулся до плеча Филимонова:

– Как мне самому. Я вас оставлю. У нас ребенок один сидит в машине. Да, чуть не забыл, – он смущенно улыбнулся.

– Что еще? – апатично протянул Олег, упирая взгляд в колени.

Ему стало казаться, что ничего путного из этой встречи не выйдет.

– Я сказал вашему коменданту, – усмехнулся Малахов, – что пришел сюда, чтобы поговорить с тобой насчет твоего долга мне.

– Какого еще долга?

– Какого? Оксана тебе все объяснит. У нее мало времени...

Выйдя из комнаты патрульных, Жека озадаченно почесал затылок. Ну и дела. С таким безучастным настроением одна надежда на Сану...

Старший следователь прокуратуры задавала вопросы, а Филимонов, собрав волю в кулак и сконцентрировавшись, обстоятельно отвечал, не оставляя ни одной мелочи, какой бы незначительной она и ни казалась.

– Пока все, – Оксана машинально посмотрела на часы. – Черт, я уже опаздываю. Олег, подпишете ваши показания. Я верю вам. И я верю Малахову. Он сказал, что это все абсурд. Все эти обвинения в ваш адрес. Будем стараться, чтобы как можно быстрее вытащить вас отсюда. Хуже, если вас переведут в СИЗО. Там с нами не особенно-то считаются...

Подполковник остался сидеть, понуро опустив голову вниз. Судьба-индейка сыграла с ними злую шутку. Не маленький он, чтобы не понять одну простую истину. Если кому-то сильно надо, то от них ни за что уже не отцепятся. А в этом самом сомнений больше не оставалось.

Накануне прилетевший из Киева следователь по особо важным делам с Генеральной Прокуратуры в течение четырех-пяти часов поочередно вызывал их на допросы и настойчиво добивался, чтобы они написали чистосердечные признания. Хищно зыркал на них лисьими, постоянно бегающими по сторонам глазами. И все время подсовывал им заранее заготовленные тексты с описанием убийства, их связи с заказчиками...

Дверь в комнату раскрылась, и на пороге показался начальник караула. За его спиной маячил караульный с автоматом на плече.

– Подследственный Филимонов, на выход...

Подчиняясь команде, Олег встал, по успевшей уже выработаться привычке заложил руки за спину. Прошли они во внутренний дворик и поднялись на крыльцо гарнизонной гауптвахты. Еще один шаг...

Олег оглянулся. Тоскующий взгляд последовательно пробежался по небольшому плацу с нарисованными на нем квадратиками, по высоким стенам, поверх которых пропущена колючая проволока, с развешанными на них плакатами с образцами военной формы одежды...

По роковому стечению обстоятельств он сам оказался в числе тех, кого когда-то бдительно охранял. Не по своей вине. Но от этого не легче, а тяжелее вдвойне. Не столь было бы обидно, если бы они действительно что-нибудь натворили. За свои грехи и отвечать самим. А тут...

Выводной открыл входную дверь и впустил внутрь. Два шага прямо и еще одна дверь. Поворот налево... и снова уперлись в решетку. За ней прогуливался часовой первого поста. Общее отделение гауптвахты. Направо по коридору уходило офицерское отделение. Но им не туда...

Железная дверь со стуком закрылась. В глазок заглянули, убедились в том, что все в порядке. Кругляшек опустился на чернеющее отверстие.

– Ну? – Бойко подвинулся на толстом швеллере, врезанном с обеих сторон в мрачно-зеленые стены, освобождая место для своего товарища.

Сидеть днем не положено. Топчаны раздавались перед самым сном, а с подъемом убирались. Приходилось, как курицам, сидеть на жердочках.

– Жека Малахов приходил. Не один притопал, а с новой женой.

Упоминание о женщине встряхнуло, и Бойко чуточку оживился:

– У него новая жена?

У Филимонова сил хватило на то, чтобы кисло-поморщиться и кивнуть. Разводя руками, его товарищ по несчастью хмыкнул:

– Да я с ним года четыре не встречался. Шли с ним разными курсами.

Не верить соседу причин не нашлось, и Филимонов неопределенно дернул правым плечом, вернее, едва им шевельнул:

– Женился он три года назад. Везет человеку. То был ничем. Нищий. Хорошо, еще квартира у него осталась. Первая жена уехала и оставила ее ему. А тут он классную девку себе отхватил, деньги у него появились. Раскрутился по самой полной программе, мама не горюй...

– Ты ему завидуешь?

– Нет, – Филимонов вздохнул. – Ему – нет. Он среди нас всегда был самым правильным после их командира – Старшого.

Сбоку от Олега послышалось недоуменное пыхтение:

– Ты это о ком?

– Был у них, помнишь, замкомвзводом Рэм Валишев.

– Подожди, Олег, зачем же они сюда приходили? – спросил Бойко.

До него только дошло, что Малахов, видать, появился неспроста.

– Зачем приходили? – глаза у подполковника подернулись дымкой. – Жена у Жеки в нашей военной прокуратуре работает. Она сказала...

– А чего ты сразу мне не сказал? – Бойко в сильном возбуждении вскочил со своего жесткого наместа, врезающегося в одно самое мягкое место. – Ходишь все вокруг да около. Нет, чтобы с этого начать! А то навел тут тень на плетень, несешь всякую околесицу.

– Я не верю в то, что нам еще можно помочь...

Как подрубленный, Бойко сел, вдавил сиденье в ребро швеллера.

– Думаешь, нас специально подставили?

– Не знаю. Может, и не специально. Но мы с тобой, Миша, оказались в нужное время и в нужном месте. Может, случайно получилось. Может, кто-то все подстроил. Вот все в нас как клещами и схватились.

Стиснув голову ладонями, Михаил со стоном выдавил из себя:

– И что они тебе сказали?

– Его жена сказала, что все сделает, что в ее силах.

Неожиданно быстро для человека подавленного Бойко дернулся:

– Ты ей веришь?

– Ей я могу верить. Поверить в то, что будет стараться, могу. Но во все остальное – нет. Слишком многое поставлено на кон в этой игре, к несчастью и к глубокому сожалению, не в нашу пользу...

Первым на службу, как это и полагается самому молодому по званию и по должности, прибыл капитан Смирнов. Часы на его руке в тот самый момент показывали 7.15. Он добирался на автобусе с поселка Котовского. Забыл, что в эту пору экспресс идет намного быстрее, чем в час пик.

Вот потому-то и прибыл он минут на десять или пятнадцать раньше назначенного начальника отдела срока. Зато не опоздал, что уже само по себе было огромным плюсом. Ткнулся в двери, а они еще заперты, и часовой внутрь не пускает. Стоит боец и смотрит на него, щерится.

Дожились. Смех один, да и только. Тут, блин, люди жаждут работать, а их не пускают. Когда еще и где такое дельце увидишь?

Смена на пост еще не прибыла, и не появился разводящий с постовой ведомостью. Ни один из всех многочисленных объектов на охраняемом бравым часовым посту не был к этому времени вскрыт, и молоденький курсантик с автоматом на плече лишь отрицательно покачивал головой.

И даже близко не подошел к самой двери, метров с трех наблюдая за тем, как капитан подавал ему знаки. У них, у тех, кто тут работает, своя служба, а у него, у часового, своя служба. У него свое начальство. И самый главный начальник – это его разводящий. Приедет сержант, даст ему команду, и он откроет дверь, а до той поры, да хоть землетрясение...

А минутки через три часовой незаметно, шагок за малым шагком, отодвинулся вглубь коридора и на всякий случай замаскировался в тени.

Подъехал на своем «Мерседесе» Ковальчук. Часы показывали 7.30. Стараясь скрыть усмешку, Саша отворачивался. Майор задерживалась или же уже опаздывала, так как старший начальник был на месте, хоть и стоял перед закрытыми дверями. И даже три большие звездочки на его погонах, увы, никак не смогли повлиять на бдительно несущего службу часового. Если бы они знали, что перед ними боец с первого курса...

7.40. Смены до сих пор еще не видать, и дверь закрыта, но и майора Полищука все еще нет. Ковальчук начал нервничать и из-за первого, а больше из-за второго. Приказано явиться в 7.30, значит...

– Едут, Алексей Петрович, – Саша высмотрел серебристый BMW.

Начальник следственного отдела облегченно вздохнул:

– Смена едет? Наконец-то!

– Нет, наш это товарищ майор едут! – хмыкнул капитан.

Смирнов уже не смог сдержать веселой ухмылки. Его эта ситуация несколько забавляла, если и не сказать что более того.

– Чего улыбишься? – нахмурился шеф, которому было не до шуток.

– Да они, Алексей Петрович, триста метров от дома дойти пешком не в состоянии. На персональной тачке их на работу подвозят.

Малахов предусмотрительно остановился, не доехав, не желая кое с кем здесь встречаться. Оксана вышла из машины и, чуть наклонившись к дверце, улыбнулась мужу и Рыжику, махнула им ручкой.

– Ну и что это все значит? – Ковальчук недовольно поджал губы.

– Извините, Алексей Петрович, проспали...

Извлекши из сумочки зеркальце, женщина быстренько окинула себя внимательным взглядом и украдкой показала язычок Смирнову. Мол, не стоит тут своим насмешливо-укоризненным видом накалять обстановку.

– Говорил я, – проворчал полковник, – не надо выходить замуж.

– Говорили, Алексей Петрович, – смиренно ответила провинившийся майор. – Предупреждали. А одна тут, бедная, не вняла умным доводам и советам. Вот и плачевный результат налицо.

– Раньше ты почему-то всегда приходила вовремя. Когда ты жила в общежитии на другом конце города. Чем вы по ночам занимаетесь?

– На звезды смотрят, – давился Смирнов от приступов смеха.

Подъехал армейский ГАЗ-66. Открылась правая дверца кабины. Оттуда вывалился розовощекий младший сержант с извиняющейся улыбкой на губах. Задний борт с лязгом и со стуком откинулся.

– Смена, к машине!

На землю прыгнул еще один курсантик, за ним второй. Часовой подошел к двери, открыл ее, впустил смену и снова закрыл перед самым их носом. Разводящий и прибывший караульный с часовым обошли весь пост, тщательно проверили наличие и сохранность печатей.

– Товарищ младший сержант, курсант Петренко пост номер три сдал.

– ...курсант Ляхов пост номер три принял...

Двери распахнулись, и желающие смогли свободно пройти внутрь и подняться к своим кабинетам. Охраняемые объекты вскрыты, росписи о том в постовой ведомости. У них своя работа, а часового своя служба...

– Ну, – Ковальчук занял свое привычное место за столом. – Потеряли целых двадцать минут. Ты, Ксана, во всем виновата...

– Я? – майор изобразила удивленные глазки и быстро спрятала их.

Хорошо понимала Оксана, что не время оправдываться и строить из себя невинную овечку, не тот случай, когда этот номер пройдет на «Ура».

– Ты! – полковник в сильнейшем раздражении стукнул кулаком по столу. – Знаешь, девушка, и моему ангельскому терпению может когда-то прийти конец. Что ты себе такое позволяешь? Ты что, думаешь, что я на все буду закрывать глаза? Что будем наверх докладывать?

Неловкая тишина мгновенно завоевала все пространство кабинета, стало слышно, как где-то часто-часто постукивает пишущая машинка.

– Алексей Петрович, разрешите? – Оксана приподняла голову.

Высокое начальство заерзало, и кожаное кресло под ним закрипело:

– Что, за ночь придумала, проявила смекалку и сообразительность?

– Начнем с того, – твердым голосом уверенно заявила Оксана, – что наши военные сбили самолет. И от этого факта и начнем мы плясать.

– Уверена? – полковник прищурился. – Откуда у тебя сведения? Наш Министр наотрез отрещивается и божится. Голову дает на отсечение. Их ракеты больше тридцати километров полетной дальности не имели.

– Из самых первых рук...

– Они у нас, товарищ полковник, – Смирнов улыбнулся, пытаясь как-то сбить напряжение, повисшее в комнате-кабинете, – с очевидцем события успели потолковать. Смотрелись в Крым, допросили зенитчиков и вернулись. Я думал, они при звездах по ночам с мужем мечтают, а они у нас, оказывается, в свадебное путешествие отправились. Поздновато что-то спохватились. Как там это... «В городе Сочи темные ночи»...

– Саша, помолчи! – Ковальчук отмахнулся от него, как от назойливой мухи. – Не до твоих идиотских шуток. Я понимаю твое самое горячее желание выгородить свою начальницу, но они и сами за себя постоять смогут. Ты, Ксана, в этом уверена? В том, что только что заявила...

– Да, на все сто.

Задумчивые складки густо прорезали лоб начальника следственного отдела, и он, прищурив левый глаз, вытянул вперед указательный перст:

– И кто это нас просветил, если не секрет?

Пожимая плечиками, майор скромно потупилась:

– Нашлись осведомленные люди с бригады связи. Наблюдали они все собственными глазами и слышали все своими ушами.

– И как это мы на них вышли? – поинтересовался полковник.

Он, не скрывая своего живого интереса, подался вперед. Что-то, к его досаде, к нему никто не пришел и подобного рода услуг не предложил.

– Малахов свел, – особенным грудным голосом выдала Оксана.

– Понятно, – Ковальчук вздохнул. – Снова Малахов. Может, его уже к нам на полставки оформить? Или ты с ним своей зарплатой делишься? Или каким иным способом рассчитываешься, а потому и опаздываешь...

– Как же, нужна ему их зарплата. Он делает им безумно дорогие подарки в их полугодовую зарплату, – хмыкнул, было, примолкший капитан. – Мне бы такого же спонсора. Чтобы любила и подарки делала.

Покрасневшая от двусмысленных намеков полковника, женщина тут не выдержала, грозно сверкнула своими дивными очами.

– Саша! – Оксана предупреждающе выставила свой кулачок.

Глянув на наручные часы, Ковальчук, поморщился, быстро спросил:

– Что еще мы за эту ночь узнали?

Понимая, чем вызвано беспокойство начальства, Оксана доложила:

– Филимонов и Бойко к совершенному убийству непричастны. Они были в тот вечер на той улице, но с Иванчуком не встречались.

Там-там-там-там! Начальство озадаченно изогнуло густые брови.

– У меня на руках есть собственноручные показания Филимонова. Он поминутно все расписал. Как подъехали к будке, припарковались, зашли в агентство по торговле недвижимостью «Александр-Н» по адресу...

– Точно, – Саша кивнул головой, – есть там такое. Как раз напротив будки. Если они оставляли заказ, то это могло пройти по компьютеру.

– Постой, девушка, – Ковальчук кинул на майора подозрительный взгляд. – Давай-ка, на полшага назад. Откуда показания Филимонова? Кто их снимал? Ты нам тут горбатого и плешивого не лепи...

– Алексей Петрович, я с ним лично встречалась, – Оксана широко улыбнулась. – Вот сами прочтите...

На стол перед ней легли листки, исписанные аккуратным почерком.

– Когда ты успела?

– Только что оттуда, А потому-то немного и припозднилась...

Полковник призадумался. Это коренным образом меняло дело. Его подчиненная вовсе не проспала, а проводила следственное мероприятие, правда, ни с кем не согласованное, к тому же, в обход кое-каких правил.

– А кто же тебя без разрешения к нему пустил? Без согласования с военным прокурором, без бумажки...

– Малахов с комендантом договорился...

И снова Малахов! Начальник 2-го следственного отдела придвинул к себе протянутые ему листы и принялся бегло их просматривать. Глаза его удивленно моргнули, на лбу собрались тонкие морщинки. Для полного эффекта не хватало только очков на кончике носа.

Полищук и Смирнов переглянулись. Их полковник, судя по всему, явно был сбит с толка, мысли его разбежались, что наглядно и отразилось на его лице. Этакое за ним обычно не наблюдалось. Ковальчук всегда был верхом собранности и сосредоточия. Начальник надолго задумался...

– Оксана Степановна, – полковник смущенно потер руки и поднял свои извиняющиеся глаза, – я вынужден свои слова, высказанные чуть ранее, взять назад. Это в корне меняет все дело. Но это пока лишь только его слова. Надо подвести под них доказательную базу, основательную, чтобы она могла стойко выдержать любой натиск обвинения.

– Будем работать, – хмыкнула Оксана. – И чтобы никто не мешал. Сейчас начнут вызывать, давать ценные указания, начнут учить жизни.

– Хорошо, Ксана, – начальник отдела согласно кивнул головой. – Я понял тебя. В принципе, этого всего мне уже достаточно, чтобы пойти на доклад к шефу. А вы, ребята, давайте, принимайтесь за работу.

– Не мешало бы для начала плотно позавтракать, – глядя в окно, безразличным тоном произнесла Оксана.

Очередная точка отчета успешно пройдена, пора вспомнить и о себе, о самой, самой любимой и ненаглядной, вкуче еще кое с кем.

– Чего-чего? – мысли шефа уже сидели в кабинете Прокурора.

– Покушать они не успели, – иронично хмыкнул Саша. – Утром проснулись и натошак в комендатуру дернули. Потому как проспали.

– Ну да, – майор согласно кивнула головой. – Пока некоторые дома кофе в постели пили, ванну принимали, я, черт, наслаждалась запахами тюремной баланды и дезинфицирующего

раствора. Чуть плохо не стало. Да, кстати, Алексей Петрович, ваша жена на этот раз не в отъезде?

– Ты к чему? – полковник сразу насторожился, чуя в вопросе подвох.

– Ванна у вас роскошная имеется, помнится мне...

Когда-то та ванна была пределом мечтаний одной бедной девушки. Сейчас-то совсем другое дело, в их квартире ванная комната не хуже.

– Ну, Ксана! – Ковальчук укоризненно закачал головой. – Стоит тебя похвалить, как ты опять за свое. Язвой ты была, язвой и осталась. Как тебя твой Малахов терпит? С таким несносно ехидно вредным язычком.

– А они с ним так себя не ведут, – Смирнов не удержался от реплики. – Они с ним ласково. Вот он на них и не надыхнется. Для нас у них одни шипы приготовлены. А для Малахова припасены нежные лепестки.

– Саша, черт, ты у меня точно когда-нибудь договоришься, – Оксана прыснула в подставленный кулачок.

Смирнов знал не все. Малахов любил ее всю, вместе с шипами и лепестками, знал, как и чем можно действительно обезопасить ее иголки.

– Все. Действуйте по утвержденному плану. Извините, – Ковальчук развел руками, – но машины дать не могу. Придется своим ходом. Иначе говоря, передвигаться трамваем одиннадцатого маршрута.

– Ясно... – Смирнов скорчил скорбную рожицу. – Сейчас Оксана Степановна себе личное такси вызовет, а мне, сиротке, на общественном транспорте добираться? Знаете, во что выйдет, если на тачке по городу кататься? А пешим порядком много не набегаешь, Одесса, чай...

– Саша, – полковник сдерживал в себе рвущийся наружу смешок, – у тебя есть свой непосредственный начальник? Вопрос ясен?

Пока капитан Смирнов, впрочем, совершенно безуспешно клянчил у начальства какой-нибудь транспорт, майор вытянула из кармана изящный телефончик. «Любимый» номер, конечно же, установили на самой первой кнопке. Секунд через десять на всю комнату разнеслось:

– Да, мое Солнышко...

– Ну, что я вам говорил, Алексей Петрович? Сейчас за ними заедут, и... – Саша растерянно крутанул головой.

– Малахов, ты... где? – Оксана плотнее прижала трубку к уху.

По женскому лицу разлились умилительно-радостные краски.

– А что? – в приморском городе на любой заданный вопрос отвечали вопросом, прямо на поставленные вопросы отвечали люди приезжие.

– Кушать жутко хочется, – нежно проворковала майор.

– Понял. Через десять минут буду. Выходи, – абонент отключился.

Услышав короткие гудки, Оксана удовлетворенно моргнула, сложила телефон двумя пальчиками, нарочито небрежно опустила его в кармашек, не удержалась, обвела присутствующих своим торжествующим взглядом. Налицо проявились явные преимущества семейной жизни.

– Вот видали, Алексей Петрович, как некоторые люди в жизни легко и просто устраиваются. А я, бедный и несчастный, кинутый всеми.

– Саша, – майор нацелила указательный пальчик на подчиненного, – ты поменьше тарахти, а то и вправду по всему городу пешком будешь бегать. Алексей Петрович, черкните, пожалуйста, свою закорючку под нашим планом оперативно-розыскных мероприятий, и я доведу его до товарища капитана. А то я вижу, что ему уже, ой, как нейдет...

Бегло пробежав глазами по листу, Ковальчук размашисто подписался в верхнем уголке и, напутствуя, кивнул головой. Тяжелая дверь за майором и капитаном закрылась. Полковник

усмехнулся. Он нисколько не прогадал, не просчитался, когда три года назад вступился за простого следака, капитана Полищука, попросту нагло и откровенно затираемого в третьем отделе нечистоплотным на руку и сластолюбивым начальником отдела и его обнаглевшими любимчиками.

Жалко, что не смог в те дни удержать эту девушку в своих руках. Он был женат и не смог бы уделять Ксане столько внимания, сколько ей хотелось. Девушка предлагала ему всю свою душу, а что он мог дать ей взамен? Поцелуи украдкой, тайные встречи в чужих постелях? Нет, все-таки следовало ему тогда послать все к черту, развестись с женой.

А вот Малахов умудрился дать ей все, что она хотела. Когда Ксана выходила за Малахова замуж, бывший подполковник работал на ремонте кровли, и это ее нисколько не смутило. И он пил. И это ее не смутило. Поверила в него. Потому что очень хотела этого. Хотела быть рядом с ним. Не откладывая на «потом», с ходу родила ему дочку.

Малахов окружил ее нежной заботой и всеобъемлющим вниманием. А потом у него появились деньги, очень большие деньги. И тогда он поистине с огромной радостью стал любовно обрамлять доставшийся ему бриллиант в соответствующую тому дорожную оправу...

Серебристый BMW ждал их на стоянке у самого входа, скромно притулившись вприценку рядом с казенной «Волгой» шефа. Малахов стоял, спокойно смотрел на суету, окружающую неприметное здание. Он до сих пор хорошо помнил его расположение и мог навскидку сказать, где и что, и в каком месте в нем находится. Он десятки раз курсантом исполнял обязанности часового и разводящего. Частенько приезжал для проверки несения службы часовыми, когда уже стал офицером.

Оксана вышла из дверей и, никого не стесняясь, подставила свою щеку для поцелуя. Пускай, пускай все смотрят! Ей скрывать нечего. Пусть все знают, что есть на свете человек, который ее любит.

На лице у водилы служебной «Волги» вмиг отчетливо нарисовалось завистливое удивление. Сержант украдкой наблюдал, безуспешно гадая, пытаясь вычислить человека, к кому подъехали на крутой тачке. Может, они заглянули к его шефу? Ну, на худой конец, к одному из его замов.

И тут, нате, полный облом. Сержант такого кизяка уже не выдержал и чертыхнулся. Ничего себе, на каких тачках раскатывает эта бабенка!

Всего лишь на всего майор. Не по чину это, совсем не по чину. Надо ему про нее у своего шефа спросить. Проявить бдительность, показать служебное рвение. Глядишь, он внеочередной отпуск получит...

Вконец уже обнаглели! Любовники к самому входу подруливают. Никакого стыда у людей. А в том, что все обстояло именно так, сомнений у сытого бойца, развращенного тем кругом общения, возле которого он по роду своей службы кормился, не отыскалось.

– Жека, мы этого молодого человека с собой возьмем?

– Этого? – Малахов окинул капитана оценивающим взглядом.

Впрочем, со Смирновым он был порядком уже знаком.

– Ага! – кивнула женщина головой, подмигивая мужу.

– А он нам машину не испачкает? Обивку в химчистку сдавать...

– Евгений Павлович! – Саша негодуяще надул щеки.

– Прыгай, Саша, я пошутил, – Жека хлопнул его по плечу. – Куда едем? – спросил водитель у пассажира, по-родственному севшего рядом.

Левый женский глазик задумчиво прищурился:

– Саше надо на Филатова, а мне...

– Постой, Сана, – Малахов в зеркальце посмотрел на насупившегося капитана. – Может и Саша с нами позавтракает для компании? Он же у тебя живет на поселке Котовского? По себе

прекрасно знаю, что в шесть утра, как правило, кусок в горло еще не лезет. Успеется с вашими делами. Я уже столик для нас неподалеку заказал. Всего-то в полуминуте езды.

– Столик на двоих? – синие глазки, задорно сияя и ярко переливаясь, неотрывно смотрели на Жеку. – Ты что, Малахов, может, уступишь ему свой стульчик? Только, дорогой, сможет ли этот невоспитанный человек оценить всю глубину твоего великодушного поступка?

– Нет-нет, не стоит! – Смирнов отрицательно замотал головой. – Третий лишний. Как-нибудь без меня...

– Ну, наш столик заказан на троих, – Малахов усмехнулся.

Он мысленно похвалил себя за догадливость и сообразительность.

– Куда же ты, Сана, без верного оруженосца? Правду я, Саша, баю?

– Именно так, Евгений Павлович, – Смирнов облегченно вздохнул. – Без нас они ни шагу. Едемте...

Уверенной поступью серебристая красавица плавно покатила вдоль по улице Короленко, сворачивая на оживленный проспект.

И Саша стучал ножом и вилок по своей тарелке не менее увлеченно, чем его, видимо, со вчерашнего же вечера проголодавшаяся начальница. Пока же военные следователи насыщали впрок свои безмерные желудки, Малахов одним глазом проглядывал копии опросных листов.

– Саша, – поднял он свои глаза, – я сейчас позвоню в главный офис «Александр-Н». Генеральным директором у них Мишка Капустянский. Он, помнится, у нас курсантом когда-то был. А он уже даст необходимую команду своему филиалу. Скажешь, что ты от меня. А мы с тобой, Сана, если ты не будешь против этого, проедемся пока по одному адресу.

– Как скажешь, – майор согласно опустила реснички.

Сытый желудок требовал покоя, и ее деятельный ум уступил его настойчивым требованиям. Думать пока ей ни о чем не хотелось. Можно было на какое-то время отдалиться течению, тем более что у руля лодки присел ее Малахов. А за его широкой спиной всегда удобно и спокойно.

На улицу сыщики выходили с намного повеселевшими лицами. И настроение поднялось. И солнце засветило поярче, чем часик назад.

– Саша, а тебе, знаешь, не с нами, – на губах у Малахова поигрывала неопределенная улыбка, – нам в другую сторону.

– А как же я? – Смирнов на полушаге остановился.

– А что ты? – глядя на него, Жека вопросительно хмыкнул.

– Я как-то думал, что вы меня подберете. Оксана Степановна! – капитан всем своим видом взывал к помощи своей начальницы.

Его судьба теперь всецело зависела только от майора. Быть ему на или при «колесах» или, высунув язык, бегать пешком.

– Знаешь, Саша, я так подумал, подумал, все тщательно взвесил и решил, что мне дороже встанет возить тебя с собой, тратить на тебя мое драгоценное время, – произнес Малахов и замолчал, выдерживая паузу.

Ему доставляло удовольствие видеть замешательство, произведенное его словами. И он не торопился сказать свое окончательное слово.

– Жека, ты что, дорогой? – возмущенный тычок последовал почти незамедлительно. – Да как у тебя язык повернулся?

– Саша, – будто не замечая, продолжил он. – Я подумал, что мне дешевле дать тебе на время тачку. Решить никому ненужные проблемы, тянущие за собой определенные неудобства. Ты машину водить умеешь?

– Могу, – буркнул Смирнов, не понимая, к чему ненужный базар. – Сказали бы сразу, что третий лишний. Я и так бы все понял. Не дурак.

– А права у тебя с собой?

– С собой, – ответил вконец растерявшийся капитан.

– Вот и прекрасно. Красный «Фиат» наблюдаешь? Вот тебе ключи от него. Доверенность на тебя, Саша, соответствующим образом оформлена. В перчатнице, по-нашему в «бардачке», лежит телефон для связи с твоей начальницей. Все, молодой человек, дерзайте. А нас уж извините, дела...

Задумавшись, Оксана прикрыла свои глазки, за дорогой не следила и потому удивилась, когда они остановились возле...

– Ты это куда меня привез? – она с изумлением оглянулась. – Ты же сказал мне, что поедем по адресу!

– Мы по нему, моя радость, и приехали. Именно по тому самому. Нет, по мне, адреса лучше, чем собственный дом. Давай, у нас с тобой осталось мало времени. Впереди столько дел. Труба зовет! Вперед!

– Ах ты, жулик, обманщик! – она все сразу поняла. – Ты, дорогой, специально отделался от Смирнова, чтобы затащить меня...

– В супружескую постель, заметь, мое Солнышко...

В подъезде Малахов подхватил жену на руки и понес ее на руках.

– Что ты делаешь? – жарко выдохнула она.

Мужской шепот ожег ее ушко:

– Помнишь, я тебе обещал, что буду носить тебя на руках...

– Я все помню, Жека. Ты, ты, – на ее глазах выступили слезинки. – Мне иногда становится страшно, когда я подумаю о том, что было бы со мной, если бы я тогда не нашла тебя...

Сана украдкой смахнула влажные шарики со своих ресниц. Если бы она не приняла одного решения для себя и не стала бы бороться за свое счастье, каким призрачным оно в то время ей и ни казалось.

– Тогда бы, радость моя, ничего этого не было...

– Господи! Не пугай ты меня так!

Дверь за ними захлопнулась. Оксана, не отпуская рук с его шеи, вытянула ноги вниз и дотянулась до пола. Жадные губы ринулись друг другу навстречу. Умелые пальцы пробежались по пуговкам, и муж, улыбаясь, обнажил ее плечи и груди и восхищенно выдохнул:

– Сана, ты у меня просто чудо! Ты стала еще прекраснее. Ты просто сводишь меня с ума! Твои очаровательные глаза. Я так их, Сана, люблю. Твоя ослепительная улыбка, твой нежный и любящий взгляд. Твои чудные губки. Твой очаровательный носик. Твоя гордая шейка...

– Ты говори, говори, – прошептали ее уста. – Ты не останавливайся. Я от твоих слов жарко таю. Ты говори, говори...

Блаженно прикрыв глаза, женщина позволила поднять себя и отнести в супружескую спальню, где ничто уже не могло остановить того, ради чего они сюда и пришли...

– Жека, – она лениво приоткрыла один глазик. – Сколько набежало там? Ты, дорогой мой, вывел меня из строя. Сначала ты меня до отвала накормил. А потом выжал все жизненные соки. У меня не осталось сил и желания вставать и что-то сейчас делать. Я из-за тебя ничего сегодня не смогу сделать. Я и так, если честно, не знаю, что мне делать дальше...

На этот весьма простой вопрос муж нашел вполне логичный ответ:

– Искать настоящих убийц.

На утомленном женском лице появилась ироническая улыбка:

– И коню понятно. Как и где? Что скажет мой всезнающий муж?

– Знаешь, Сана, – весело хмыкнул муж, – я, конечно, университетов не оканчивал и криминалистику не штудировал. В детстве английскими и американскими детективами не увлекался. Но почему-то элементарная логика подсказывает мне, чтобы найти истинную причину или мотив убийства, надо понять человека, глубоко проникнуть в его внутренний мир. Может, в результате всего этого что-то и станет понятно.

– А как? Вот где собака зарыта, вот где главный вопрос!

– Чему тебя в бурсе учили? Если не знаешь азов своей профессии...

– Я знаю! – ее задетое самолюбие слегка всколыхнулось, заставило думать. – Надо начинать с самого его детства. Именно там и могут быть скрыты причины поступков, которые просто так объяснить невозможно.

– Ну, если так, – муж загадочно улыбнулся, – поехали. Я покажу тебе одну женщину, которая знала Иванчука с самого раннего детства.

– Правда, Жека? – Оксана вскочила, позабыв о своей лени. – А что ж ты, противный, до сих пор молчал? Мы потеряли столько времени!

– Почему же? – Малахов с усмешкой на губах поймал ее кулачки. – Мы с тобой, насколько я что-то в этом понимаю, времени зря не теряли...

– Малахов! – Сана в нетерпении притопнула ножкой. – Ты мне зубы не заговаривай! Знаю я твою одну замечательную способность наводить тень на плетень. Только что ты заикнулся о какой-то женщине.

Коварно вытягивая из жены все жилы, он лениво зевнул:

– Мы с ней договорились о встрече на двенадцать...

Неторопливый взгляд на настенные часы показал, что они успевают, правда, впритирку. Так им к суетной спешке и не привыкать.

– У нас осталось целых полчаса. Надеюсь, я прощен? – он наклонил перед ней свою смиренную голову.

Желанный эффект был достигнут, Оксана сполна оценила его труды:

– И что я делала бы без тебя? Меня давно с работы выгнали бы.

– Будет тебе, Сана, – он прижал ее рыжую головку к себе, – посыпать себе это самое место пеплом. Ты у меня, девушка, из всех самая умная и способная. А я, сколько могу, столько тебе и помогаю. И готов это делать без устали, хоть до конца дней своих.

– Да, Малахов, – Оксана с деланным удивлением заглядывала в мужские глаза, с большой охотой подыгрывая мужу, – а ты, черт, можешь иногда и скромным прикинуться. В тебе, мой дорогой, оказывается, еще столько скрытых талантов. Да, а откуда ты знаешь эту женщину?

– Разве я тебе еще не говорил, – он заранее чуть отодвинулся, – что я учился с Мэтром в одной батарее?

Возможно, с его стороны несколько запоздалое признание произвело на майора эффект разорвавшейся бомбы.

– Что? Малахов! Ты учился с Иванчуком в одной батарее?! Ну, Малахов! Черт тебя подери! Если бы не некоторые обстоятельства...

Муж не выдержал и расхохотался, хорошо зная, что тотчас услышит.

– Я бы, я бы, Малахов, сейчас тебе такое устроила! Значит, ты и сам его жутко хорошо знаешь? – Оксана потянулась к мужу.

Обнимая и прижимая к себе ластящееся к нему женское тело, Жека едва слышно обронил в подставленное для этого ушко:

– Так я же тебе об этом уже говорил.

– Жека, ты... ты что, издеваешься надо мной? – неподдельное на этот раз возмущение перекатывалось в постепенно темнеющих синих озерах. – Этого ты мне не говорил! Выдаешь мне информацию в час по чайной ложке, когда сам считаешь нужным. Давай, дорогой, выкладывай, что еще за козыри попрытаны у тебя там, в рукавах и всех многочисленных кар-

манах? Иначе я тебя, дорогой! – две тонкие змейки взвились и стали приближаться к его шее, угрожая сомкнуться вокруг нее кольцом.

– Терпение, моя дорогая, терпение. Пройдет еще немного времени, и украинская щетина превратится в золото. Ты давай, одевайся... – Жека показал на часы. – Мы бывали в гостях у Виталика, когда учились. У него была законная жена. Но никто в их семье не скрывал того, что в соседнем доме живет девчонка, у которой растет ребенок от Иванчука. Мы и к ней, бывало, заходили, вместе с Виталиком заглядывали.

– Она и сейчас там живет? И где этот дом? – Оксана с беспокойством посмотрела на часы, испугавшись, что они могут туда уже и не поспеть.

Минутная стрелка с угрожающей быстротой стала продвигаться на соединение с часовой стрелкой, подобравшейся к цифре «12».

– Да тут он, мое солнышко, недалеко от нас.

Спускаясь по лестнице, майор вспомнила, что не уточнила еще один, где-то, может, и не самый важный момент, спросила:

– И когда ты с ней виделся?

– Да как завез Рыжика в садик. Пока некоторые «ля-ля... фа-фа...».

– Жека-Жека, ты у меня клад. Господи! Малахов! Как же я все-таки тебя люблю! – глаза у женщины возбужденно засияли...

IV

Машину оставили у себя во дворе. Оксана шла и кидала по сторонам ничего не понимающие взгляды. Вел ее Малахов не обычным путем, а через дворы, и в глаза кинулась ничем не прикрытая вопиющая нищета.

Если со стороны улиц фасады зданий были местами кое-как, местами весьма добротно отремонтированы и выглядели вполне даже прилично, то внутри дворовых колодцев зрелище открылось просто ужасающее.

Наверное, никто из ныне живущих там не помнил, когда еще начали пристраивать, лепить к капитальным стенам временные пристройки к первому этажу. Тянуть их дальше, вить ласточкины гнезда, громоздить скворечники, тем самым, сколь можно максимально, расширяя свою со временем ставшую тесную жилплощадь, отвоевывая для себя лишние метры, веранды и комнаты. У кого и что уж получилось. Кто и как сумел.

И все оно с течением времени приходило в негодность, ветшало, грозило вот-вот и обрушиться прямо на головы незадачливых прохожих.

Сколько же подобных балконов и балкончиков, не выдержав тяжести вынесенного на них хлама и бремени времени, срывалось вниз.

Если в центре города яркие огни кричали о достатке и роскоши, то тут, всего в ста-двухстах метрах, вопила сама нищета на пару с разрухой.

Блеск и нищета старого центра – визитной карточки южного города, где каждый камень дышал вековой историей.

Зашли они в темный подъезд. Поднялись на второй этаж, прошли еще один лестничный марш. Квартира под №7 оказалась между вторым и третьим этажом. Впервые увидев подобное дело, Оксана недоуменно захлопала глазами, а Малахов пожал плечами. Он с таким сталкивался.

Позвонили. Открыла им дверь миловидная женщина, трудно сказать, каких лет, но, видно, довольно рано состарившаяся.

– Леночка, это моя жена Оксана, – Малахов приветливо улыбнулся.

– Здравствуйте, Оксана, – хозяйка протянула руку. – Вы проходите...

Майор вошла и оглянулась. Боже! Разве это квартира? Жилище даже трудно назвать этим словом. Когда-то тут был черный ход. Его потом со временем переоборудовали, навесили потолки. Получилось по отдельной комнате на каждом этаже. Потом тут пристроили балкон, закрыли его, утеплили. Вышла еще одна комната. Если это так можно было назвать. Провели воду. Вот и получилась отдельная самостоятельная квартира.

– Сана, – Малахов поднялся. – Я пойду. Если что, позвони. Извини, Леночка, дела. Я еще как-нибудь на днях к вам загляну. Передавай дочке привет. Пусть она заглянет ко мне. Сегодня же. Она знает, где мой офис.

– Хороший у вас муж, – хозяйка задумчиво посмотрела в сторону закрывшейся двери. – Он из всей их курсантской компании был самым лучшим. Нет, – она как-то смущенно улыбнулась. – Был еще один. Рэмка Валишев. Он лет десять как уехал в Россию. Вы его не знали?

– Нет, – Оксана неопределенно пожала плечами. – Муж ничего...

– Да, была у Жени привычка все до последнего момента скрывать.

– Да на каждом шагу! – Оксана усмехнулась. – Вытягиваешь из него, как клещами! Так достанет, что готова сама его на месте придушить.

Слабая тень улыбки скользнула по губам немолодой женщины:

– Не балабол, цену своему слову знает. Рэм был у них за командира. Вот он и ваш муж, они двое приходили ко мне, как товарищи, друзья, а остальным нужно было только одно, –

она скривила свои тонкие губы, не хотелось ей вспоминать об этом, тем более, говорить кому-то чужому.

– То есть? – без всякой особой мысли спросила гостя, почувствовав в ее голосе тягучую недоговоренность.

Медленно покачиваясь корпусом, женщина неожиданно призналась:

– Может, Оксана, вас оно и шокирует, но я с ними спала.

– Как? – ахнула майор, не сумев скрыть своих эмоций. – Со всеми?

– Да, спала. За деньги. Я никому не рассказывала. Все хранила в себе. А тут Витьку убили. Нагорело все в душе. Если бы кто другой попросил бы, я бы не согласилась. Но вам расскажу. Может, и мне легче от этого станет. Спадет, наконец-то, с души этот непосильный и стыдный груз.

– Лена, мой муж в то время с вами спал? – нелегкий вопрос крутился на языке и выско-чил, подталкиваемый приступом жгучей ревности.

– Нет, Оксана. Вы, наверное, меня превратно поняли, – узенькая складка, похожая на горьковатую насмешку, прорезала лоб хозяйки.

– Вы же сами это сказали! – недоуменные миндалины-озера широко раскрылись, показали всю свою бездонную глубину красоты.

– Я вам говорила, Оксана, что спали со мной многие ребята, кроме вашего мужа и их командира. У Рэма была своя девушка. Он скоро на ней и женился. И, кроме нее, ни на кого не смотрел. А у вашего мужа где-то за городом жила девчонка. Он все время только о ней и бредил, сидел в уголке, смотрел в окно. Имени ее ни разу не назвал. Только говорил про девочку с короткими косичками и чудными глазами. Наверное, вот с такими глазами, как у вас. Это, должно быть, были вы?

– Да, – внутри у Оксаны разливалось тепло, – он говорил про меня.

Наконец-то, хозяйка по-настоящему открыто и хорошо улыбнулась:

– Я сразу про то поняла. Вы чем-то отдаленно похожи на его первую жену. Или, скорее всего, это она была на вас похожа. Поэтому Жека и потянулся к ней, к той женщине. Но, знаете, Оксана, о ней так, как о вас, он никогда не отзывался. Я от души желаю вам счастья.

Несколько смущенная, Сана тепло поблагодарила:

– Спасибо, Лена. Может, мы все-таки приступим?

– Да, конечно. Вы хотели узнать про Виталика. Кем же он был, на самом деле, Виталий Иванчук? – женщина тяжело вздохнула. – Откуда он, бедовый, взялся на мою голову, да и не только?

...Далекое детство в провинциальном городишке Виталик помнил не очень. Маета. Одна сплошная скукота. Летом пыль столбом от каждой проехавшей машины. А зимой – грязь по колено. В памяти осталось два состояния окружающей его природы. Или грязь, а чуть подует ветерок и подсушит, начинает клубиться удушливая, долго не оседающая пыль.

Бестолковая беготня с окрестной детворой. Казаки-разбойники и лапта. Драки из-за всего. Ссадины на всем теле и разбитые коленки. Причитания бабки по каждому поводу. Вечно виноватая улыбка на лице отца. Его скупые ласки. Визгливые крики матери и постоянная ругань из-за порванных штанов, до времени разбитой обуви.

Его мать работала в райкоме комсомола помощницей в секретариате. Жалованье она получала копеечное. Отец в строительном-коммунальном техникуме преподавал историю и тоже, увы, не мог похвастаться своей зарплатой. А запросы кое у кого оказались несоизмеримо большими.

Теща Изольда Викторовна день изо дня грызла своего неудачливого зятя. Тот, на их беду, оказался полнейшим недотепой. А они еще с дочкой возлагали на него большие надежды.

Когда в 60-м году на их горизонте возник студент-практикант, они всеми своими зубами вцепились в него. Парень казался весьма перспективным. Ему прочили аспирантуру.

Руководимая Изольдой Викторовной, Надя быстро опутала своими сетями неискушенного Игорька, голова которого была забита учебниками и конспектами. Юноша воспламенился пылкой любовью и совершил глупость, которую ему простить впоследствии так и не смогли. Глупость – это Божий дар, но не следует им злоупотреблять. А влюбленный Игорек делал один неразумный шаг за другим. Ненаглядной Наденьке оставалось доучиться два курса, и он, чтобы быть к ней поближе, отказался после выпуска от забронированного ему места в аспирантуре и отправился по распределению в их глухомань. Никому жених об этом не сказал.

Скромно, но с подчеркнутым достоинством сыграли свадьбу. И лишь потом он открылся и объявил им о сюрпризе. Думал, что молодая жена обрадуется, кинется от свалившейся радости ему на шею. Да, кинулась. Напрасно он надеялся. Первую брачную ночь молодые спали порознь.

Изольда Викторовна, скрипя зубами, но пока стоически восприняла эту сокрушительную новость. В принципе, еще оставалась возможность получить место годика через два. Может, и к лучшему, подумалось ей. Дочка все время при своем муже. Всякие дурные мысли и желания не будут стучаться в ее озорную головушку. А со временем все образуется.

Два года пролетели. Игорь съездил на кафедру, и ему популярно и доходчиво объяснили, что его паровоз давно ушел. Благоволивший к нему профессор перешел в другой ВУЗ. Появились новые студенты и, надо сказать, не менее способные, чем и сам Иванчук. В утешение Игорю предложили стать соискателем ученой степени. Пришлось соглашаться.

Вот это самое известие дома было встречено с поистине траурным настроением. Любимая теща, та поначалу упала в обморок, а потом, как с цепи сорвалась, а Наденька уже ждала ребенка...

Все в их медленно и вяло текущей жизни начало круто меняться с того самого момента, как приехавший на очередную, трудно уже сказать, какую по счету конференцию районного комсомола третий секретарь обкома партии Шестаков приметил скромного вида, но при этом крайне обворожительную девушку. Наденька понравилась ему с первого взгляда.

Александр Николаевич, к тому времени партийный функционер с весьма солидным стажем, особыми комплексами не страдал и сразу дал понять, кому следует из районного руководства, что имеет на Наденьку вполне определенные виды. Все незамедлительно передали ей самой.

– Мама, скажи, что делать? – дочь растерянно смотрела на Изольду Викторовну. – Меня приглашают на выходные в загородный домик. Без умысла у нас подарки не делают. Кого попало, туда не приглашают...

Предприимчивая мать долго не размышляла:

– Соглашайся, доченька, и не думай. Только поведи себя разумно. На шею не кидайся. Веди себя достойно. Выкажи перед ним свою гордость. Нет, не высокомерное чванство, а природную гордость, присущую очень порядочным людям. Надя, ты должна дать ему понять, что ты не девочка на одну ночь, а что ты согласна лишь на серьезные отношения.

Дочурка на столь открытое предложение искренне возмутилась:

– Мама, на что ты меня толкаешь? У меня есть муж!

– Подумаешь, – Изольда Викторовна презрительно скривила губы. – Достаточно того, что ты родила ему сына. Сам он ни на что не способен. Придется тебе самой взяться за устройство своей жизни. Учти, что такие шансы выпадают не каждый день. Сумеешь, девочка моя, зацепиться за него, глядишь, он вытащит нас из нашей дыры. Будь умна. Очаруй его...

Неискушенная Наденька понимала, в доводах матери присутствовала определенная логика. Где-то в тайниках души женщина и соглашалась, но совершенно не знала она, к чему может привести один неверный шаг.

– И что дальше? – в растерянности дочь беспомощно улыбнулась.

– Надька, ты что, совсем... того? – мать покрутила пальцем у виска. – Да у него в руках есть власть! Ему ничего не стоит квартиру для вас устроить. Работу твоему мужу подберет. Тебя при себе пристроит...

Заманчивая перспектива легонько кружила голову. И одновременно тяжкие сомнения копались внутри, как земляные черви:

– Легко у тебя, мама, на словах все получается.

– А ты сумей, сделай так, чтобы он уже не мыслил себя без тебя...

В камине сухо потрескивали березовые поленья, и шло благодатное тепло. На столе горели высокие восковые свечи в старинных серебряных канделябрах. Александр Николаевич водил рукой по шелковистой коже и с наслаждением вдыхал в себя нежный аромат молодого женского тела, столь живого, горячего, гибкого и послушного. Наденька не обманула его надежд. Оказалась именно той женщиной, какую он и хотел в ней найти. Умница и не жеманница. Прекрасно знает, что хочет от жизни.

Он быстро понял, что тут мимолетной интрижкой вовсе и не пахнет. Девушкой на одну ночь, на две Наденька не станет. Она хочет от него большего. А он, он сможет это ей дать. И он обещал ей свою дружбу и увидел, как вспыхнули, раскрылись ее глаза, как она взволнованно задышала и уже сама, сама потянулась навстречу его жаждущим губам.

Оторвавшись от благодатного и трепетного источника наслаждения, он положил ей руки на плечи, и женщина все поняла.

– Ваше условие? – она подняла на него свои ставшие послушными и покорно-преданными глаза. – В обмен на вашу....

– Зачем ты так, девочка? Зачем же тянуть в наши отношения грязь?

Наденька расстегнула блузку, зябко передернула плечами, скидывая ее с себя. Медленно закружилась на месте, томя ожиданием. Приподняла, завела назад руки. Щелкнула застежка, лифчик скользнул вниз, обнажая два восхитительных бугорка тугой груди с острыми упругими сосками.

Не удержавшись, мужчина прикоснулся к ним губами, и женщина вздрогнула, тихий стон вырвался из ее груди. И мужчина не вытерпел и затрепал, до того всколыхнул этот звук все у него там, внутри. По жилам побежал давно уже не испытываемый им огонь неудержимого желания.

Он снова ощутил себя сильным, чего давно за ним не наблюдалось. А Надя смогла всколыхнуть его, помогла ему в самый критический момент.

– Ничего, – она ласково проводила пальчиками по широкой спине, успокаивала его, панически задрожавшего. – Успокойся. Так бывает...

За окном засверкали застуженные звездочки, показался желтоватый диск. А им не было никакого дела до того, что творилось за пределами их небольшой комнаты в загородном домике для высокопоставленных охотников посреди охраняемого заповедника.

Потом они мылись в баньке. И снова она все сделала для того, чтобы он заново смог почувствовать себя на высоте. И за это он был ей просто безмерно благодарен. Они заключили между собой тайный союз...

Прошло полгода, и Игоря пригласили в Политехнический институт на кафедру общественных наук. И Иванчук, не раздумывая, согласился.

Словно случайно, освободилась, и ему предложили двухкомнатную квартиру в малосемейном общежитии. И все в течение какой-то недели.

Вот начиная с этого переезда, Виталик уже все помнил. В детской памяти хорошо запечатлелось, как грузили вещи на добытую с великим трудом, только через первого секретаря райкома, машину.

Тихо посмеиваясь, мальчик поглядывал на то, как его бабка Изольда старалась впихнуть в нее все, что было у них в доме, а мать потихоньку старье собирала, относила и выкидывала в мусорный контейнер за углом. Бабка тащила, а мамка выкидывала. Одна тащила, другая выкидывала.

Потом они долго тряслись на старенькой и разбитой «Победе» вслед за доверху набитым никому ненужным старьем ЗИЛ-157. Он нещадно пыхтел, натужно фыркал на маломальском подъеме, выпуская излишний воздух. Рядом с водителем, гордо выпрямившись, ехал его отец, указывал дорогу к своему новому дому, своему новому, как думалось ему, счастью.

Добрались. Отец с трудом нашел пару пьяниц, которые за бутылку согласились ему помочь. Старый шифоньер подъема на шестой этаж не выдержал и с грохотом сложился где-то между четвертым и пятым. Назад шкаф стаскивали по отдельным запчастям и прямым образом отправили на свалку, впрочем, где было место и почти всем остальным их вещам.

Отец уехал со студентами на ежегодную уборку урожая. Мать срочно засобиравшись в командировку. Виталик подслушал разговор на кухне.

– И где ты будешь жить? – шепотом спрашивала бабка Изольда.

До мальчишеских ушей долетел приглушенный голос матери:

– У него за городом есть служебная дача...

Со звоном упало, нож или вилка. Слышалась возня, передвигалась табуретка. Наверное, из-под стола бабка глухо и натужно спросила:

– А как же его жена?

Разглаживая ладонью скатерть, Наденька отрешенно произнесла:

– Она в Болгарии, отдыхает на Золотых Песках...

Завидущее бабкино шипенье понеслось по всему коридору:

– По за границам катаются. Может, и нам что от благ обломится...

Сердясь на свою мать за ее неумность, молодая женщина зашикала:

– А тебе что, все мало? Мебель, смотри, поменяли. А вам все мало!

– Квартирку бы, какую вам, Наденька, попримечнее.

– Ну, ты, мама, даешь! Все тебе сразу подавай! Он же тоже не дурак. Прекрасно понимает.

Если дать мне все кучей, я его сразу могу и кинуть.

– Дурой полной надо быть, чтобы мужика при должности кидать...

Еще один год прошел в непрерывных стычках, порой доходивших до драк, с местными аборигенами, в штывы встретившими Виталика из далекой провинции. Чертовы детишки, родители у которых сами недавно перебрались в крупный город из окрестных сел, считали себя городскими старожилами, коренными обитателями этого поистине осинового гнезда.

Но где ни живи, во что ни рядись, а сущность все равно прет наружу, и ничем ее не прикроешь. Сущность-то свою быдлечую и низкую...

Вот и отец его созрел, дописал свой научный опус про героическую борьбу партизан на территории области во время прошедшей войны. Купленный «черный» оппонент старательно обошел все острые углы. Не стал он говорить и о том, что, по сути, этого самого движения и в помине не было. Просто существовал свыше такой заказ именно на такую тему.

Через полгода отец стал профессором, даже получил вождеденную должность зама начальника кафедры. Приобрел солидное положение, и внешность папаши коренным образом изменилась. Небольшая борода украсила его серое лицо, придала ему необходимый вес. Мать к этому времени работала инструктором в обкоме комсомола.

Где-то перед самой-самой школой они переехали на другую квартиру в Центральном районе по улице Розы Люксембург. Старинный красивый дом. Просторные комнаты с высокими потолками.

И люди здесь жили совсем другие. Открытые, общительные, не чета нахальной деревне, понаехавшей в Одессу после войны. Местные пацаны встретили маленького Виталика, как своего. Старшие ребята взяли над ним шефство. Как только наступали долгожданные летние каникулы, дружная компания с самого утра веселой стайкой устремлялась на море.

Руками ловили в прибрежных скалах жирных и ленивых бычков. Сколько же было неподдельной радости у него, выросшего в степи, когда он сам впервые нащупал и вытащил из воды спрятавшуюся в камнях скользкую и извивающуюся коричнево-зеленую рыбешку. Вытащил и громко завизжал, высоко поднимая, показывая свою первую добычу.

Потом рыбу тащили на Привоз, за копейки сдавали толстой и жирной перекупщице бабе Мане. На вырученные деньги старшие покупали себе вино и папиросы. Возвращались пацаны в свой квартал, усаживались на задворках. И тогда уже с важным видом покуривали, кольцами пускали дым и учили, учили пузатую мелочь премудростям жизни.

Заводилой всей дружной компании был Костик. Он вечно мурлыкал и напевал: «Шаланды полные кефали наш Костя с моря приводил...».

Не по годам сообразительный Виталик приглянулся Костику. Вожак приблизил смышленного пацаненка к себе. Холодными зимними вечерами потомственный картежник и воришка приводил Виталика к себе домой и там детально обучал любознательного шкета обеим своим профессиям.

Костик учил мальчика азам. Показал, как тырить мелочь по карманам в набитых трамваях, и потихоньку поигрывал с ним уже «на интерес». Брал с него, можно так сказать, своеобразную плату за обучение.

И Виталик, проигрывая, расплачивался, вытягивая денежки то из кармана, живущей с ними бабки, то брал их из отцовского портмоне. Иногда мальчишка крал нужную сумму из сумочки матери.

Но чаще всего потихоньку вытягивал мелочь из кошелька прислуги Клавки, которая, бедная, все никак не могла свести концы с концами, отчитываясь перед хозяйкой за свои походы за покупками. Сидела она сиднем и плакала по вечерам, ничего не понимая и греша на рыночных воришек, которые снова умудрились вытянуть у нее трешку...

Целыми днями его родители отсутствовали на работе, возвращались домой поздно. Отец частенько уезжал в свои плановые командировки на поиски следов борьбы местного населения с ненавистными немецкими захватчиками. Папаша всерьез приступил к написанию докторской диссертации. С важным видом рассуждал об ее актуальности...

У них в доме неизменно появлялся солидный, довольно пожилой, но представительный мужчина. В тот день мать совала Виталику в руки рубчик-два и разрешала исчезнуть на весь вечер и даже переночевать у кого-то из своих дружков. Бабка отправлялась к одной из знакомых...

Мальчик учился уже в пятом классе и как-то сбежал с уроков, чтобы не писать контрольную работу по математике. Страх, как и до чего же не любил он это самое дело, уравнения и вычисления. Открыл пацан и быстро юркнул в дверь, пока его не засекла Клавка и не задала трепки.

А девки дома не было. Видно, у нее выходной. Облегченно вздохнув, Виталик успокоился, взял книжку и устроился в отцовском кабинете. Интересное чтение. Одни «Любовники леди Чаттерлей» чего стоили...

Тихо-тихо щелкнул замок на входной двери, и тут он насторожился. В коридоре слышались негромкие голоса. Один голос, женский, явно принадлежал маме, а второй, как он дога-

дался, Александру Николаевичу. Виталик на цыпочках пробрался и забился в уголок за диваном.

Тихий разговор переместился на кухню, а потом плавно перетек в спальню. Любопытному не по годам мальчику стало интересно, и он выбрался из своего укрытия. Неплотно прикрытая дверь привлекла его внимание. Он всунулся в щелочку одним глазком и замер.

Повсюду разбросанная валялась одежда. Мать, всегда до педантизма аккуратная, криком требовала от неряшливого отца, чтобы тот тщательно развешивал все свои вещи, чтобы ни одна складка не появилась. А тут! Почему же в полном беспорядке разбросаны ее вещи? Выходит, можно говорить одно, а самой творить вовсе другое? Интересно-интересно...

Совершенно голая, мать лежала на постели, а над ней натужно сопел дядька. Голый мужик монотонно двигался, женщина, громко и протяжно постанывая, раскинулась под ним. Раскиданные в сторону руки, пальцы судорожно сжимались. И вся она была, как одна натянутая струна, вся во власти охватившего их плотского чувства. Видно, ей оно нравится.

Совсем не то, что с мужем. Время от времени Игорь требовал своего, и она с большой неохотой, скрепя сердце, соглашалась, уступала ему.

Быстро-быстро: он, исполнив свой супружеский долг, а она – свою обязанность, они лениво откатывались друг от друга. Не получив при этом желанного удовольствия. Впрочем, ей оно и не требовалось.

Конечно, Виталик к этому времени кое о чем уже догадывался. Во многом его просветил дружок и наставник Костик. Поэтому увиденное откровением для него не стало. Лицеизреп он как-то нечто подобное в их подвале, когда взрослые ребята затащили туда девчонку. Юноша не вскрикнул и тихо, затаив дыхание, досмотрел. Внутри что-то сладко заныло, когда мать застонала и выкрикнула гортанное и несвязное...

Скрежет вставляемого в замочную скважину ключа заставил пацана очнуться, отпрянуть от двери и поспешить укрыться в своем убежище. Хорошо, что он успел захватить окончание фильма. А было бы обидно...

Не сумев открыть замок, в дверь раздраженно позвонили.

– Это Игорь! – женщина в испуге прикрыла глаза.

– Он же у тебя, Наденька, в командировке, – мужчина недовольно поморщился и потянулся рукой к одежде. – Чего всполошилась? Может, прислуга ломится. Или сын из школы вернулся, уроки отменили...

– Нет, Виталька звонит по-другому. А Клавке я дала отгул...

– Может, кто-то ошибся, – Александр Николаевич пожал плечами, предусмотрительно накидывая на себя рубашку.

Снова настойчиво позвонили. У Нади сомнений не оставалось.

– Это он. Что делать? – вскакивая с широкой супружеской кровати, перепуганная, всполошенная хозяйка торопливо набросила на себя халат.

– Это, Наденька, сугубо ваши семейные проблемы. Ты меня сюда не впутывай, – мужчина, не торопясь, повязывал галстук. – Иди, открывай. А то он сейчас дверь начнет выламывать. Соседи на шум сбегутся...

Поправив прическу, Надя пошла. Щелкнул замок, на пороге возник муж с написанными на лице недоумением и искренним непониманием.

– Игорь, это совсем не то, о чем ты подумал, – ничего, кроме избитой фразы, где-то услышанной в кино, в голову женщине так и не пришло. – Александр Николаевич заехал обсудить кое-какие вопросы по поводу...

– В нашей постели, – обманутый муж в два шага достиг спальни.

Смятое постельное белье и приплюснутые подушки сами говорили за то, чем тут занимались. В его отсутствие. Пока он все бегаёт по полям, отыскивая ржавые осколки, выслуши-

вая бредни выживших из ума дедов и старушек, оставшихся в живых свидетелей давно прошедшей войны.

– Дрянь! – рука оскорбленного занеслась для звонкой пощечины.

Сзади обиженно хлопнула входная дверь. Как истинный джентльмен, гость ушел по-английски, не попрощавшись, оставив их вдвоем выяснять вмиг осложнившиеся отношения. Не царское дело в навозе ковыряться.

– Дрянь! – карающая десница опустилась, и звук хлесткой оплеухи, дребезжа, поплыл по всей квартире.

– Я... дрянь? – испытав на себе праведный гнев мужа, женщина отшатнулась, уперлась в стенку, в ее глазах зажегся яростный огонь. – А ты, ты не дрянь? Ты... ты об этом ничего не знал и даже не догадывался?

– Не знал, – в голосе Игоря не осталось прежней уверенности.

– Он не знал! Думаешь, тебя, заштатного учителя, за красивые глазки пригласили в престижный институт? Дали жилье, а люди годами ждут его? Ты об этом не задумывался? Ты... ты смог бы сам защитить свою работу? Твою никчемную писанину о том, чего никогда не было. Тебе дали заказ в угоду времени, и ты его выполнил. Ты прекрасно обо всем знал и молчал. Тебе, мой дорогой Игорек, было удобно. А потому-то ты и закрывал на все глаза, охотно и старательно надевал на нос розовые очки.

– Я ничего не знал... – тупо твердил мужчина, выставя перед собой несуществующий щит обиженной невинности.

– Ты делал вид, что ничего не знал. А теперь знаешь. Но учти, если ты еще раз мне скажешь, то... – пылающий женский взгляд, полный ненависти и презрения, в один миг разбил в дребезги все его бастионы.

Муж поднял на нее глаза, полные невысказанной муки, позора и собственного бессилия. Несколькоими фразами его низвергли с высоты положения, на котором он удобно устроился в собственном мнении, в глубине души приписывая все свои успехи своим способностям. На что-то он и прикрывал глаза, почитая это за ничего не значащий флирт.

– Здесь ты жить не останешься. Квартира моя. Я ее получила. Теперь ты знаешь. В институте тебя терпят исключительно благодаря поддержке со стороны Шестакова. Выбирай. Или развод, или мы с тобой отныне делаем вид, что ничего между нами не произошло. Но ты, мой дружок, предоставляешь мне полную свободу и ни во что не вмешиваешься...

Вокруг рушился мир, еще несколько минут назад казавшийся таким весь удобно обустроенным и незыблемым. Часто-часто моргая, мужчина протянул вперед руки в надежде решить все миром, невнятно мямлил.

– А теперь ты убирайся! – брезгливо поджимая свои наполненные презрением губы, женщина вытянула решительную руку в сторону двери.

– Куда? – затряслись губы, потерянный взгляд метнулся по коридору.

– Куда хочешь, – Надя безразлично пожала гордо распрявленными плечами. – Ты еще два дня должен находиться в своей командировке. И порядочные и хорошо воспитанные люди сами заранее предупреждают об изменившихся обстоятельствах, чтобы не попасть в нежелательное и крайне неловкое положение. Через два дня придешь и дашь мне ответ. Ключи свои пока положи на стол. Может, они тебе больше не пригодятся.

Униженный и раздавленный, Игорь тихо канючил, унижался...

– Что тебе еще? – тонкие женские губы нервно искривились. – Ты что-то не понял? Повторить?

– Я... я, Наденька, согласен на все, на все, – сломленный муж упал перед женщиной на колени. – Только не прогоняй меня...

С той самой поры ложь и лицемерие поселились в их доме. На словах родители говорили одно, а сами делали совсем другое. Мальчик, как губкой, впитывал в себя всю окружающую его атмосферу ханжества и притворства. Отец на лекциях проповедовал перед своими студентами одно, а дома сам же над всем этим едко посмеивался. На зачетах и экзаменах он строго карал за незнание истории КПСС, а сидя за своим рабочим столом, цинично хаял всю окружающую их действительность.

Быстро осмыслил Виталик, что люди делятся на разные категории. Понял, что с такими, как их домашняя прислуга, как Клава, можно особо не церемониться. Это люди второго сорта. И поступать с ними можно в соответствии с этим. С ними можно особо не считаться, на них можно кричать, срывать на них все накопившееся раздражение, вымещать свою злобу. И ничего за это не будет. Эти люди все стерпят. Смиренно утрутся они и пойдут дальше, молчаливо склонив свои покорные головы.

Однажды мать популярно объяснила ему, что, да, есть девочки, с которыми можно гулять, позволить себе с ними многое, но на которых никогда и ни при каких обстоятельствах не женятся.

Для этой цели существует девушки из их высшего общества. С ними себя следует вести в соответствии с их положением. Не грубить им, не хамить. Но если они сами этого хотят, то, извольте, почему бы и нет.

А мальчик-то подрастал, и мать на его шестнадцатилетие привела в дом женщину, преподавшую Виталику необходимые уроки, практически восполнив пробелы в его половом воспитании. Для полного закрепления пройденного материала она приходила к ним еще несколько раз...

К этому времени он покуривал, попивал винцо на деньги, которые дворовая ватажка себе добывала, выходя на промысел и ловко шаря по карманам в переполненных вагонах трамвая в часы пик.

Не прошли даром уроки, преподанные Виталику старшим дружкой. Тот, правда, пошел уже на вторую свою отсидку. Костик попался на том, что подрезал сумочку у одной стильно одетой дамочки. Фря оказалась подружкой крутого начальника. И местная братва сдала своего человечка в обмен на то, чтобы от нее отстали и не мешали ее промыслу.

Виталик приглядывался и плотоядно облизывался на дочку прислуги Клавки, которую знал с самого детства. И росли они, когда были еще маленькие, как братик и сестренка. Мать девочки всегда брала дочку с собой, и та могла целыми днями находиться в квартире Иванчуков.

Простодушная Клавка, не задумываясь, загоняла детишек в ванную, когда те чумазые, грязные и перемазанные возвращались с улицы.

Бывало, что и спали детки в одной узкой кровати. Когда родители мальчика разъезжались по своим командировкам, Клавка у них ночевала. Дети баловались, шумно шалили, играли «в доктора и больного». Всем известные шалости. Вместе росли и нисколько друг друга не стеснялись.

Частенько Виталик сам ходил в гости к подростке Леночке, когда та, начала отчего-то избегать его родителей и перестала у них появляться.

Понимала, что не ровня она им всем, Иванчукам. А вот мальчика она никогда и нисколько не стеснялась. И с ним одним соглашалась ходить купаться на море, ночью, совсем голышом. Страшно и дико романтично. Девочка всерьез считала его своим парнем. Наивно полагала она, что когда вырастет, то обязательно выйдет за него замуж. Поэтому Лена могла позволить ему делать с собой все, что только он ни пожелает.

Виталик чувствовал это и понимал, когда взасос целовал ее, когда его рука крепко сжимала юную и нежную грудь, когда целовал напрягшиеся соски. Рука его бродила по девичьему

телу, не зная никакого стеснения. А Леночка прикрывала глаза, покусывала губы и тяжело дышала.

Она ждала. Но что-то парня все сдерживало и не давало сделать ему один последний оставшийся шаг. Познавший к тому времени женщину и даже не одну, он никак не мог переступить черту. В нем еще боролись остатки того хорошего, что вместе с генами от рождения было заложено в нем, но со временем методично вымывалось под прямым воздействием получаемого им от матери и от бабушки, во дворе и в школе воспитания.

Он помнил слова матери о том, что такие, как Леночка, в невестки ей не годятся. И никогда мать не примирится с тем, что он когда-нибудь женится на нищей девочке. Может, именно это и останавливало его от самого последнего шага. Может, он тогда еще не хотел, одним махом сорвав этот чудный цветок, поломать ей всю дальнейшую судьбу.

А она этого не понимала и сама торопила, летела навстречу своей судьбе. Лена все больше и больше недоумевала. Ну, почему ее Виталик все не хочет воспользоваться щедрым даром, который она совершенно бескорыстно готова ему преподнести, хоть прямо сейчас и здесь...

Но время неумолимо шло, приближало к неминуемой развязке, и с каждым разом останавливаться было все труднее и трудней. И вот случилось то, что обязательно должно было случиться. Родители с утра уехали на дачу, и Виталик в тот день бездумно затащил смущенную девушку, несмотря на все ее кажущиеся слабые протесты, к себе домой.

Как обычно скинули одежды и устроились в его узкой кровати. Две юные упругие груди нависли перед его лицом, дразня и возбуждая его. Они оба тяжело дышали, и тогда Леночка, решившись, потянула парня на себя. Сами собой согнулись в коленях и раздвинулись ее ноги. Зов дикой природы двигал ею, отбросил в сторону все сдерживающие условности.

Самка сама осознанно поманила самца, почувствовав, что полностью созрела для этого шага. Сама обхватила и направила парня, раздвигая узкие хрящики. Мгновенная острая боль пронзила все тело и тут же пропала, ушла в сторону. Осталась одна сладкая мука.

Сладкая и тягостная мука, выворачивающая все внутренности и жилы. Она столько ждала этого момента и была готова. И тело ее было готово. Вспышка и взрыв не испытанных дотолле эмоций...

Они убегали с уроков. Чувственное наслаждение захватило их обоих, и они стремились снова и снова испытать это упоительное чувство.

Но пришло неотвратимое, и случилось неизбежное. Как-то Леночку затошнило, потом снова. День за днем. Труднее всего было скрыть свое болезнетворное состояние от матери. А Виталику она вообще ничего не говорила и не показывала, что с ней творится что-то неладное...

Спустя годы, Лена поняла, что сама загнала себя в жизненный тупик. Тем, что вовремя не открылась своей матери. Тем, что твердо не настояла на немедленной свадьбе. Впрочем, о свадьбе в те дни речи и не шло.

А Клава опомнилась, до нее дошло тогда, когда увидела, как дочка стоит перед зеркалом и разглядывает свой выпирающий живот.

– Кто, кто отец? – только и хватило у нее сил на то, чтобы спросить.

Считая, что ей нечего скрывать, девушка простодушно открылась.

– Вот дура! У-у-у! – мать села камнем на пол, покачивая головой, противно завывала, уткнулась лицом в свои ладони. – Что же ты наделала!

Любовно оглаживая животик, Лена поспешила успокоить ее:

– Мама, мы поженимся. Вот... школу окончу...

– Поженитесь? Он тебе обещал? – бесцельно бегающие сумрачные материнские глаза замерли, ожидая неминуемого приговора судьбы.

Бедная женщина испустила тяжелый вздох. Нет, он не обещал. Иного ответа она и не ждала. Чтобы Иванчуки и породнились с ними?! Скорее небо обрушится на землю, чем этакое событие произойдет.

– О ребенке он знает? – подозрительно косясь на дочь, спросила она.

– Нет...

– Ох, дура! Какой срок? – тяжело вставая, запричитала Клава.

– Пятый месяц пошел.

– Пропали мы! Пропали! – мать рухнула на пол. – Что ты, доченька-то, наделала? Сама себя погубила! Куда мы пойдем с таким сроком? Кто же сможет помочь в беде? К кому пойти, с кем поделиться бедой...

Виталик неопределенно пожал плечами. Правду сказать, застарелая связь к этому времени стала его тяготить. Слишком уж разными людьми они оказались, по-разному смотрели на жизнь. Ему с Леной даже не о чем было поговорить. Ни одного общего интереса. Он пришел домой и рассказал матери о возникшей проблеме.

Надя постучала его по открытому лбу:

– Я тебя, дорогой мой сын, предупреждала, чтобы был поосторожнее в выборе. Но... да ладно. Я найду, чем заткнуть им всем рот!

И сын в этом был с ней солидарен, чужие вовсе люди, единственно...

– А как же быть с ребенком? – осторожно спросил он.

– А что тебе ребенок? – мать махнула рукой. – Пусть себе растет. Со временем сам определишься с тем, нужен он тебе или нет...

Мать провела воспитательную беседу со своей прислугой. А Клава, в свою очередь, объяснила все своей дочери. Возникший инцидент был исчерпан. Скандал не возник. Слух был задушен в самом зародыше. По-прежнему молчаливая Клава приходила и убиралась у них в доме. Только почти не улыбалась и в сторону Виталика старалась она не смотреть.

Все десятиклассники сдавали выпускные экзамены, а Леночка лежала в больничной палате и, глотая горькие слезы, крепко прижимала к себе красный кричащий комочек, только что родившуюся дочурку, желанную и уже любимую, отца у которой не стало задолго до ее появления на свет.

Пешком и на руках Лена принесла гугукающий и попискивающий сверток домой, положила его на свою кровать и расплакалась. Детство и юность у нее закончились одновременно. А впереди ее ждала тяжелая и суровая взрослая жизнь, полная невзгод и лишений...

V

К зданию подъехали зеленоватый Уазик и серо-голубой ГАЗ-53. Из армейского вездехода вышел солидный мужчина. Навстречу выбежал военный комендант гарнизона. «Воронки» загнали во внутренний двор комендатуры. Поставили его впритирку у самого крыльца гауптвахты.

У противоположного бордюра возле типового гастронома крадучись припарковалась темно-вишневая «шестерка». Водитель надвинул на глаза кепку и откинул голову назад. Сделал вид, что он спит. Давно, наверное, уже спит. Сосед его справа взял в руки растрепанный дешевый журнал, раскрыл посередине и уткнулся в него своим взглядом.

На гауптвахте срочно появился начальник караула с большой связкой ключей. Сколько камер, столько на ней и ключей. На каждой двери свой замок. Выводной подскочил и открыл нужную камеру. Никто не кричит: «Руки за спину!», «К стене!» Хотя и тюрьма, но тюрьма военная. И здесь свои особые порядки, и отношение совсем другое. И в роли тюремщиков выступают курсанты военных училищ и обычные солдаты из линейных частей. Они заступают на сутки. Сменяют друг друга.

Одного вслед за другим Филимонова и Бойко завели в камеру для допросов. Через минуту появился следователь. «Важняк» сразу взял быка за рога, снова предложил им подписать все бумаги. В противном случае их ждет СИЗО. И машина за ними уже пришла, ждет их во дворе.

– Даю вам, ребята, на размышление пять минут, – самодовольный и самоуверенный высокопоставленный прокурорский начальник небрежно кинул на стол пачку сигарет. – Угощайтесь.

– Нам чужого не надо, – угрюмо произнес Олег.

А Бойко попросту сделал вид, что он не расслышал.

– Некурящие или? – прищурился «важняк» из столицы.

– Свои имеются, – Филимонов достал из кармана пачку, переданную ему Малаховым, показал, что за один табачок они не продаются.

– Курево в камере? Нарушение режима? – мохнатая бровь у следака угрожающе зависла. – Я вынужден буду сообщить вашему коменданту. И вот тогда вы, голубчики, совсем по-другому запоете.

– Извините, гражданин начальничек, – язвительно начал Бойко. – Пока нам не предъявлено обвинение, мы не подследственные. Содержать нас в таком случае положено в камере в офицерском отделении. Мы сами напишем жалобу нашему Прокурору. Нас держат тут незаконно.

– Оставьте это, ребята, – следователь махнул рукой. – Подписывайте, и мы вас выпускаем. Мера пресечения вам в виде подписки о невыезде. Свобода, никаких камерных стен, вонючей баланды...

Под воздействием заманчивой перспективы, до такой степени ярко нарисованной киевским следователем, Бойко потянулся к ручке.

– Миша, не надо, – Филимонов покачал головой. – Не делай этого.

– Почему? Через час мы будем дома...

– Как только ты подпишешь, они тебя никуда не выпустят. Им только это и надо. И следствия никакого не будет...

– Как не будет? – Бойко недоуменно захлопал белесыми ресничками.

– Не будет, Миша, – кривя губы, Филимонов с обреченностью качнул головой. – Влепят они нам срок по самой полной программе, закроют нас надолго и упрячут подальше. Если мы

вообще еще с тобой до этого суда доживем. В нашем положении это было бы просто наилучшим исходом.

– Как это, – Бойко весь побледнел, – почему?

– Потому что мы живыми им не нужны. Будем только мешать. Все, – Олег хлопнул ладонью по столу, – разговор окончен. Пока тут не будет представителя военной прокуратуры, мы ничего подписывать не будем.

Еще не веря в то, вернее, не желая верить в то, что жертва сорвалась с крючка, «важняк» хищно прищурился:

– Это ваше последнее слово?

– Последнее... – тихо, но твердо ответил Филимонов.

И вот тут киевский гость всю мощь своего убеждения направил на Михаила, определив в нем самое слабое звено:

– А вы, Бойко, что молчите? Вы не слушайте его. У вас же есть свой ум. Подписывайте и идите себе домой. А этот отправится в СИЗО...

Растерянные глаза сомневающегося человека суматошно забегали по всей комнате, потом остановились на спокойно сидящем Филимонове. И, словно почерпнув в своем товарище по свалившемуся на них несчастью столь необходимую уверенность, Бойко вздрагивающим голосом заявил:

– Пока не будет нашего человека, я разговаривать отказываюсь.

Приняв решение, он обхватил голову ладонями, с силой нажал пальцами на лоб, давя тяжелейшую взрывную боль в мозговой коробке.

– Тем хуже для вас, – «важняк» нажал на кнопку вызова.

В дверях возник прапорщик с темно-красными петлицами.

– Загружайте в машину, – следователь небрежно кивнул в сторону Филимонова и Бойко. – Они пожалеют о том, что упустили свой шанс...

– Руки! – рявкнул откормленный прапор-вертухай и набросил железные «браслеты» на кисти офицеров, теперь, наверное, бывших.

– Но ты! Поосторожнее, – возмутился Бойко. – Какие-никакие, но мы офицеры, по крайней мере, до решения суда, каким бы оно и ни стало.

– На выход! Молчать! – пудовый кулак опустил на спину Бойко. – Я тебя научу, как Родину любить, мразь! Хорошего человека порешили.

– Сам ты, мразь, – огрызнулся майор. – На себя посмотри. Погоны еще носишь. Выродок рода человеческого...

– Молчать! – изрыгнул из себя прапор.

Мгновенный удар справа сбил Бойко с ног, и он рухнул на каменный пол, как подкошенный сноп, ударившись головой о противоположную стенку, скользнул по ее щербатым выступам, оставляя на ее неровной темно-зеленой поверхности непонятного цвета окровавленный след.

– Ну, ты, братец, того... полегче, – мягко пожурил следак. – Это пока еще не ваша территория. Случись что...

– Через десять шагов будут на моей площадке, – прапорщик рывком приподнял обмякшее тело и подтолкнул его вперед.

Безмолвный часовой открыл железную решетчатую дверь.

Сана вышла на улицу, глотнула свежего воздуха и вздохнула. Мысли у нее совершенно путались. Как-то не очень услышанное ею вязалось с созданным средствами массовой информации светлым обликом народного борца за справедливость, кристально честного человека.

Не зря Малахов неласково назвал погибшего журналиста Свистком. Нечистоплотность, хитрость, коварство, тяга к азартным играм и...

Живя рядом с Малаховым, она отвыкла от мысли о том, что где-то с радостью могут шагать и горе, и беда. За своим счастьем она совершенно перестала видеть других, ощущать их боль. Но тем дороже ей должно стать все то, чем смог окружить ее Малахов, и что она вскоре, быстро привыкнув, воспринимает как нечто должное, само собой разумеющееся.

Достав телефон, Оксана нажала на кнопку вызова.

– Что, мое Солнышко? – почти сразу отозвалась трубка, словно на том конце муж только и ждал ее звонка.

– Малахов, ты где? – как обычно немногословно спросила она.

– А что? – как всегда очень коротко ответил муж.

– Кушать хочется... – нежно промурлыкала она.

– Жди. Я тут рядом... – дисплей телефона погас.

– Малахов, ты чудо! – кинула она вдогонку, пряча свой аппарат.

И зачем ей машина? Когда ее муж всегда где-то рядом. Одни лишь хлопоты с ней. Да и желания водить самой у Саны почему-то совсем не наблюдалось. Ехать за рулем, мучиться, напрягаться, переживать за то, что куда-то въедешь, не так свернешь. А тут, чего уж проще? Плюхнулся на мягкое сиденье, подставил щечку для обязательного поцелуя и можно на время поездки расслабиться и ни о чем уже не думать.

Серебристая машина показалась из-за поворота, и она помахала ручкой, тем самым привлекая внимание водителя.

– Куда мы едем? – поинтересовалась Оксана.

– Кушать, – очень даже развернутый ответ получила она.

– А точнее? – прикрывая глаза, с улыбкой спросила женщина.

– Домой, – коротко кинул мужчина, косясь в ее сторону.

– Но дома у нас ничего не готово, – приоткрыв один озорной глазок, она дотронулась до плеча мужа.

– В таком случае я съем тебя! – заявил супруг.

– Что ж, – Оксана склонила повинную голову, – это закономерный итог жизни нерадивой жены, даже не удосужившейся приготовить обед своему дорогому, единственному и любимому мужу. Я готова...

Захватывающая игра двух любящих друг друга супругов началась.

– Приятно слышать. Приехали. Может, отнести тебя на руках? – Малахов, спрятав усмешку, закинул удочку с аппетитной наживкой.

– А что, слабо? – кто-то с лету, не глядя, проглотил приманку.

Впрочем, это органично входило в правила самой игры.

– Легко! Только ты знаешь, чем оно обычно заканчивается? – в черных глазах-омутах задержались-заплясали веселые бесенята.

– Малахов, да я с этим давно смирилась, – лукавая улыбка пробежала по ее губам. – Ну, кто тут хвастался, что...

Через полчаса Сана с охотой поглощала котлеты по-киевски, разогретые в микроволновой печи. Прожевав, супруга хмыкнула:

– Малахов, только ты мне не говори, что ты их сам готовил...

В это она ни за что не поверит! Много талантов у ее мужа, но в области гастрономии... с этим делом у него обстоит похуже.

– Нет, мое Солнышко, – Жека не стал брать греха на душу и честно признался. – Я заказал в ресторане. Там, радость моя, неплохо готовят. Не хуже, к слову сказать, чем некоторые, ныне присутствующие.

– Ха! – женщина без труда уловила его скрытый намек. – Мы бы могли их и там поесть и с не меньшим удовольствием. Не надо было бы их в печке разогревать.

Из согласных уст мужа изреклось вполне философское замечание:

– Но там, Солнышко, нет потрясающей постели, как у нас.

– Ах, вон оно что! Я так и знала, что...

Оксана не успела досказать. Заиграла мелодия телефонного звонка.

– Сана, твой. Иди-иди, беги, – муж, усмехнувшись, подцепил вилкой листик салатика. – Твой Сашка объявился. Может, зря я ему телефончик дал? Теперь начнут беспокоить по поводу и без того и днем, и ночью.

– Ксана! – громко-громко разнесся взволнованный голос Смирнова. – Тебя разыскивает Ковальчук. Рвет шеф и мечет!

Представив себе кабинет начальника 2-го следственного отдела, женщина неуютно поежилась. Зрелище, надо сказать, не особо приятное.

– Саша, что случилось? – с замиранием в сердце спросила она.

– Нас шеф обоих срочно вызывает к себе. Зачем, я не знаю...

На том конце замолчали, и в комнате повисла мертвая тишина.

– Через сколько я появлюсь? – Оксана подняла вопрошающие глаза на своего ухмыляющегося мужа, которого ситуация лишь забавляла.

– Через пятнадцать минут, – шепнул Малахов.

– Через пятнадцать минут, – повторила она в трубку. – А почему? Я могла бы и быстрее добраться... Раз начальство в жутко разгоряченных чувствах. Не стоило дразнить тигра палкой, зайдя в его клетку.

– Второй раз, Сана, разогреть для тебя котлеты я не собираюсь, – невозмутимо ковыряясь вилкой, произнес муж. – Садись, доедай.

– Ты, черт, в такие моменты способен думать о еде? – неподдельно возмутилась она поведением мужа. – «Садись, доедай!». Какой же ты все-таки раб своего желудка! Никакой сознательности, сплошной эгоизм!

– Сана, – муж остановил на ней свой взгляд, – начальству однобоко, без разницы, если оно ждет, придешь ты к нему на пять минут раньше или позже. А раз оно к себе вызывает, то дело серьезное. Поэтому сиди и ешь, ибо неизвестно, когда ты сможешь заправиться в следующий раз. На сытый желудок, моя радость, любые разносы переносятся намного легче. А на голодный желудок тяжело! И совесть в такие минуты грызет с особой изощренностью, и уверенность в себе куда-то трусливо сбегает.

– Это ты знаешь по себе? Богатый жизненный опыт. Да?

– Да, только так и никак не иначе... – подтвердил Жека.

В свое время он на начальственном ковре по несколько раз за день бывал, привык ко всему. Хотя, как можно привыкнуть к дерьму...

– Кушай-кушай, моя радость. Кушай и никого не слушай...

Привыкнуть к унижающим достоинство разносам у них приличному человеку тяжело, но каким-то образом сделать все ж их последствия менее воспринимаемыми – это возможно и даже нужно.

Большой начальник с высоко поднятой головой, осознавая всю свою горделивую важность, не торопясь, вышел через главный вход. Гости провожали угодливо любезничающий комендант, дежурный по караулам.

– В городскую прокуратуру! – приказал он водителю.

Порученное ему дело следак выполнил, вырвал из рук военных двух подозреваемых. Выбить из них подтвердительные показания будет делом техники. Он даже и не знал, что и его кое-кто использует «втемную».

Тюремный «воронок» или, как его по-другому называли, «автозак» выехал из первых ворот, прошел через вторые. Прокатился еще метров десять, встал перед длинной вереницей спешащих машин, выпущенных светофором на ближайшем слева от них уличном перекрестке.

– Как поедem, товарищ прапорщик? – водитель глянул на старшего машины. – Через 5-ую Станцию махнем?

Поморщившись, прапор отрицательно качнул головой:

– Нет, проулками проедem. Там нет пробок и namного короче.

– Налево, так налево! – солдатик начал выворачивать руль, им, что наступать – бежать, что отступать – бежать. – Повернем на Сегедской?

Лишь на неуловимый миг прапорщик призадумался:

– Нет, давай прямо, свернешь направо на Чапаевской дивизии.

– Там одностороннее движение... – водитель озадаченно моргнул.

– Ничего, мигалку свою включишь. На кой хрен она стоит?

Водитель «шестерки», будто он минуту назад сладко не спал, выждал и крадучись тронулся следом. Через одну машину пристроился сзади.

– Жора, – пассажир забеспокоился. – Они поехали прямо. Если мы пойдem за ними по Чапаевской, они сразу поймут. А в объезд через 2-ую Фонтана мы не успеem. Уйдут волкодавы тюремные, уйдут!

– Не свисти, Малыш... – водитель «шестерки» внимательно смотрел за впереди идущей машиной. Я говорил, чтобы ты изучал прилегающую территорию. Проскочим мы вдоль трамвайных путей мимо телестудии и свернем на 3-ей Станции. И никуда ушлые вертухаи от нас не уйдут.

– Там крутой съезд. Ненароком можно застрять, тачку покалечить.

– Машину долбанную жалко? Боишься, что растрясет твой желудок?

Распугивая идущий навстречу плотный поток, автофургон промчался вдоль трамвайных путей и свернул в Артиллерийский переулoк. А там...

– Писец! – не скрывая рвущегося наружу раздражения, недовольно проворчал боец, уткнувшись в стоящую впереди большегрузную фуру.

А ведь он сразу так думал, хотя и промолчал. Боров-прапор тут редко бывает, а он здесь ездит часто. Сколько раз тут бывало, что грузовики, принадлежавшие местной конторе, перегораживали весь проезд.

Полоса встречного движения, видать, уже с самого утра была занята длинной чередой беспорядочно припаркованных машин, должно быть, оставленных сотрудниками рядом расположенной фирмы. Сзади их вмиг наглым образом приперла темно-вишневая «шестерка».

– Оп-па! – Жора мгновенно оценил обстановку и сориентировался. – То, что доктор прописал! Есть что-то наверху. Вперед, Малыш, вперед!

Чертыхаясь, водитель внезапно попавшего в ловушку «воронка» быстро-быстро опустил боковое стекло и высунул руку, подавая сигнал легковушке, чтобы та отъехала немного назад и освободила проезд.

Но, видно, его превратно поняли. Дверцы «шестерки» раскрылись, и два бугая вприпрыжку поскакали на разборки. Боец поежился. Попали они в переплет. Единственное, о чем он успел напоследок подумать.

Все остальное заняло какие-то секунды. Не больше. Пробегая справа по борту, Малыш вставил в боковую дверь съемную ручку и на ходу провернул ее. В вытягиваемой руке Жоры, подбежавшего к кабине слева, показалось черное длинное вороненое дуло пистолета ТТ с глушителем.

Негромкий щелчок, и растерявшийся прапорщик краем глаза увидел, как водитель неловко подался вперед и расплылся на рулевом колесе. Рука лихорадочно пыталась выдернуть табельный «Макаров» из кобуры.

Но одно дело, безнаказанно махать своими пудовыми кулаками перед носом беззащитного заключенного, и совсем другое, когда оно доходит до необходимости применения оружия в экстремальной ситуации.

Усмехнувшись, Жора навел пистолет на трусливо замешкавшегося охранника. Реакция у взмокшего прапора мгновенно сработала, желание выжить толкнуло вниз, и он рыбкой ловко нырнул под второй выстрел, направленный ему в голову, прикрылся неподвижным телом навечно притихшего водителя, надежно спрятался за ним. Пропущенную им пулю поймал на себя Малыш и стал медленно оседать на серо-грязный асфальт.

– Жора, как же это? За что? – изумленная улыбка застыла на губах напарника. – Мы с тобой на это не договаривались...

– Прости меня, Малыш, я не хотел. Но, видно, так твои звезды легли.

Табельный ПМ охранника высвободился, дрожащая рука вытянулась в сторону хладнокровного убийцы. Прапор получил фору, но до конца воспользоваться ею не смог. На три выстрела он успел ответить одним, последним в своей жизни. Произведи он свой выстрел чуть раньше, то...

Два узника непонимающе крутили своими головами во все стороны, пытаясь понять происходящее вокруг них. Затянувшаяся стоянка в узком проулке рядом с училищным забором. Беготня, крики, шум, ругань. Натренированный слух четко уловил три глухих щелчка и один гулкий.

Бойко ткнул дверь ногой, и она вдруг легко распахнулась. Не думая, Филимонов толкнул товарища к выходу и выпрыгнул за ним. Казалось, никто вокруг ничего так и не заметил. Пятясь назад, они бочком-бочком проскользнули между фурой и припаркованными машинами.

Позади них оставались четыре трупа, верная возможность попасть в СИЗО и быть задушенными в тесной камере или повешенными на неизвестно откуда взявшемся шнурке. А впереди замаячила свобода...

Одним броском, дождавшись зеленого света, беглецы проскочили скоростную трассу, смешавшись в общей толпе вечно куда-то спешащих пешеходов. Проезжая часть была довольно широкой, а время на переход давалось мало. Вразвалочку этот перекресток пересечь не выходило.

– Олег, куда дальше? – затравленно озираясь, на бегу спросил Бойко, с трудом переводя сбившееся дыхание.

Не оборачиваясь, Филимонов через шаг пояснил:

– К парку... через кладбище... выйдем на «Поездную». Затеряемся в толпе, которой всегда в это время полно. Сядем на электричку. Лишь бы она шла со стороны вокзала, остальное все значения пока не имеет. Скоро начнут искать. Объявят план «Перехват» и кучу всего...

– Может, Олег, вернемся, пока еще не поздно, а? – тяжкие сомнения терзали измученную душу Бойко. – За побег еще добавят...

– Миша, ты что, не понял? – круто обернувшись, Олег замедлил движение, с силой встряхнул натолкнувшегося на него товарища. – Не знаю, кто и зачем напал на фургон, но явно они не нас хотели спасти.

– А что им надо было? – Бойко в растерянности совсем остановился.

– А хрен его знает! Уйдем, тогда будем думать. Шевели «батонами»!

Прибыв в свой отдел, майор Полищук направилась к начальнику.

– Ксана, слава Богу! Нашлась, – Ковальчук поднялся ей навстречу.

– По плану работала, Алексей Петрович, – поблескивая озерками с чистой голубой водичей, непринужденно пожимая плечами, ответила Оксана. – Вы мне его утром утвердили. Опрашивала местное население...

– Подожди секунду, – полковник резко нажал на кнопку селектора внутренней связи. – Капитана Смирнова ко мне!

Удобно расположившись в мягком кресле, скромно закинув ногу на ногу, майор с признаками сохранившегося беспокойства спросила:

– Что-то случилось?

Нервный стук полковничьих костяшек по столу прекратился, шеф сверкнул озабоченными глазами:

– Понимаешь, Ксана, полчаса назад звонит Сам и орет в трубку что-то несуразное про тебя и твое аморальное поведение.

В ответ Оксана выжидающе вытянула свою изящную шею:

– И что из этого следует? Кому мешает моя личная жизнь, и откуда пошел ошеломительный и непонятный дымок...

– А то самое! – Ковальчук хлопнул кулаком по столу. – Что кому-то где-то там, наверху, страшно не понравилось то, что выдвигаешь ты...

– То есть? – майор никак не могла свести концы с концами.

– Кому-то не нравится твоя версия о непричастности Филимонова и Бойко. Ты все ломаешь, всю их четко выстроенную логическую цепочку.

Наверное, в пылу разговора они не расслышали, как вошел Саша.

Четко отработанными движениями Смирнов эффектно раскрыл свою папку с оперативно отпечатанным отчетом:

– Они пробыли там в общей сложности около десяти, ну, максимум пятнадцати минут. Компьютер зафиксировал внесенные изменения в 20.22. Один из агентов проводил их до дверей. Он показал, что офицеры свернули налево и направились к своей припаркованной у будки машине.

– Где эти две пигалицы успели их запеленговать и зафиксировать?

– Видно, поворачивая на улицу Филатова, они вышли на девчонок из-за деревьев, а подружки, скорее всего, не обратили на это внимания, так как все их мысли были заняты впереди идущим Мэтром...

– Лучше бы они вообще не заметили этих мужчин, не обратили бы на них своего несколько отвлеченного и рассеянного внимания.

– Вот чертовщина! Все уперлось в какие-то секунды...

Неплохо знакомая с тем местом, Оксана попыталась представить себе весь их маршрут, непонимающе пожала плечами:

– Ну, не могли они за одну минуту пробежать сто метров по тому направлению, куда шел Иванчук, пырнуть его ножом и вернуться назад...

То же самое пытался понять и Ковальчук:

– Уходить от своей машины, чтобы потом к ней вернуться? Зачем?

– И я вот говорю: зачем? – Смирнов подмигнул своей начальнице. – Зачем им разыгрывать цирк, светиться у будки, чтобы их там запомнили? Все можно сделать намного проще. Будь на их месте профессионалы, они провели бы эту операцию много проще, не привлекая лишнего внимания.

– Ладно, Ксана, – Ковальчук поднялся. – Пошли к шефу.

Строгая секретарша в довольно короткой мини-юбке и фривольно тонкой полупрозрачной блузке остановила их и сообщила о том, что Сам только-только перед самым их приходом в самом тяжелом расположении духа уехал на Думскую площадь, куда его срочно вызвали.

– Ларочка, – полковник пустил в ход все свое мужское обаяние, – а ты, случайно, не в курсе того, зачем его туда попросили?

– Алексей Петрович, честно-честно, ничего не знаю, – девушка мило улыбнулась, показывая, что и на деле говорит им всю правду. – Сказал, чтобы вы его ждали и никуда не уходили. Строго-настрога предупредил, чтобы я вас никуда не отпускала, ни под каким предлогом.

– Блин, час от часу не легче, – начальник 2-го следственного отдела, озадаченно покачав головой, опустился в глубокое кресло. – Засада. Присаживайтесь, Оксана Степановна. Придется ждать...

– Нет ничего хуже на свете, чем две вещи: ждать и догонять...

Сгорбленные фигуры, крадучись, пробирались по молодому парку. Шли они, укрываясь густыми кустами. Могли бы идти и по дороге, но на руках у них болтались наручники. Филимонов скользил взглядом вдоль зарослей и внимательно смотрел себе под ноги и по сторонам, ища что-нибудь подходящее, что можно было бы использовать в роли ключа.

– Миша, стой! – Олег нагнулся, разгреб опавшие листья и поднял кусок заржавевшей проволоки.

– Надо идти! – Бойко непонимающе посмотрел на товарища.

– «Браслеты» бы нам не мешало снять, – Филимонов стал ковыряться в замочке самодельной отмычкой.

Устало опустившись на землю, Михаил недоверчиво покосился:

– Думаешь, у тебя что-то выйдет?

– Наручники – самопалы. На нормальные «браслеты» денег, небось, пожалели, – Филимонов потер покрасневшее запястье. – Давай руки!

Левая рука Бойко освободилась, и он по-детски улыбнулся. Он не верил, но вышло. Миша попробовал силы в пользовании самодельной отмычкой, ибо левая рука у Филимонова, вернее, кисть плохо слушалась его после травмы. Сам Олег не мог ею орудовать, а потому попросил помочь ему Михаила. Не с первого раза, но у Бойко тоже получилось.

Трезво подумав, беглецы снимали с погон и петлиц выдающие их принадлежность к одному спецподразделению все знаки различия. А в такой униформе половина мужиков в городе ходит. Тех, кто из простых, из трудяг. Удобно и практично. В ней можно работать, в ней же можно и по городу шастать. То же, что и джинсовая одежда, только своя...

По кладбищу шли, не таясь, минули калитку с тыльной стороны. Из-за угла со стороны завода «Крайн» появился десятый трамвайчик. Они вскочили, проехали две остановки. Не дошла до них кондуктор, с трудом соизволившая оторвать весьма объемистый зад от переднего сиденья с табличкой «Места для инвалидов и пассажиров с детьми». До станции оставалось метров двести. Бойко на ходу прислушался. Справа доносился характерный свист приближающейся электрички.

– Бежим, – коротко кинул он все понявшему Филимонову.

Стоянка – всего одна минута, но они должны были успеть, должны! Вскочили беглецы в последний вагон. Двери за ними автоматически захлопнулись. Раздался свисток, и им показалось, что это пошла назад платформа, а они все еще стояли на месте.

– И на что мы сели? – Бойко нашел в себе силы улыбнуться. – Хотелось бы узнать, куда повернулось колесо фортуны, на какой край света понесла нас капризная судьба.

– Если через пару минут свернем направо, то поедем мы в сторону Колосовки. Если нет, то наш путь лежит в Аккерман.

– И что дальше? – с какого-то момента Миша целиком и полностью полагался на своего друга и собственных идей просто не выдвигал.

В ответ Филимонов грустно улыбнулся:

– В первом случае доедем до станции Степная...

– И куда потом?

– Там много садов-огородов... И с голоду не помрем...

– А если...

– Выйдем на оптовом рынке на «7-ом километре». Там полно народу.

– И... что?

– Там у Малахова свои торговые «точки». Попробуем связаться...

Колесные пары гулко застучали, заскрипели, не снижая скорости, проскакивая через многочисленные «стрелки». Если состав не тормозит, то... Беглецы переглянулись. Электричка пошла прямо.

– Значит, такова наша судьба, – философски заметил Филимонов. – Едем на рынок и там уже по плану...

– Олег, а если он не захочет с нами связываться? Что, что тогда?

– Я, честно сказать, не знаю. У меня, должно быть, – выговорил Олег, напряженно морщась, – станет на одного друга меньше. А шансов как-то выбраться из этого зоосада у нас станет еще меньше...

Малахов добрался до офиса и занялся неотложными делами. Не все же время катать на машине и развлекать свою очаровательную супругу. Хотя он и выполнял все ее капризы с особым удовольствием и всегда находил для этого достаточно времени, но все же...

– Евгений Павлович... – дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула миленькая девушка-помощница.

– Что, Оленька? – его деловито сжатые губы растянулись в теплой улыбке, потому как от хорошего или же плохого настроения персонала напрямую зависит вся его работоспособность, офиса, естественно.

– Вас Коля с «7-го», – с волнительным придыханием произнесла секретарша. – Говорит, что это очень срочно...

Малахов знал, раз Коля звонит ему в неурочное время, значит, что-то серьезное произошло. Жека качнул указательным пальцем:

– Хорошо, соедини его со мной...

Легкие каблучки пару-тройку раз стукнули, тут же в трубке зазвучал непривычно взволнованный голос:

– Тут такое дело. Ко мне пришли гости. Один из них говорит, что вы сегодня в семь утра задавали ему вопрос насчет возвращения вам долга. Они хотели бы этот вопрос с вами обсудить. Что мне с ними делать?

Малахов с силой зажмурил глаза, тряхнул головой. Или Коля что-то путает, или он сам его неправильно понял. Филимонов и Бойко уже на свободе? Их отпустили? Разобрались во всем и отпустили? Так быстро?

Но тогда бы Сана сообщила ему об этом. Нет-нет, их просто не могли так быстро выпустить. Их никто оттуда просто и не собирался выпускать. Наоборот, Сана говорила, что их собираются перевести в тюрьму. Значит, они каким-то образом, но бежали. Вот, что называется, приплыли!

– Коля, скажи им, чтобы ждали. Устрой так, чтобы они не скучали...

Он нарочно говорил, не называя имен. Если его телефоны висят на прослушке, а за этим-то дело в их насквозь продажном государстве не станет, то следует говорить с особой осторожностью.

– Да, Коля, передай им, что тот разговор у меня еще в памяти. Дело-то совсем пустяковое. И мы его постараемся уладить...

Заглянув в кабинет, секретарша потихоньку прикрыла за собой дверь. Таким серьезным и сосредоточенным своего хозяина она еще не видела. Обычно улыбка с открытого лица Малахова никогда не сходила. А тут глубокие морщины перерезали весь его лоб. Карандаш в руке шефа что-то быстро-быстро чертил. Прошло минут двадцать.

– Оленька, – Жека не стал нажимать на кнопку селектора, вышел сам, – я в цех. Сегодня меня не будет.

Милая помощница вскочила, растерянно затеребила края пиджака:

– К вам на проходной стоит одна странная девушка. Говорит, что это вы сами сказали ей подойти. Хочет, чтобы я соединила ее с вами.

– Как ее зовут? – Малахов оживился. – Случайно, не Юлия?

– Юлия, – протяжно ответила секретарша, и в ее красивых глазках зажглось нешуточное любопытство, а вдруг она станет свидетелем.

– Скажи, чтоб ей выписали пропуск и провели к Надежде Сергеевне.

– Это все? – девушка разочарованно вздохнула, а ей-то уже, было, подумалось о том, что шеф кем-то не на шутку увлекся.

– Да, Оленька. А скажи-ка мне, как ты относишься к тому, чтобы как-нибудь вечером заглянуть в «Мираж»?

В ответ на столь заманчивое предложение девушка со всей присущей ей непосредственностью всплеснула крайне заинтригованными ручками:

– Там все бешено дорого!

– Разве я тебе мало плачу? – Малахов усмехнулся.

Ему не стоило большого труда догадаться, что больше всего смущало его милую помощницу. Ей этот поход элементарно не по карману.

– Много. Но, Евгений Павлович, представляете, за один вход только столько берут! Даже ваших денег не хватит...

– Я так понимаю, придется выписать премию. В виде компенсации возможных непомерных затрат. У тебя подружка хорошая есть?

– Зачем подружка? – у девушки от удивления приоткрылся чудный ротик. – Я думала, что вы хотите пригласить меня туда с собой...

Никак Оленька не могла взять в толк, зачем ей еще одна соперница. В кои-то веки хозяин обратил на нее свое внимание и пригласил сходить и поразвлечься. Или он хочет, чтобы у него имелся выбор? Тогда она пригласит с собой неказистую из себя Валечку.

– Понимаешь, Оленька, – пояснил Жека, – мы иногда играем в карты. А игра может затянуться надолго. Часа на три-четыре. Ты одна быстро заскучаешь. А вдвоем с подружкой тебе будет веселее.

– Я поняла, – согласно кивнула помощница.

– Вот и прекрасно. В семь вечера у твоего дома. Вы успеете?

– Успеем мы, Евгений Павлович! – большие девичьи глаза радостно заблестели в предвкушении предстоящего вечера, таящего в себе столько приятных неожиданностей, и если ничего и не выйдет с шефом, то хотя бы раз в жизни от всей души оторваться. Тем более что не за свой счет.

Покинув офис, Малахов сел за руль автомобиля. На секунду-другую он зажмурился. Все ли он хорошенько продумал? Надо бы поговорить с женой, чтобы она пока на него не рассчитывала. Малахов достал телефон.

– Да, Жека, я тебя слушаю, – поплыл по салону любимый им голос.

– Сана, Солнышко, у меня срочное дело нарисовалось. Ты, если тебе срочно понадобится таксист, используй своего Смирнова. Лады?

– Уговорил... – ответили ему после недолгого молчания. – Да, я, наверное, сегодня задержусь. Рыжик, мой дорогой, сегодня снова на тебе.

– Рыжик? – Малахов озадаченно выдохнул – это резко меняло все его планы. – Хорошо, я его на время завезу к Кате. Так пойдет?

Едва прикрытым недовольством до него донеслось:

– Если настолько неотложные дела, что уже и ребенок помеха, то...

– Извини, Сана.

– Ладно, Малахов, я тебя поняла. Ты оказался ненадежным типом...

Хорошо еще, что он позвонил. Придется в планы внести кое-какие коррективы. Дела делами, а Рыжик – это святое. Жека усмехнулся.

Был у него когда-то один Рыжик, а теперь их стало даже два. Один большой, а другой маленький. И обоих он до беспамятства любит.

– Геша, – он, как обычно, нашел Мальцева стоявшим за распилочным станком. – Геша, есть одно срочное и важное дело. Кроме тебя...

Мастер внимательно слушал и не перебивал.

– Вот так, Геша. Надо их выручать.

– Что я должен сделать? – спросил бывший вертолетчик.

– Ты поедешь на нашу «точку» к Коле. Удостоверишься, что это они. Надо их будет обоих переодеть. В полдевятого вечера подъедешь с ними к перекрестку, что перед въездом на рынок. А там я тебя найду. Учти, я буду не на своей машине. Подам условный сигнал фарами...

– Разберемся.

– Надеюсь...

Геша на тачке рванул в сторону рынка, а Малахов, развернувшись, поехал забирать из садика дочку. Сана считала, что для развития ребенок должен расти среди своих сверстников. Девочка привычно забралась на детское кресло и сама поправила ремешки у себя на груди.

– Рыжик, у нас с мамой много работы. Ты, маленькая, посидишь немного у тети Кати? – отец провел руками по рыжим кудряшкам, заодно проверил крепление страховочных ремней.

– Хо`есо, па. Ёжик большой. Ёжик все понимает.

– Вот и умничка! – Жека чмокнул хлопающее хитрыми глазенками сокровище. – Вот и договорились...

VI

В приемной показался Прокурор, мрачный, словно темная грозовая туча, и грузно прошел в свой кабинет.

– Заходите, – послышалось его рычание из-за неприкрытой двери.

Не глядя в их сторону, шеф рылся в сейфе. В воздухе неподвижно зависла невыносимо тягостная тишина.

– Майор Полищук, – резко рявкнул Прокурор, и Оксана, ойкнув, вскочила. – Доложите, как вы совмещаете свое высокое звание с вашим, мягко сказать, недостойным его, вашего высокого звания, поведением?

– А... – немой вопрос застыл в устах старшего следователя.

– Не стройте из себя святую невинность. Этот номер в моем кабинете не пройдет. Если полковнику Ковальчуку вам удастся «вешать лапшу на уши», и он усердно покрывает вас, то я лично не собираюсь этого делать. Напротив, я каленым железом намерен выжигать из наших рядов...

– Юлий Владиславович, я вас не понимаю.

– Ваш начальник все время добивается того, чтобы вас назначали к нему в замы. Мы вам доверили очень ответственное дело, а вы, майор, оказывается, пользуетесь своим служебным положением и действуете в корыстных целях вашего любовника, который вас попросту использует «втемную», хуже, если оно все происходит в открытую...

– Извините, Юлий Владиславович, моего любовника? – поначалу женщине показалось, что она ослышалась.

– А как это еще можно назвать? – ехидно ощерился шеф и, накаляясь праведным гневом, повысил голос: – Мой водитель с возмущением довел до моего сведения то, как на нашу стоянку нагло въехал зарвавшийся тип, чуть ли не столкнул мою машину. И заехал он за вами, товарищ майор. Именно за вами! Какая наглость! На глазах у всех сотрудников обоих военных судов и прокуратур, окружных и городских. Вы переступили все мыслимые и немыслимые рамки приличия!

– Юлий Владиславович, понимаете, – Ковальчук попытался сбить начальственный напор, – у нас знак о том, что это служебная стоянка, при въезде не стоит. Поэтому на это место может заехать любой.

Недовольный его заступничеством шеф кисло поморщился:

– Оставьте, Ковальчук. Выскочили, повисли на шее проходимца. У всех на виду. Постыдились бы других сотрудников, товарищ майор.

– Разрешите объяснить? – попыталась защитить себя Оксана сама.

Но и это ей позволено не было, и Прокурор жестко оборвал ее:

– Помолчите. Постыдились бы тех, кто живет на зарплату и ходит на работу пешком. А вы посреди рабочего дня на свидание укатили. Я вас целых три часа не мог вызвать к себе!

Оксана кинула быстрый взгляд на полковника, и тот отрицательно мотнул головой. Из его сжатого кулака вытянулся один лишь мизинец.

– Мне наемни докладывали про вас, как об одном из наших самых перспективных сотрудников. Вводили они, выходит, меня в заблуждение. Сегодня столько грязи на вас вылили, что от нее никогда не отмыться. О каком можно говорить повышении, усидеть бы кое-кому на своем месте!

– Грязи... на меня... кто? – Оксана возмущенно вспыхнула.

– Вы помолчите, товарищ майор, помолчите. Вы, оказывается, давно пользуетесь услугами предпринимателя, – шеф заглянул в свой блокнот, – Малахова. Он вас частенько подвозит на работу на дорогушей машине, делает подарки, которые вы, не стесняясь, носите и поль-

зуетесь ими. Вы, не скрываясь, состоите с ним в интимной связи. Как это все, товарищ майор, следует понимать? Вы отстранены от дела! Эти Филимонов и Бойко оказались близкими друзьями вашего ухажера. Вы по его указке...

– Юлий Владиславович, – Ковальчук снова поднялся на защиту своей подчиненной. – Вас кто-то, видно, намеренно ввел в заблуждение...

Желая уточнить, Прокурор недовольно прищурился:

– Не понял, полковник, что вы этим хотели мне сказать?

– Вы к нам пришли недавно и, конечно, этого не могли знать.

Непонимающе завертев головой, шеф поправил тугой узел галстука:

– Чего я мог не знать?

– Малахов, кстати, бывший подполковник, и Оксана Степановна поженились три года назад. Фамилии у них разные. И это могло кое-кого ввести в заблуждение вольно или невольно. Можете запросить в отделе кадров личное дело майора Полищука. Все отмечено. Дочь у них от этого брака имеется. Все в рамках гражданского законодательства.

– Вы, выходит, товарищ майор, совершенно сознательно выходили замуж за преуспевающего человека? Хотя, что тут нового... – шеф в упор посмотрел на Оксану. – Все хотят в этой жизни устроиться получше...

Известно всем давно, что всяк судит по мере своей испорченности. Но факты – вещь неоспоримая. Их и попытался привести Ковальчук:

– Юлий Владиславович, когда Оксана Степановна выходила замуж, этот самый Малахов работал на ремонте кровли самым простым рабочим. Смог мужик и поднялся. Я его лично знаю, как честного человека.

Сбитый с толка и немало озадаченный полученной информацией, Прокурор задумчиво потер вспотевший лоб:

– Выходит, меня специально ввели в заблуждение, чтобы я сам лично своим решением отстранил майора от следствия? Но в таком случае все шито грубыми нитками. На что рассчитывали? Скрыть правду? Какой смысл? Мгновенно обман раскроется, что в данный момент и произошло.

– Я думаю, Юлий Владиславович, что они своей цели достигли. Вы свое, нужное им решение приняли, а этих офицеров...

Нет, и Прокурор мог мыслить логически и сам продолжил то, что не стал в открытую говорить Ковальчук:

– А их перевели в следственный изолятор. Теперь дело полностью подпало под юрисдикцию Генеральной Прокуратуры. И от нас теперь ничто не зависит. Ловко обстряпали дельце киевские умельцы.

– Думаю, нашему Министру это решение архи не понравится.

Завуалированное окаменевшим выражением лица, но пробивающееся брызгами коротких ужимок раздраженное непонимание прослушивалось и в словах Прокурора, наполненных горечью сожаления:

– К его голосу кое-кто перестал прислушиваться. Это или какая-то чудовищная провокация, или невероятное стечение обстоятельств...

Перехватив слово, Ковальчук подытожил:

– В итоге которого пострадают два ни в чем не повинных офицера.

На пульте загорелась красная лампочка. Шеф недовольный тем, что его отвлекают в такую минуту, поморщился и нажал на кнопку.

– Юлий Владиславович, снова вас с Думской площади...

– Секунду, – шеф одними глазами показал им на дверь.

Недоуменно пожимая плечами, полковник и майор быстро покинули кабинет, но через пару минут их снова в него пригласили.

– Час тридцать назад во время перевозки на спецмашину совершено нападение. На месте четыре трупа. Из одного пистолета застрелены оба сотрудника тюрьмы. Оба подследственных скрылись. Два нападавших в перестрелке погибли. Один из них являлся офицером подразделения «Беркут». Старший лейтенант Малышев. Меня вызывают вместе с вами. Говорят о Малахове. Якобы он мог налет организовать.

– Бред собачий, – растерянно прошептала Оксана. – Мой муж на такое неспособен. Он на такое никогда не пойдет. Никогда...

– Вот-вот, если вас послушать. А если их, то именно Малахов все тщательно продумал, организовал и осуществил...

...Малахов подъехал, забрал двух подпрыгивающих от нетерпения девушек, повез их в ночной клуб «Мираж». Оленька и Зоенька весело щебетали на заднем сиденье. Задуманная им операция вступала в основную фазу, и Жека, подумав, отключил мобильный телефон.

Подъехали они рановато. Но милых девушек это обстоятельство нисколько не смутило. Наоборот, они сразу, к своему изумленному удовлетворению, вдруг уяснили, что времени у них на то, чтобы здесь освоиться и стать своими, будет больше чем предостаточно.

Предварительно снабдив необходимой суммой своих прелестных спутниц, Жека оставил их для начала развлекаться в общем зале, которых тут, впрочем, оказалось несколько, по одному на каждом этаже. Хочется поиграть, испытать счастье – играй. Хочется петь, танцевать и веселиться – поднимись чуть выше. Подружки решили начать обход всего заведения с третьего этажа и устремились вверх по лестнице. Махнув красавицам ручкой, Малахов прошелся по длинному коридору и постучался.

– Ты? – выражение лица человека, сидевшего за столом, сильно не изменилось, только в уголках его глаз блеснуло обрадованное удивление. – Жека, ты проходи-проходи, дорогой, будь гостем, присаживайся.

Малахов крепко пожал протянутую ему руку со следами наколок:

– Здравствуй, Серый. Как поживаешь?

– Твоими молитвами, Жека. Что привело тебя в наши края? Просто так и без дела ты ко мне никогда не заглядываешь...

– Проблема возникла, – Жека сразу раскрыл свои карты, юлить и раздавать реверансы перед хозяином особого смысла ему не виделось.

– Яка? – Серый откинулся на спинку диванчика, прищурил глаз.

Устроившись в низком кресле, гость выдержал необходимую паузу для того, чтобы не выглядеть суетливым просителем, негромко произнес:

– Два моих товарища попали в беду...

– Постой, – Серый остановил его движением руки, – сам попробую догадаться. Ты про Филю и Бойко. Слышал, сорока на хвосте принесла.

– От кого, если не секрет? – чуть повернув голову вправо, Жека прищурил левый глаз, окинул хозяина внимательным взглядом.

– Слухами земля полнится...

Зная за Серым его давнюю привычку темнить и напускать для пущей важности туману, Малахов усмехнулся:

– А если точнее...

– Крест случайно обмолвился, что, мол, взяли их. Остальное сам додумал, сложил недостающие звенья цепочки и свел концы с концами.

– Крест? – Жека насторожился. – А ему до этого всего, какое дело?

– Непонятки у него с писакой были. Что-то не смогли перетереть.

– У них? Непонятки? – Малахов недоверчиво посмотрел на Серого. – Что экстраординарного могло произойти, что нарушило их дружбу, какая черная кошка между ними пробежала? Они друг за друга горой стояли...

Широкие плечи хозяина неопределенно пожались:

– Стояли. Когда-то. Слушай, может, я что не так понял. Закрыли этот базар. Я ничего не говорил. Ты ничего не слышал. Говори, зачем пришел?

Уяснив, что возврата к Кресту не будет, гость перешел к сути дела:

– Мне на время нужна приличная машина, которая хорошо бежит, но которую не очень жалко и, случись что, плакаться по ней никто не будет.

– Понятно, – Серый осклабился в зловещей ухмылке. – Что еще?

– Три телефона...

– Ворованных? – догадливый хозяин блеснул пронизательностью.

– Да, но вполне исправных и рабочих, чтобы можно было звонить.

– Нет базара... – Серый вышел, притворил за собой дверь.

Малахов прикрыл глаза. Все ли он продумал? Не поставил ли он на карту всю свою жизнь? Случись с ним что...

– Двадцать минут потерпишь? – от тяжелых дум отвлек хозяин. – Не сто грамм в буфете просишь. Пока найдут, подвезут, времечко пробежит.

– Потерпит. Надо сделать так, будто я от тебя никуда не выходил.

– То есть, все представить в таком виде, как будто мы с тобой все это время расписывали пулечку в преф? Запросто. Выйдешь через черный вход, оттуда и вернешься. А после станем посмотреть, как карта ляжет...

Сам лично провел Серый гостя на задний двор увеселительного заведения. Из всех окон доносилась громкая музыка, заглушающая все остальные звуки. Там уже стояла слегка помятая тачка с ключами в замке зажигания и со всеми документами на водительском сиденье.

– Бей, Жека, не жалко. Уступлю тебе ее недорого. Движок – зверь. Под двести запросто. Да, будь осторожен. Жалко, если Оксанка одна останется. Така у тебя гарна дивчина. Ну, ты все понял. Давай, езжай... Куда и зачем, само собой, не спрашиваю...

С тяжелым чувством на сердце поднималась Сана по лестнице, ярко украшенной резной и золоченой мишурой. Устроились нувориши, как в царских палатах. Народ кругом нищенствует, а эти утопают в роскоши.

Денег на реконструкцию знаменитого Оперного театра, второго в мире по своей красоте, нет, а представительское здание отреставрировали в самую первую же очередь. По самому высшему разряду.

В огромном кабинете заседали мэр города, начальник УВД по городу и по области, прокурор города и прибывший из Киева следователь по особо важным делам Карпенко, который коршуном набросился на Сану.

– Товарищ майор, а скажите-ка нам всем, сделайте такую милость, – противный ехидный голосок забирался внутрь, под кожу, – где находится ваш, так сказать, благодетель? Мягко выражаясь, а грубо говоря...

– Попрошу вас выбирать выражения, – глаза у Оксаны превратились в ледышки и гневно блеснули. – Тут вам не Привоз, а я вам не уличная девка. Или вас в свое время хорошим манерам не обучали? В таком случае, кое-кому элементарно не место рядом с приличными людьми.

– Ты... как, майор, со старшими разговариваешь? – взвился следак. – Я тебя научу субординации! Да я тебя в бараний рог скручу!

– Сейчас! Руки коротки! Плевать я на вас хотела, товарищ Карпенко! – не выдержала Оксана и выплеснула все свои эмоции. – Наслышана я, как вы разговариваете, как нужные показания из своих подследственных выбиваете. Кровью нутрянной они их у вас подписывают.

– В вашем положении, майор, не мешало бы вести себя скромнее чуток... – направив на Оксану насмешливый взгляд, генерал от милиции неодобрительно покачал головой. – Недолго так и из органов вылететь.

– Да плевать она хотела! – едкой злобой выдавил из себя уязвленный «важняк». – Хахаль ей пенсион устроит. В благодарность за ее помощь. Вытащить дружков с ее помощью хотел. А не вышло, так он устроил им побег. Это он, это Малахов все устроил. Говорил я, говорил, что его надо было брать в первую очередь! Он и есть главный заказчик убийства Иванчука. И нечего тут наводить тень на плетень и путать следствие.

Ковальчук не выдержал и поднялся:

– Слушай, Карпенко! Уймись и сейчас же извинись. Ты меня знаешь.

– Я? За что это я должен извиняться? За то, что назвал вещи своими именами? Леша, ты с ней заодно? – гость из Киева повернулся к бывшему однокашнику. – Они и тебя вовлекли в свою преступную группу? Так вот оно, где собака зарыта! Да тут целый заговор! Тебя-то, чем они купили?

Не обращая внимания, Ковальчук во всеуслышание заявил:

– Карпенко, этот самый Малахов – законный муж майора Полищук. И все то, что ты тут несешь, это подлая и грязная клевета.

– Они что, муж и жена? – следак сделал вид, что сильно удивился. – Незадача... – почувствовав, что крупно прокололся, он был вынужден на ходу перестраиваться, менять тактику. – Зато многое объясняет. И где, извините меня, товарищ майор, ваш муж, так сказать, законный супруг?

Пряча глаза, Оксана достала телефон. Металлический голос на трех языках сообщил о том, что вызываемый абонент временно недоступен.

– Ну, что, майор, дозвонились?

– Он... он не отвечает, – Оксана растерянно повела головой.

– Вот-вот! – Карпенко обвел всех торжествующим взглядом. – Он с ними заодно. Он их вывозит из города. Не отвечает, чтобы не засекли...

– Это ни о чем не говорит, товарищ Карпенко, – наконец соизволил в защиту своего следователя открыть свой рот и Юлий Владиславович. – Слишком у вас много натяжек и предположений. Кто-то два часа назад с пеной у рта доказывал мне, что ему все известно о фактах из личной жизни майора Полищук. Вы поступили весьма недостойно, вводя меня в заблуждение и требуя ее отстранения от ведения следствия...

Одним движением глаз мэр дал команду проверить и доложить.

– По городу и по всей области объявлен план «Перехват». Номер его машины известен, – ровным голосом сообщил милицейский начальник. – Все КПП и КПМ предупреждены. Он из города не выезжал.

Усмехнувшись, градоначальник распорядился:

– Товарищ генерал, может, есть тогда смысл поискать его машину в самом городе? Может, человек занимается своими делами и ни сном и ни духом обо всех кошках и собаках, которых мы на него вешаем.

– Понял вас, – главный милиционер города поднялся. – Чай, машина – не иголка в стоге сена, отыщется, никуда не денется...

Сев за руль, Малахов включил движок. Путь назад он себе отрезал. Конечно, Серый, никому не скажет. Но и остановиться нельзя. Только вперед. Думать поздно. Пришла пора приводить свой план в действие.

Жека слегка надавил на педаль. Мотор послушно отозвался, обороты на холостом ходу взлетели. Подворотнями и через внутренние дворы Жека пробрался на параллельную улицу, влился в общий поток.

Через пару кварталов Малахов свернул с оживленной трассы, нырнул в пустой проулок и резко газанул. Стрелка рванула вверх, мгновенно подобравшись к сотне. Резко ударил он по тормозам, и машина встала на месте, как вкопанная. Юзом и заносом в сторону не пахло.

Продвигаясь зигзагами, поворачивая направо, налево, то разгоняясь, то резко тормозя, Малахов выскочил к улице Щорса намного быстрее, чем ехал бы он по оживленной трассе...

В густой лесозащитной посадке Геша терпеливо ожидал Малахова в условленном месте. Рядом прогуливались беглецы, нервно вздрагивая от каждого шума и шороха. Хуже ничего нет на свете, чем ждать...

– А если не приедет? – Бойко не выдержал и задал вопрос, который крутился на языке и не только у него. – Обнадежил нас, а сам скажет, что у него ничего не вышло. Поди, потом докажи, что оно было не так.

– Миша! – Филимонов укоризненно качнул головой.

Мальцев успокаивающе произнес:

– Раз Жека сказал, значит, приедет. Случись что, позвонил бы.

– Может, сам позвонишь? – Бойко в нетерпении переступил ногами.

– Нет, нельзя, – Геша отрицательно покачал головой. – Его телефон могли поставить на прослушку. Все входящие и исходящие звонки будут фиксироваться. Не дрейфьте, с минуты на минуту подскочит. По нему часы всегда можно было сверять. Даст Бог, и на этот раз не подведет.

– И на старуху бывает проруха, – буркнул Бойко.

– Помолчал бы, умник. Не каркай! И так тошно...

Припарковалась машина, пару раз мигнули фары. Геша метнулся на разведку и вернулся с Малаховым. Жека кинул взгляд на беглецов:

– Все, мужики, в машину. Там обо всем переговорим. Геша, вот тебе телефон. Там мой новый номер. Он только для связи со мной. Больше ни с кем. Часа через два, ориентировочно, плюс двадцать минут жди меня здесь. Раньше, думаю, никак не успею. Но, вообще-то, кто его знает, – он посмотрел на часы. – Будь все время на связи и где-то неподалеку. Жди.

– Удачи тебе, Жека, – Геша приобнял Малахова. – Если что...

– «Если что» не будет, Сана мне этого не простит...

Беглецы загрузились и огляделись. Малахов и ездит на развалюхе? Или тачка – часть маскарада? Мог бы и поприличнее выбрать машину. «Форд», несмотря на свой непрезентабельный вид, резво рванул с места, и пассажиров с силой прижало к сиденьям, а стрелка спидометра дошла до сотни и покатила под уклон, все уходя и уходя вправо.

– Жека, куда так сильно гонишь? – Филимонов с некоторой опаской поглядывал то на водителя, то на затемненную трассу.

Не оборачиваясь, Малахов пояснил:

– Олег, у меня мало времени. За Аккерманом постов не будет. А, кроме как через него, нигде больше через Днестр не перескочишь.

– Оксана в курсе того, где ты сейчас?

– Нет, – коротко ответил Жека.

Все его внимание было сосредоточено на дороге. Разговор отвлекал его и мешал, но и не отвечать он не мог.

– Почему? Ты ей не доверяешь?

– Нет, Олег, не поэтому, – Малахов поморщился. – Излишнее знание не всегда полезно. Думаю, что так для нее будет лучше. Если она будет знать, ей будет тяжело нести в себе это. Ей и так нелегко приходится.

– Почему не спрашиваешь про то, как и почему мы сбежали?

– Олег, дело сделано, и назад уже ничего не вернуть. Хотя, может, вы и сглупили, что сбежали. На вашем месте я поступил бы, скорее, иначе.

– Ты так считаешь? – неприятно поразился Филимонов.

Противный червь сомнения проснулся и начал глухо ковыряться в его душе, где и до того не пахло спокойствием.

– Возможно, этого кто-то как раз изо всех сил и добивался. Сбежав, вы, Олег, хоть и косвенно, но сами признали свою вину...

Подаваясь вперед, Филимонов вложил в свой высоко зазвеневший голос всю силу имеющегося у него убеждения:

– Но мы ни в чем не виноваты!

Поймав мятущиеся глаза товарища, Жека сочувственно улыбнулся:

– Я, Олег, все понимаю. Но, знаешь, от этого пока никому не легче. Слушайте меня внимательно. Если мы с вами прорвемся через Аккерман, а другого выхода у нас нет, то тогда, тогда я вас высажу за городом...

На один шаг ситуация прояснилась. Филимонов прищурился:

– А дальше нам куда?..

Он не знал, что им делать в абсолютно незнакомой им местности. Начнут они бегать, глупо шарахаться из стороны в сторону в поисках подходящего убежища. Там-то их, тепленьких, мигом и прихлопнут.

– Поймаете тачку. Прикид на вас приличный, денег я дам. «Бабки» не жалейте, но и не кидайтесь ими. Ничто в ваших действиях не должно вызывать подозрений, оставить в памяти людей досадливых зацепок.

– И что дальше?

– Доедете до Болграда. Пересядете на другую тачку. Пока вычислят, куда и на чем вы дальше отправились, время пройдет. А это даст вам столь необходимый выигрыш в том самом, столь необходимом времени. Доедите до 2-го военного городка. Запомните: дом 18, квартира 17. Хозяина зовут Паша, а его жену – Марина. Скажите, что вы от Геши...

– От Геши? – удивленно моргнул Филимонов. – Не от тебя?

– Нет, не от меня. Они его хорошо знают. Это его бывшая квартира.

После недолгого молчаливого раздумья беглец с сомнением качнул своей гудящей от невыносимого напряжения головой:

– А если они не поверят?.. Мало ли кто может прийти и говорить, что знал прежнего владельца. При нынешних-то средствах информации...

– Скажете, что вы от человека, который знал их, как Жука и Муху. Они поймут. Этого в отделах справки и информации никто не скажет.

– Жука и Муху? – несколько озадаченно переспросил Филимонов.

Малахов усмехнулся:

– Да, когда-то их все так называли. Но теперь об этом, наверное, мало уже кто помнит. Вернее, никто уже сразу не признает в них прежних бомжей по имени Жук и Муха.

– Хорошо, Жека. Что дальше?

– Пусть Жук отведет вас к Петру Глыбе...

В цепи случайных событий и имен появилось новое, и беглецы в один голос задали вполне в их незавидном положении логичный вопрос:

– А это... кто еще?

Впереди неясно маячил знак, предупреждающий о крутом повороте. Водитель все свое внимание переключил на бегущую в свете фар дорогу, заложил вираж и только тогда, когда машина выровнялась, ответил:

– Он бывший десантник. Капитан. Ему уже вы можете все рассказать о себе без всякой утайки. Он найдет, где вас на время припрятать...

В салоне автомобиля-беглеца мягко покачивало, казалось, сидящие на заднем сиденье пассажиры, убаюканные скоростью, уснули. На самом деле, их деятельные умы тщательно прокручивали и систематизировали полученную информацию. Разложив все по полочкам, Олег спросил:

– С тобой, Жека, потом можно будет связаться?

– Вот вам телефон. Он ворованный, – пояснил Малахов, отрезая все вопросы, ибо неглупому человеку это говорило больше чем достаточно.

– Понятно, – Олег кивнул головой. – Как звонить?

– При наборе моего номера по списку будет высвечиваться «Седой», а у Геши – «Мастер». На остальные звонки не отвечайте. Как устроитесь, пошлите сообщение: «Домик в деревне прикупили». Я все пойму...

– А если?

– Если... – Малахов тяжело вздохнул, – то: «Сделка сорвалась». Или я, или Геша перезвоним вам. Сообщение отправите по обоим телефонам. Если меня начнут брать, от своего избавлюсь. Тогда связь через Гешу...

Импровизированное совещание всего руководящего состава города, милиции и прокуратуры в роскошном кабинете-зале на Думской площади еще продолжалось. Их собрание было больше похоже на координационный штаб по поимке беглецов или по ловле преступников государственного ранга, своими действиями подрывающих устои всей державы.

Оксана чувствовала себя совершенно лишним и чужим, инородным телом, случайно затесавшимся среди кричащей и громко спорящей, хохочущей массы зажавшихся на государственной службе слуг народа.

Облеченные высокой властью люди в погонах с большими звездами или с соответствующим им положением устроили настоящую охоту, облаву на несчастных беглецов, как на особо опасных преступников.

Будто от их поимки зависела судьба государства. Словно других забот у них не имелось. Хотя большинству из них на это было наплевать. Положение обязывало присутствовать при этом сходе и изображать из себя заинтересованных лиц. Больше всего усердствовал, бегал и кричал, требовал принятия немедленных мер товарищ, прибывший из Киева.

Бочком Оксана скромно отошла в сторонку, присела на кресло в уголке. Все происходящее волновало ее постольку поскольку. Лишь в той степени, что могло коснуться ее мужа. Меньше всего в эти минуты она думала о себе. Ей было глубоко начхать на все угрозы Карпенко.

Она боялась за свои погоны? Нет! Может, ее волновало, что каким-то образом может быть затронута ее профессиональная честь? Нет! Со всем этим она запросто справится. Ее волновало совсем другое. Малахов.

Куда же он подевался? Неужто, он как-то, хоть косвенно, но связан со всем этим? Жека-Жека! Во что же он, чертов дружок, вляпался, нашел себе на одно мягкое место веселенькое приключение? Что он задумал?

Как он мог, не посоветовавшись с ней, поставить на кон всю их жизнь? Взять и все одним махом, не задумываясь, разрушить?

И во всем, как это и ни прискорбно звучит, виновата она сама. Если бы она сама ему обо всем не рассказала. Если бы она промолчала и не поделилась с ним. Он точно бы, на все сто процентов, ей ничего бы не рассказал. Если бы с самого утра не потащила с собой в комендатуру.

Сколько еще можно придумать и назвать таких «если бы»? Тогда бы его имя никак не смогли связать с этими ребятами. Или все равно связали бы? И напрасно она иезуитски сама себя почему зря истязает?

Кому-то, видишь ли, сильно не понравилось, что у человека вдруг и сразу появились большие деньги. Конечно, если они сами привыкли жить не по средствам, иного другого способа добывания денег, как нечестным путем, не ведают. Аналогично думают и про всех остальных. Каждый судит в меру своей испорченности. У хама все остальные люди тоже хамы. А у жулика и все его окружающие одни только жулики и не иначе.

А Малахов, Малахов – он не такой. Он копейки ни у кого не украдет. Сам готов свою самую последнюю денежку протянуть какому-нибудь оборванному нищему в подземном переходе, у которого где-нибудь на Черноморке у самого моря двухэтажный особняк стоит.

«Нищий» – его жизненная и самая настоящая трудовая профессия. А отстоит он свою вахту на грязных ступеньках, сдаст свой пост сменщику, чуть отойдет в сторонку, стянет с вспотевшей головы неряшливый парик, скинет быстренько с плеч маскарадный наряд, и перед ними солидный человек. За углом его ждет импортное авто, водитель в униформе.

А Малахов, тот всего своим трудом и умом добился. Ну, честно сказать, начальный капитал она ему-то, конечно, в приданом принесла.

Не пропали вовсе денежки Мамеда, полученные им от бандитов за ворованное с военного склада вооружение. Мамед бесславно погиб, преследуя ее. Деньги остались бесхозными. Она взяла их себе. Может, она поступила неправильно, присвоив их себе. Может, это и так...

Но она их не украла. Можно сказать, что Мамед сам их ей и подарил. Или же это стало достойным ей вознаграждением за то, что она сделала, вернула государству имущество, стоявшее в десятки раз больше. Награда за то, что пролила кровь, щедро окропив ею серый песочек на карьере. А отдай она эти деньги, где гарантия, что их не растащили бы начальники...

В темном салоне мягко покачивающейся, стремительно несущейся вперед машины застыла вязкая тишина. Малахов напряженно следил за дорогой. Дальний свет фар выхватывал в темноте длинную и узкую полосу. Машин было мало, при встрече водитель смещался к осевой линии, изредка чуть сбавлял скорость и уходил вправо, чтобы без лишних проблем разминуться с теми, кто ехал в противоположном направлении.

– Жека, – Олег не выдержал и нарушил тягостное молчание. – Ты... зачем это все делаешь?

Не хотелось отвечать, и Жека, как принято на Привозе, переспросил:

– Что я делаю?

Но Филимонов, подогреваемый внутренним возбуждением, от него не отстал, последовательно задал следующий вопрос:

– Ты что, не понимаешь, чем рискуешь, помогая нам?

– Понимаю...

– И почему ты это делаешь? – после недолгой паузы произнес Олег.

Кинув взгляд на зеркальце, поймав отражение интересующегося товарища, Малахов в ответ укоризненно качнул головой:

– А ты, Олег, хотел бы, чтобы я бросил тебя и твоего друга в беде? Забыл о том, что нас связывало многие годы? Ты еще помнишь, что есть войсковое товарищество и воинское братство? Конечно, для многих это просто слова и больше ничего. Для меня – нет. Ты отвлекаешь меня. Мне оно мешает. Это ковыряние в душе чужими руками: зачем и почему...

– Но ты мог бы, – Филимонов, словно жеребец, закусив удила, никак не успокаивался, – поручить дело кому-то другому. С твоими «бабками». Зачем тебе лезть самому головой в петлю? Подставляться и рисковать...

– Олежек, есть на свете вещи, которые никому нельзя доверить, которые надо делать самому. Есть места, куда и короли пешком ходят и сами. Есть некоторые обязанности, которые они должны выполнять сами, которые никак невозможно переложить на плечи других. Как провести с молодой женой первую брачную ночь и зачать наследника. Так и тут...

Тут уж и Бойко не выдержал, его лицо исказилось в конвульсиях гримасы саркастического смеха, а его товарищ широко улыбнулся:

– Ты, Жека, как и был шутником, так таковым и остался. И все же?

– Чем больше людей, Олежек, про это будет знать, тем оно хуже...

– А в чем разница? Если рано или поздно следствие доберется до тебя. И так, и этак, но отвечать все едино придется.

– А так, Олег, я буду уверен, что сделал все, что было в моих силах, не перекладывая на чужие плечи. И мы должны сделать. И мы с вами сделаем. Главное – через посты прорваться. Если мы через первый КПП тихо пройдем, то через второй, на мосту, сможем идти напролом.

– Жека, – проснулся до этого всю дорогу молчавший Бойко, ибо знал Малахова не столь близко и не принимал участия в разговоре. – Я бывал в Аккермане. В город можно попасть и минуя Восточный КПП...

– Знаешь и молчишь. Блин! – выругался Жека.

В сердцах Малахов загнул и нечто покруче, выстроив в два этажа.

– Ты бы, Мишенька, об этом еще позже сказал бы. Когда за нами вся гончая свора с включенными сиренами погналась бы. А если бы Олег не затеял этого разговора, так мы и погнали бы напрямиком в волчью пасть.

Угрюмо пожав плечами, Бойко буркнул:

– Я думал, что ты про обходы знаешь.

– Индюк тоже думал! – сердито проворчал Филя, ткнул соседа в бок.

Не доезжая до города, они свернули в боковую просеку, вышли на проселочную дорогу, поехали вспаханymi полями и, сделав небольшой крюк, снова ехали по главной дороге, оставив КПП далеко позади себя.

Попав в плотный и неторопливый поток автомобилей, беззаботно катящихся по освещенной веселыми огнями городской трассе, Малахов немного успокоился и облегченно вздохнул. Филимонов, напряженно и очень внимательно следивший за действиями своего друга, спросил:

– Ты, я смотрю, Жека, этого поста боялся больше всего?

– Да, Олег. Ладно, еще Мишка вовремя вспомнил. Надоумил его Господь свой голос подать.

– Но мост нам не объехать, – Бойко отрицательно качнул головой.

У них в армии это называется дефиле – «узкое место», которое никак не миновать. Дорога только одна.

– Проскочим, – Малахов усмехнулся. – Это мы запросто...

Издали стал отчетливо виден хвост колонны машин, скопившихся у контрольного поста милиции на выезде из города. Въезжающих в город не проверяли. Так только, больше для проформы. Попросит вяло гаишник документы у водителя, у пассажиров, скользнет по салону безразличным взглядом и небрежно кинет сквозь презрительно сжатые зубы:

– Проезжайте!

А правую проезжую часть дороги полностью перекрыли, надежно перегородив ее разборным ограждением, растянув «ежи». Машины все проверяли досконально, заставляли даже открывать багажники. Проверка документов и всего прочего по самой полной программе.

– Да, приплыли... – разочарованно протянул Бойко.

Вспомнив те дни, Оксана вздохнула. Когда они только поженились, жили бедно, но счастливо! Она приносила домой копейки, муж чуть больше. И ничего, хватало. Суп из консервов, рыбные котлеты. Вместо мяса для наваара – бульонные кубики. Бутерброды из соевой колбасы. На праздники покупали обрезки и крутили фарш, вручную лепили пельмени и, по сути, из ничего устраивали поистине гастрономическое пиршество.

И не нужно ей всей этой блестящей мишуры – неизменной спутницы достатка, появившегося в семье. Лично ей ее Малахов дорог и без всяких его дорогущих, по ее мнению, подарков. Она прекрасно в свое время обходилась и без них. И сейчас обошлась бы. Но, что поделаешь, если муж так устроен и все время хочет сделать ей что-нибудь приятное.

Он же, в конце концов, не виноват в том, что у них завелись денежки. Он их не украл, никого не ограбил. Хотя, вообще-то, если подумать, то...

Тут он, конечно, виноват. Но только в том, что смог их заработать. И дело вовсе не в той сумме, что досталась им от безвременно ушедшего в мир иной Мамеда. Того стартового капитала хватило на небольшой цех по производству мелочевки из мебели и пару торговых «точек».

Катя Мальцева передала Малахову бразды правления от созданной ею небольшой фирмы. Этого хватило на то, чтобы позволить себе кое-что больше, чем рыбные консервы на ужин, но не более того. После покупки хаты пришлось потуже подвязать пояски и считать каждую копейку.

А вот потом муж ее смог уже от этого оттолкнуться и практически на пустом месте создать свою могучую империю. Она до сих пор еще толком не представляла себе всех ее масштабов. Что-то Малахов пытался ей объяснить. Но она толком ничего не поняла. Еще отец ей говорил, что с математикой-то у нее не ахти как. Хоть и был он у нее учителем физики и математики, но она явно не в своего родителя пошла.

Поэтому и отдали ее учиться на юридический факультет, где цифр поменьше и действий с ними немножко. А больше надо запоминать и языком гладко чесать. А вот с этим у нее проблем никогда не возникало.

Помнится, в те дни муж встретился со своим давним дружкой, лет шесть как уехавшим в Россию. У нее была невообразимая запарка, и она так и не смогла, и не пришла, хотя и их обоих приглашали.

Постой, паровоз, не стучите колеса! Кто свистел про свою хорошую память? И не про него ли сегодня говорила ей при встрече Леночка?

Точно! Это был Рэм Валишев. Не знает она, о чем они там говорили, но вскоре у них в городе появилась крутая дамочка. Немка, немочка, но со смуглым, непонятно откуда взявшимся пикантным оттенком кожи.

Малахов обидно коротко пояснил, что это была жена еще одного его знакомого, Саши Григорьева. Черт, сколько у него по всему свету завелось знакомых! Как-то она у него спросила:

– Жека, скажи мне, друг мой ситный, чего же ты раньше-то к ним не обращался? Жил ты, как самый последний «отстой». Нищенствовал, пропивая последние деньги. И они тоже, хороши. Все смотрели на тебя со стороны и ничего не предпринимали!

– Знаешь, Сана, – муж повернулся к ней, и она успела, увидела в его глазах глубоко скрытые печаль и сожаление. – Не было у меня смысла в жизни. А зачем мне все, если его нет? И кто бы из них помог мне, зная, что я пью? Что толку? Сколько ни дай, все равно полетит псу под хвост, когда рано или поздно, но пьянь сорвется и уйдет в «запой».

– А что изменилось сейчас? – спросила она.

– Что изменилось? – Малахов широко улыбнулся. – Появилась ты, моя радость! – он подхватил ее на руки и закружил по всей комнате. – Появилась цель, появился смысл, и мои друзья снова поверили в меня. Все это... лишь только благодаря тебе...

После появления той бизнес-леди в банке «Инвесткредит» Малахову открыли счет с кругленькой суммой в валюте. Потом она вообще ничего из того, что творил и крутил Жека,

понять не могла. Муж очень быстро вложил все деньги в недвижимость. Скупал ее направо и налево. Без всякой, как ей казалось, определенной направленности.

Под эту самую недвижимость, перезаложив ее по нескольку раз, взял огромные кредиты в национальной валюте. Давали ему банки с большой охотой, зная, наверно, что является залогом. Имея, видно, далеко идущие намерения в случае его фиаско прибрать за бесценок все к своим рукам.

Слишком уж лакомые кусочки просматривались в общей корзинке. И если заемщик прогорит и вовремя не возвратит им их кредиты...

А Малахов часть денег обменял на иностранную валюту и положил в «Инвесткредит» под проценты. А на оставшуюся часть от всей суммы закупил товар. Вычислительная техника, бытовая. Сахар, зерно, масло подсолнечника. Имела она счастье обойти все это. Потом ей стало дурно.

Все склады доверху были этим товаром забиты. И, самое интересное, ничего не продавалось. Все лежало, стояло, пылилось на складах. Зачем было покупать, если тут же не реализовать? Даже она понимала своим умишком, что в торговле главное – оборот. Все от него зависит. Она покрутила пальцем у виска, а муж, противный, все только посмеивался. И одна его расхожая фраза: «Терпение, моя радость, и еще раз терпение, и тогда украинская щетина превратится в золото...».

Она тогда не поленилась. Заставила себя это сделать и взяла в одну руку вычислительную машинку. С карандашом в другой руке, как бы трудно оно и ни было, просчитала и ужаснулась. Выходило так, что если все это безумие продлится еще с полгода, то они с мужем снова останутся нищими, если еще не хуже того...

С этими расчетами на руках она подступила к Малахову и прижала его к стенке, пустив в ход свой последний козырь:

– Жека, дорогой, ты хочешь, чтобы твой сын родился на помойке?

– У меня будет сын? Это правда?

У Малахова восторженно загорелись глаза, и он рывком подхватил ее на руки, закружил, целуя везде, куда только тыкались его вездесущие и жадные губы. Уронил ее на постель. А ловкие руки, воспользовавшись моментом, пробрались внутрь ее одежды. Вот и поговорили серьезно...

– Нет, хватит, – она, отдышавшись, приступила к продолжению вопроса с пристрастием, дразня его видом слегка припухших грудей, – пока не ответишь, ничего не получишь. Когда этот кошмар закончится?

– Какой?

Она шумно засопела. Противный наглец, он еще и смеялся над нею!

– Ты, дорогой мой, занял деньги под такие сумасшедшие проценты, а товару движения не даешь. Скоро у тебя за долги заберут все, что ты уже или еще имеешь. У нас заберут все. И эту квартиру. Куда я, скажи, принесу твоего сына? Когда уже это безумие прекратится?

– Скоро, Сана, скоро, Сана. Терпение, Сана, и еще раз терпение, и тогда украинская щетина превратится в золото...

Готовая разорвать его в мелкие клочья, она простонала, хватаясь руками за разрывающуюся от переживаний голову:

– Боже! Он еще и шутит!

Осыпая ее лицо нежными поцелуями, муж тихо шептал:

– Все будет, мое Солнышко, хорошо. Поверь мне...

– Тебе, Малахов, – она оттолкнула от себя его любящие руки, – надо отдать долг этой немецкой фрау. Получается, что ты обманываешь и ее. Или ты думаешь, что она тебе долг простит? За твои чудесные глазки, что так смотрят на меня, что мне снова хочется обо все

забыть и потонуть в них? Ух! Как у меня получилось сказать! – ей даже самой понравилось, несмотря на всю пикантность ситуации.

– Спокойствие, – глупая, как ей тогда казалось, улыбка упорно не сходила с лица мужа. – Госпожа Шнайдер в курсе всего этого безумия. Они со своей стороны внимательно отслеживают всю ситуацию...

Его последние слова ее немного успокоили.

– Так это они задумали всю эту безумную аферу?

– Вообще-то, это была идея Рэма...

VII

На досмотр и тщательную проверку каждой машины уходило много времени. Малахов с волнением поглядывал на часы. Драгоценное время, которого было в обрез, бездарно и бесцельно уходило. Его подмывало врубить скорость, вдавить ногу в педаль и дать «газу»!

– Сейчас у нас попросят предъявить документы, и на этом все закончится, – на лице у Бойко выступил холодный пот. – Наверное, наши физиономии имеются у каждой постовой собаки. Сейчас они подойдут к нам. Спросят паспорта, которых у нас нет. Выведут из машины. И лицом к стенке. «Руки вверх!». «Ноги расставить!» – его всего передернуло.

– Не дрейфь, – сквозь силу улыбнулся водитель. – Прорвемся, ребята. Иначе... не стоило нам все это затевать. Только вера в лучший исход может нам помочь преодолеть и это препятствие...

– На тот свет... – вжимая голову в плечи, еле внятно буркнул Бойко.

– Тьфу ты, Мишка! – не выдержал Филимонов и толкнул соседа. – Типун тебе на язык! Снова тебя прорвало в самый неподходящий момент.

– Оно у меня нервное... – извинительно пробормотал тот.

– Ага, само оно собой безостановочно фонтаном прет и прет, помимо твоей собственной, парализованной волнением воли.

– Олег, оставь его в покое. Пригнитесь к полу, накиньте сверху на себя покрывало. А мы сейчас устроим им «Цыганочку с выходом»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.